

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПО ОБЩЕМУ
И СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

"НАУКА"
МОСКВА — 1994

Главный редактор: Т.В. ГАМКРЕЛИДЗЕ

Заместители главного редактора:

Ю.С. СТЕПАНОВ, Н.И. ТОЛСТОЙ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АБАЕВ В.И.
БАНЕР В. (ФРГ)
БЕРНШТЕЙН С.Б.
БИРНБАУМ Х. (США)
БОГОЛЮБОВ М.Н.
БУДАГОВ Р.А.
ВАРДУЛЬ И.Ф.
ВАХЕК Й. (Чехия)
ВИНТЕР В. (ФРГ)
ГРИНБЕРГ Дж. (США)
ДЖАУКЯН Г.Б. (Армения)
ДОМАШНЕВ А.И.
ДРЕССЛЕР В. (Австрия)
ДУРИДАНОВ И. (Болгария)
ЗИНДЕР Л.Р.
ИВИЧ П. (Югославия)
КЁРНЕР К. (Канада)
КОМРИ Б. (США)
КОСЕРИУ Э. (ФРГ)
ЛЕМАН У. (США)
МАЖЮЛИС В.П. (Литва)

МАЙРХОФЕР М. (Австрия)
МАРТИНЕ А. (Франция)
МЕЛЬНИЧУК А.С. (Украина)
НЕРОЗНАК В.П.
ПИЛЬХ Г. (ФРГ)
ПОЛОМЕ Э. (США)
РАСТОРГУЕВА В.С.
РОБИНС Р. (Великобритания)
СЕМЕРЕНЬИ О. (ФРГ)
СЛЮСАРЕВА Н.А.
ТЕНИШЕВ Э.Р.
ТРУБАЧЕВ О.Н.
УОТКИНС К. (США)
ФИШЬЯК Я. (Польша)
ХАТТОРИ СИРО (Япония)
ХЕМП Э. (США)
ШВЕДОВА Н.Ю.
ШМАЛЬСТИГ В. (США)
ШМИДТ К.Х. (ФРГ)
ШМИТТ Р. (ФРГ)
ЯРЦЕВА В.Н.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АЛПАТОВ В.М.
АПРЕСЯН Ю.Д.
БАСКАКОВ А.Н.
БОНДАРКО А.В.
ВАРБОТ Ж.Ж.
ВИНОГРАДОВ В.А.
ГЕРЦЕНБЕРГ Л.Г.
ГАК В.Г.
ДЫБО В.А.
ЖУРАВЛЕВ В.К.
ЗАЛИЗНЯК А.А.
ЗЕМСКАЯ Е.А.
ИВАНОВ ВЯЧ. ВС.
КАРАУЛОВ Ю.Н.
КИБРИК А.Е.
КЛИМОВ Г.А. (отв. секретарь)
КОДЗАСОВ С.В.

ЛЕОНТЬЕВ А.А.
МАКОВСКИЙ М.М.
НЕДЯЛКОВ В.П.
НИКОЛАЕВА Т.М.
ОТКУПЩИКОВ Ю.В.
СОБОЛЕВА И.В.
СОЛНЦЕВ В.М.
СТАРОСТИН С.А.
ТОПОРОВ В.Н.
УСПЕНСКИЙ Е.А.
ХЕЛИМСКИЙ Е.А.
ХРАКОВСКИЙ В.С.
ШАРБАТОВ Г.Ш.
ШВЕЙЦЕР А.Д.
ШИРОКОВ О.С.
ЩЕРБАК А.М.

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волконка, 18/2. Институт русского языка,
редакция журнала "Вопросы языкознания", Тел. 201-74-42
Зав. редакцией Ганнус Н.В.

СОДЕРЖАНИЕ

Чаннон Р. (Вест Лафайетт, Индиана, США). О новом подходе к анализу грамматических отношений	5
Шаховский В. И. (Волгоград). Типы значений эмотивной лексики	20
Левицкий В. В. (Черновцы). Фонетическая мотивированность слова	26
Помирко Р. С. (Львов). Звуковые альтернации и семантика слова	38
Труб В. М. (Киев). О коммуникативных аспектах отрицания как негативной оценки истинности	44
Поликарпов А. А., Курлов В. Я. (Москва). Стилистика, семантика, грамматика: опыт анализа системных взаимосвязей (По данным толкового словаря)	62
Джанаридзе З. Н. (Тбилиси). О методах изучения и природе субсенсорных фонетических единиц	76
Щека Ю. В. (Москва). Гипотеза о возможных этапах языковой эволюции (На материале интонологии турецкого языка)	83
Зеликов М. В. (С.-Петербург). Эллиптические модели в языках Испании (Арсальные черги, происхождение и функционирование)	100
Рудницкая Е. Л. (Москва). Некоторые классы сентенциальных наречий в русском языке. Семантика. Синтаксис. Лексикография	114
Иткин И. Б. (Москва). Еще раз о чередовании <i>e ~ 'o</i> в современном русском языке	126
Веретенников А. А. (Москва). Об одной грамматической инновации в современном персидском языке (некодифицированная функция послелога <i>-ra</i>)	134

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Щербак А. М. (С.-Петербург). <i>Handbuch der türkischen Sprachwissenschaft</i>	140
Демьянков В. З. (Москва). <i>Jacob A. Temps et langage: Essai sur les structures du sujet parlant</i>	143
Алнатов В. М. (Москва). <i>Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания</i>	146
Ермакова О. П. (Калуга). <i>Земская Е.А. Словообразование как деятельность</i>	150
Долинин К. А., Дымарский М. Я. (С.-Петербург). <i>In honour of Professor Victor Levin. Russian philology and history</i>	154

CONTENTS

Channon R. (West Lafayette, Indiana, USA). A new approach to the analysis of grammatical relations; Šaxovskij V.I. (Volgograd). Types of emotive meanings; Levickij V.I. (Chernovtsi). Phonetic motivation of the word; Pomirko R.S. (Lvov). Sound alternations and word semantics; Trub V.M. (Kiev). Communicative aspects of negation viewed as negative evaluation of reality; Polikarpov A.A., Kurlov V. Ja. (Moscow). A systemic investigation of the stylistic features of the word-stock (based on the study of an explanatory dictionary); Džaparidze Z.N. (Tbilisi). On the nature of the subsensorial phonetic units and methods of their study; Ščeka Ju. V. (Moscow). A hypothesis on possible stages of language evolution (based on materials of Turkish intonology); Zelikov M. V. (St.-Petersburg). Elliptic patterns in the languages of Spain (areal characteristics, origin and function); Rudnickaja E.L. (Moscow). Some classes of sentential adverbs in Russian. Semantics. Syntax. Lexicography; Itkin I.B. (Moscow). Once more on the alternation *e ~ 'o* in contemporary Russian; Veretennikov A. A. (Moscow). On a certain grammatical innovation in contemporary Persian (uncodified function of the postfix *-pa*); Reviews: Ščerbak A.M. (St.-Petersburg). *Handbuch der türkischen Sprachwissenschaft*; Demiankov V.Z. (Moscow). Jacob A. *Temps et langage. Essai sur les structures du sujet parlant*; Alpatov V.M. (Moscow). *Kibrik A.E. Essays on general and applied linguistics*; *Ermakova O.L. (Kaluga). Zemskaja E.A. Word formation as activity*; Dolinin K.A., Dymarskij M.Ja. (St.-Petersburg). In honour of Professor Victor Levin. Russian philology and history.

© 1994 г. ЧАННОН Р.

**О НОВОМ ПОДХОДЕ
К АНАЛИЗУ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ***

**I. ПОРОЖДАЮЩАЯ ГРАММАТИКА, ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ ГРАММАТИКА
И РЕЛЯЦИОННАЯ ГРАММАТИКА**

С выходом в свет в 1957 г. книги Хомского "Синтаксические структуры" [1] открылось новое направление в изучении синтаксиса. Хомский отошел от позиций эмпиризма, господствовавшего в XIX и в первой половине XX в., предложив рационалистическую и менталистскую ориентацию в лингвистике. В его теории целью лингвистического описания была провозглашена компетенция носителя языка (что знает о языке каждый его носитель), противопоставляемая употреблению (как носитель использует язык).

В рамках этой системы интерес к компетенции говорящего естественным образом привел к порождению модели, которая предполагает выведение всех наблюдаемых (поверхностных) структур из исходных (глубинных) согласно правилам данного языка. Такая модель противопоставляется эмпиристскому описанию языка, которое ограничивается классификацией наблюдаемых фактов на основе операционных принципов. Модель Хомского является также трансформационной, поскольку она опирается на определенный класс правил, трансформации, которые на разных этапах вывода преобразуют абстрактную структуру, лежащую в основе предложения, в поверхностную (встречающуюся в высказываниях, текстах) структуру. Различия между соотносенными (как правило, синонимичными) высказываниями приписываются различиям в деривации этих высказываний от единой исходной структуры к множеству поверхностных структур. При анализе некоторых описаний языка, не отражающих порождающей модели, также использовался трансформационный принцип: это дает возможность показать отношения между соотносительными рядами высказываний, хотя менее формальным образом и в меньшей степени.

За 20 с лишним лет, прошедших после издания "Синтаксических структур", было накоплено много дополнительных знаний о синтаксических явлениях, о закономерностях построения теории синтаксиса и об ограничениях на то и на другое. За это же время возник целый ряд как фундаментальных, так и более частных вопросов, которые разделили синтаксистов на противоборствующие лагеря. Среди них в первую очередь можно назвать проблему соотношения синтаксиса и семантики (в частности, вопрос о том, существует ли отдельный синтаксический уровень глубинной структуры), проблему ограничений на мощность и на типы возможных трансформаций и соотношения трансформаций со структурой синтаксической базы¹. Так как дебаты по этим проблемам, в основном не касаются темы данной работы, мы не будем на них останавливаться. Возник, однако, другой вопрос, который для настоящей работы

* Автор выражает свою искреннюю благодарность А.Е. Кибрику и С.В. Кодзасову, прочитавшим первый вариант этой статьи, за очень ценные указания и предложения, которые значительно улучшили работу, и за помощь, оказанную в процессе ее написания. Ответственность за все погрешности и неточности, конечно, несет автор.

¹ Здесь имеются в виду, главным образом, споры о "генеративной/интерпретивной семантике" и о "гипотезе сохранения структуры" (см. [2—13]).

является важным, — о признании в грамматике структурной роли, которую имеет в предложении именная группа. Данный вопрос был поставлен в современной синтаксической теории еще в 1966 г. Ч. Филлмором, и грамматическая теория, основанная на его идеях, получила название "падежной грамматики"². В падежной грамматике именные группы, сочетающиеся с данным глаголом, считаются реализациями семантических аргументов предложения. Каждый аргумент имеет семантическую роль, например, агент, объект, инструмент и т.д. При исследовании синтаксического компонента грамматики можно непосредственно обращаться к сведениям о ролях аргументов в предложении; синтаксические правила и процессы, в свою очередь, зависят от ролей различных аргументов. Трансформация образования подлежащего превращает один из аргументов в подлежащее. В зависимости от исходной синтаксической роли продвинутого аргумента определяется соответствующее залоговое значение (например, "пассивным предложением" в падежной грамматике является предложение, в котором в качестве подлежащего выбран объект). Тот факт, что в падежной грамматике зафиксирована роль именной группы при порождении предложения, конечно, имел большое влияние на форму и содержание синтаксического описания языка вообще и отдельных языков в частности. Это привело к созданию синтаксической теории, во многом отличающейся от предыдущих.

Но одновременно с выявлением крайне интересных возможностей, подсказанных падежной грамматикой, обнаружилось и некоторые проблемы, оказавшиеся, в конце концов, непреодолимыми в рамках этой теории. К ним относятся нечеткость корреляции между синтаксисом и семантикой, неясность ответа на вопрос о том, следует ли допустить возможность обращения к семантической информации и как ее использовать в синтаксисе, трудности определения и ограничения ролей аргументов и создания адекватных тестов для определения роли данного аргумента. Категориальная (ролевая) информация об аргументах должна была служить связующим звеном между синтаксисом и семантикой, но поскольку такие основные вопросы, как инвентарь возможных типов аргументов и отнесение данной именной группы к тому или иному типу, не поддавались решению, подобный подход не мог обеспечить решения ряда важных синтаксических проблем. Тем не менее Филлмор внес очень важный вклад в теорию трансформационной порождающей грамматики, введя в синтаксический анализ реляционные (подлежащее, дополнение) и семантикореляционные (агента, инструмента и др.) понятия.

Различия в путях решения этих вопросов привели к образованию нескольких "независимых" теорий грамматики, но все они так или иначе восходят к теории Хомского, являясь порождающими и трансформационными, в вышеприведенном употреблении этих терминов.

Одновременно с ростом и развитием трансформационной порождающей грамматики и появлением в ней разных направлений в течение этих двадцати лет расширилась сфера приложения этой теории, возникшей на материале английского языка, к более широкому кругу языков, хотя наиболее тщательно изученным языком в рамках указанной теории остается английский. В число языков, которые рассматривались с этой точки зрения, входят славянские (наряду с многочисленными статьями и диссертациями им посвящены некоторые сборники и монографии, в частности [17—19]).

Хотя некоторые положения трансформационной порождающей грамматики были пересмотрены в результате попыток анализа разных языков мира, тем не менее многие ее черты (как фундаментальные, так и второстепенные), как оказалось, не позволяют дать адекватного описания синтаксиса ряда языков, включая и славянские. То, что эта теория на ранних этапах развивалась преимущественно на материале английского языка, оставило на ней определенный "английский отпечаток". Это и послужило основой критики со стороны лингвистов, занимавшихся другими языками.

² Основополагающими работами "падежной грамматики" являются [14—16].

Наиболее очевидной чертой главных течений³ трансформационной грамматики, которые носят "английский отпечаток" и не подходят для описания славянских языков (за исключением, может быть, тех из них, которые утратили именное склонение), является их преувеличенное внимание к линейному порядку и отношениям доминанции (в результате этого многие отношения и трансформации определяются в терминах порядка элементов в цепочке) и общее отсутствие интереса к функциям именованных групп (маркирование их падежными окончаниями мыслится как довольно низкоуровневый второстепенный процесс) [8, 5]. Именно в этом отношении падежная грамматика представляет собой исключение, и поэтому она привлекла внимание со стороны славистов.

Недавно, однако, появилась новая модель грамматики, которая, как представляется, больше подходит для описания языка вообще и славянских языков в частности. Эта модель, развиваемая Перлмуттером и Посталом, называется реляционной грамматикой (relational grammar)⁴. Реляционная грамматика, как и падежная грамматика, отличается от главных направлений трансформационной грамматики в том важном аспекте, что она ставит в центр внимания отношения (реляции), в которые вступают именные группы в предложении. Эти реляции рассматриваются как исходные элементы грамматики. Однако реляционная грамматика отличается от падежной тем, что реляции, с которыми она имеет дело, являются синтаксическими, а не семантическими. Реляционная грамматика, таким образом, занимает вполне определенную позицию в отношении вопроса о том, какие бывают реляции и как они отражаются в грамматике, и в то же время избегает таких проблем падежной грамматики, как связь между синтаксисом и семантикой, приемлемость семантической информации в синтаксисе и выработка диагностики для определения роли данной именной группы⁵. В реляционной грамматике многие правила формулируются в терминах синтаксических реляций и описывают изменения в этих реляциях, а не на основе линейного порядка и изменений в этом порядке. Это также означает, что синтаксические изменения разных типов, которые раньше даже нельзя было сформулировать, теперь могут быть выявлены и строго описаны. Ниже дан очерк реляционной грамматики и примеры анализа некоторых явлений в рамках этой теории.

II. ОЧЕРК РЕЛЯЦИОННОЙ ГРАММАТИКИ

Реляционная грамматика основана на предположении, что реляции (функции), выражаемые именными группами в предложении, представляют собой исходные, неопределяемые понятия грамматики, что это реляции необходимо включать в грамматическое описание, что они определяют или ограничивают деривационную историю предложения и что ими управляют универсальные законы и принципы (которые, в свою очередь, требуется сформулировать), лежащие в основе грамматик

³ Под термином "главные течения трансформационной грамматики" подразумеваются широко распространенные варианты теории, в частности то, что называется "расширенная стандартная теория" и генеративная семантика.

⁴ Реляционная грамматика восходит к трансформационной и порождающей грамматике, но эта модель развивалась так, что термины "трансформационная" и "порождающая" в том виде, как они воспринимаются в главных течениях трансформационной грамматики, по отношению к реляционной грамматике не пригодны и не употребляются. Реляционная грамматика в настоящее время быстро развивается и подвергается изменениям, и тот ее вариант, на котором базируется настоящая работа, представляет собой некоторый этап развития, в целом он сохраняет актуальность и отличается от дальнейших вариантов только деталями, которые здесь не существенны. В частности, за последнее время очень быстро развивались формальные средства реляционной грамматики, но правила и примеры даны у нас неформально для простоты изложения и удобства чтения.

⁵ Недавно, однако, были попытки заполнить пробел между намеренно синтаксическим подходом к изучаемым реляциям и семантическими реляциями, существующими в абстрактном представлении значения данного предложения. Об этих попытках см. в примеч. 7.

человеческих языков⁶. Выделение реляций в той или иной степени совпадает с традиционной классификацией именных групп по членам предложения. Среди синтаксических реляций, которые выделены к настоящему времени, находятся реляция подлежащее (subject), прямое дополнение (direct object) и адресатное косвенное дополнение (indirect object). Именно признание этих реляций играет главную практическую роль в выделении реляционной грамматики из основных течений трансформационной порождающей грамматики. Своей попыткой воспользоваться лингвистической информацией этого типа реляционная грамматика напоминает падежную грамматику, но в падежной грамматике рассматриваются семантические реляции, тогда как в реляционной грамматике рассматриваются синтаксические⁷. Таким образом, она признает, что именные группы обладают синтаксической функцией, или реляцией, в предложении, которому они принадлежат, а не только представляют лишь синтаксическую категорию (именную группу). Эта реляция, кроме того, играет важную роль в синтаксисе, поскольку выражена эксплицитно: она становится доступной синтаксическим правилам, а эти последние могут воздействовать на реляцию, изменяя ее.

Хомский [3, с. 61—70, 208—209] дает определение реляций "подлежащее" и "прямое дополнение" в терминах НС-структуры/отношений доминанции: подлежащим является та именная группа, над которой непосредственно доминирует узел S ([NP], S)), тогда как прямым дополнением является та именная группа, над которой непосредственно доминирует узел VP ([NP, VP]), но в дальнейшем он не пользуется этими реляциями ни в описании синтаксических процессов, ни в формулировках трансформаций. В основном он использует их для формулировки селекционных (сочетаемых) ограничений. Конечно же, он выдвигает аргументы против эксплицитного включения реляционной информации в переписывающие правила или в показатели НС-структуры по той причине, что такая информация является избыточной, поскольку она уже представлена в показателях НС-структуры, при условии, что имеются подходящие определения реляций. Итак, в трансформационной грамматике даже нет прямого способа сослаться на подлежащее, прямое дополнение и т.д. как на реляции; можно только их выводить из определенных конфигураций категориальной информации. Трансформации, однако, представляют собой операции на терминальных цепочках и не имеют доступа к уровням категориальной структуры, которые позволили бы отождествить, в рамках хомскианских определений, указанные реляции. Следовательно, в трансформационной грамматике трансформации не могут ни с точки зрения теории, ни с точки зрения средств записи отразить такие реляции, как подлежащее, прямое дополнение. К тому же Хомский утверждает [3, с. 116]: "Правила категориального компонента выполняют две совершенно отдельных функции: они определяют систему грамматических отношений и задают порядок элементов в глубинных структурах" (разрядка моя.—Ч.Р.).

Включение этой второй функции в число целей переписывающих правил подвергалось критике со стороны некоторых лингвистов, см. например, работу С.К. Шаумяна и П.А. Соболевой [21], которые предлагают неупорядоченную базу,

⁶ До сих пор вышло очень мало работ о реляционной грамматике. Кроме отдельных статей, можно назвать сборник [20].

⁷ Как было отмечено выше в примеч. 5, недавно в реляционной грамматике была предпринята попытка установить связь между синтаксически мотивированными реляциями, о которых здесь идет речь, и семантической структурой. Эта попытка идет по линии вскрытия соответствий между семантическими реляциями и исходными синтаксическими термовыми значениями посредством формулирования универсальных законов приписывания именованным группам исходных термовых значений. Подчеркивается, что такие законы действительны только для исходного распределения термовых реляций и что следующие за этим этапом синтаксические изменения могут существенно изменять реляции, тем самым затемняя соответствие между синтаксическими и семантическими реляциями. Эти изменения в синтаксической функции часто создавали трудности для падежной грамматики, в которой аргументы сохраняли при изменении синтаксической функции свои семантически мотивированные ярлыки и не являлись полноценными синтаксическими единицами (см. выше).

порождаемую НС-правилами. Однако Хомский отстаивает свою позицию. Что касается настоящей работы, то для нее важен тот момент, что невозможность непосредственно отразить реляционную информацию в трансформациях и вытекающая отсюда необходимость формулировать их лишь на основе категориальной информации, при том, что правила, производящие категориальную информацию, одновременно обязательно придают ей определенный порядок, равносильны определению обсуждаемых реляций в терминах позиции, а не в терминах отношений доминанции или в терминах других отношений (это эквивалентно утверждению, что подлежащим является именная группа, стоящая непосредственно влево от глагола, и прямым дополнением является именная группа, стоящая непосредственно вправо от глагола, а не именные группы, над которыми непосредственно доминирует узел S и узел VP соответственно).

Кроме того, что в расширенной стандартной теории обсуждаемые реляции кажутся почти избыточными [5], определения этих реляций в ней предполагают, что исходный порядок составляющих, полученный в результате действия НС-правил, одинаков во всех языках и тождествен английскому порядку [3, с. 60—70], что является далеко не бесспорным. Однако даже приняв такое допущение для русского языка, мы увидим из приводимых ниже примеров 1—6 и 7—12, что предлагаемые Хомским определения реляций, о которых идет речь, неадекватны. Сам Хомский пишет [3, с. 150—151]: «В силу этого представляется, что помимо понятий поверхностной структуры (типа "грамматического субъекта") и глубинной структуры (типа "логического субъекта") существует еще более абстрактное понятие "семантической функции", еще не объясненное».

Но чтобы иметь возможность оперировать понятием "субъект" (подлежащее), надо эксплицитно признать и включить в теорию грамматики эту и другие реляции; именно на вопросы типа поставленного Хомским пытается ответить реляционная грамматика.

Часто утверждается, что возвратные элементы в русском языке всегда относятся к подлежащему. Хотя и можно найти исключения из этого правила (например, *У меня с собой нет ручки, Нет пророков в своем отечестве, Мне жаль свою собаку*), оно описывает подавляющее большинство случаев и в общем сохраняет силу в простых предложениях, за исключением определенных типов конструкций. Выразить этот факт в так называемой "расширенной стандартной теории" ("extended standard theory") трансформационной грамматики можно только одним способом: путем включения именной группы в трансформацию рефлексивизации: эта группа располагается непосредственно влево от глагола (... NP V...) и выступает в качестве антецедента возвратного элемента, так как только этим способом определяется реляция "подлежащее". Такой способ определения подлежащего, однако, оказывается неадекватным для русского языка даже в том случае, если мы ограничим описание "глубинным", "немаркированным", или "стандартным" порядком слов. Это ясно видно из следующих примеров, где возвратный элемент явно относится к слову *он*, а не к именной группе, непосредственно предшествующей глаголу:

- 1) *Он каждый день писал своей матери.*
- 2) *Он весь день читал своим детям.*

В качестве свидетельства против возможного контрутверждения, что словосочетания *каждый день, весь день* первоначально возникают в другой позиции в предложении, а потом передвигаются в непосредственно предглагольную позицию, можно привести предложения, в которых соответствующие наречия, как предполагается, порождаются в "нейтральной" предглагольной позиции. Это показывает, что элементы данного типа могут вклиниваться между подлежащим и глаголом:

- 3) *Он ежедневно писал своей матери.*
- 4) *Он часто писал своей матери.*
- 5) *Он долго читал своим детям.*
- 6) *Он часто читал своим детям.*

Если же понятие подлежащего признается и принимается в синтаксисе, то синтаксические правила могут непосредственно им оперировать и проблема формулирования правил типа тех, о которых идет здесь речь, решена. Аналогичная проблема возникает в связи с определением прямого дополнения, например, в формулировке пассивной трансформации, которая нуждается в идентификации как прямого дополнения, так и подлежащего. И в этом случае правило, опирающееся на линейный порядок, не годится, так как нет гарантии того, что именная группа, непосредственно следующая за глаголом, является прямым дополнением, даже если она стоит в винительном падеже. К тому же, как только что было отмечено, и подлежащее нельзя надежно определить по позиции. Это можно видеть на примерах 7—8 (ср. примеры Климы [22])⁸:

7) *Он забыл весь тот день.*

8) *Он читал весь тот день.*

Хотя словосочетание *весь тот день* занимает одинаковую позицию в обоих предложениях (а также совпадает по форме и падежу), только в примере 7 оно является прямым дополнением. Следовательно, только от примера 7 можно образовать пассивный вариант (ср. 9), а от 8 нельзя (ср. 10):

9) *Весь тот день был забыт.*

10) **Весь тот день читался/был прочитан.*

Неприемлемость примера 10 не может быть обусловлена лексическим ограничением при глаголе *читать*, которое препятствует его пассивизации, так как наблюдаются приемлемые предложения типа 12, которое образовано от 11:

11) *Он читал эту газету.*

12) *Эта газета была прочитана (читалась).*

Приемлемость 12 объясняется тем, что в 11 есть прямое дополнение. Итак, если в грамматике используется понятие "прямое дополнение" и поэтому существует возможность прямого обращения к объекту этой реляции, совершенно легко и естественно можно формулировать правило, трансформирующее прямое дополнение в подлежащее. Приемлемость предложений 9, 12 и неприемлемость 10 вытекают, следовательно, из формулировки этой трансформации. Так как в 7, 11 представлены прямые дополнения, они могут быть преобразованы в пассивные варианты (9, 12), а так как в 8 нет прямого дополнения, из него нельзя образовать пассив: данный подход, таким образом, автоматически и естественно объясняет, почему 10 — неграмматичное предложение.

Имеется еще одно, даже более существенное преимущество использования грамматических реляций в формулировке трансформации пассивизации. Суть процесса пассивизации становится одинаковой для всех языков, пользующихся трансформацией: прямое дополнение становится подлежащим. Специфические для данного языка особенности этой трансформации (типа изменений в порядке слов и их морфологическом оформлении и т.д.) надо все равно упоминать, но ясно, что они являются второстепенными факторами в общей картине пассивизации. А именно такие второстепенные специфические явления — это бросается в глаза в поверхностной структуре — и служили основой предыдущих трансформационных (и многих не трансформационных) описаний пассивизации, в результате чего в этих описаниях не удавалось отразить суть дела и формулировки пассивизации сильно отличались друг от друга, в зависимости от языка.

⁸ Пример 7 приведен в том виде, как он дается в работе Климы: вместо 8 у Климы дается: *Он спал весь день*. Глагол *спать* заменяется в данной работе потенциально переходным глаголом, чтобы показать, что отсутствие пассивного варианта не связано со свойственной глаголу *спать* непереходностью. Итак, различительным признаком для примеров типа 7 и 8 не может служить классификация глагола в словаре по переходности/непереходности. И Клима дальше приводит двусмысленное предложение, для которого возможны обе обсуждаемые здесь интерпретации: *Он проспал весь день*.

Основными тремя реляциями, признаваемыми реляционной грамматикой, являются подлежащее, прямое дополнение и адресатное косвенное дополнение, обозначаемые для удобства ярлыками 1 (единица), 2 (двойка), 3 (тройка) соответственно. Именная группа, выступающая в одной из этих трех функций, называется *те р м о м* (*term*); именная группа, выступающая в какой-либо другой из возможных функций (инструмент, место, время и т.д.) — *н е - т е р м* (*non-term*). Реляции иерархически упорядочены так, что все термы имеют более высокий ранг, чем не-термы, а среди термов подлежащее выше по рангу, чем прямое дополнение, которое, в свою очередь, выше адресатного косвенного дополнения. В настоящее время нет сведений, которые позволили бы ответить на вопрос, имеется ли иерархическое упорядочение не-термов, и если да, то каково оно. Вышеуказанная иерархия имеет эмпирическое основание; она определяется наблюдениями над поведением термов относительно различных синтаксических правил и процессов ("параметров"). Чем выше в иерархии данная категория, тем "мощнее" она в синтаксисе. Например, все термы выше всех не-термов, и, как правило, только термы могут вызывать рефлексивизацию, кореференциальное опущение или глагольное согласование. Не все термы обязательно обладают всеми этими свойствами во всех языках (например, в русском языке рефлексивизация обычно вызывается только единицами, а никогда двойками или тройками⁹), но утверждается, что, как правило, не-терм не может вызывать такие трансформации в каком-либо языке (т.е. не-терм не вызовет рефлексивизацию, кореференциальное опущение, глагольное согласование и т.д.). Что касается термов, иерархия эксплицитно предсказывает, что относительно некоторых параметров, поведение, которое обнаруживает в данной ситуации 3, обнаруживает также 2 или 1, но не предсказывает обратного (хотя обратное может быть верно). Так, утверждается, что если в данном языке глагол согласуется с прямым дополнением, то в этом языке глагол согласуется также и с подлежащим. В то же время языки, обнаруживающие согласование с подлежащим, не обязательно имеют согласование также и с прямым дополнением. Далее иерархическая организация аргументов предполагает, что данный язык не может иметь, скажем, согласование глагола с единицей и с тройкой, не имея в то же время согласования с двойкой.

Изменение реляции, которой характеризуется данная именная группа, может быть вызвано синтаксическим правилом, меняющим ее место в иерархии. Такое правило называется *п е р е о ц е н и в а ю щ и м п р а в и л о м* (*revaluation rule*). Переоценивающее правило продвигает или понижает некоторую именную группу на новое место в иерархии реляций, вытесняя ту именную группу, которая прежде занимала это место. Такая вытесненная именная группа называется *ш о м ё р о м* (*chomeur*, от франц. *chômeur* "безработный"). Дальнейшая судьба этих вытесненных аргументов решается по-разному отдельными языками, но существенно и поучительно заметить, что в данном языке обычно наблюдаются некоторые общие принципы трактовки помёров, порожденных разными правилами (например, в английском языке они обычно переносятся в конец предложения, тогда как в русском маркируются творительным падежом).

Встречаются переоценивающие правила трех типов: продвижения (*Advancements*), которые смещают данный аргумент на более высокую (в иерархии) реляцию внутри предложения (например, ПАССИВ, который повышает 2, превращая ее в 1); *п о н и ж е н и я* (*demotions*), которые сдвигают данный аргумент на более низкую реляцию внутри предложения (например, ИНВЕРСИЯ, снижающая 1 до 3); и *в о с х о ж д е н и я* (*ascensions*), которые повышают подставляющую до реляции всей составляющей (например, ВОСХОЖДЕНИЕ ДОПОЛНЕНИЯ), причем

⁹ Имеются, конечно, некоторые хорошо известные случаи, когда кажется, что рефлексивизация вызвана аргументом, который не является 1, но в общем можно сказать, что антецедентом возвратного элемента обязательно должно быть подлежащее предложения.

остальная часть составляющей становится шомёром. Восхождения могут происходить либо внутри простого предложения, либо из придаточного предложения в главное.

Переоценки являются правилами, воздействующими на термовость (в данном случае путем повышения или снижения в иерархии); существуют, кроме того, и в с т а в к и (insertions), о п у щ е н и я (deletions) и с л и я н и я (clause unions), которые влияют на термовость другими путями. Вставки создают в предложении новые (семантически пустые) аргументы путем использования п у с т ы ш е к (dummies) (например, ВСТАВКА *THERE* в английском языке). Опушения устраняют составляющие из структуры; когда они устраняют именные группы, несущие грамматические реляции, то тем самым изменяют термовую структуру (например, КОРЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ ОПУЩЕНИЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО). Слияния склеивают "двухэтажные" (сложноподчиненные) предложения некоторых типов в "одноэтажные", причем синтаксические зависимые подчиненного глагола становятся синтаксическими зависимыми подчиняющего глагола (например, КАУЗАТИВ во многих языках); в таких ситуациях грамматические реляции всегда изменены в "низшем" (подчиненном) предложении и обычно изменяются и в "вышем" (подчиняющем) предложении. Интересным наблюдением, полученным при рассмотрении правил, изменяющих термовость, является то, что они все представляют собой правила, для аналогов которых в трансформационной грамматике, если они и существуют, может быть доказана цикличность¹⁰.

На основе довольно широкого исследования реляционных явлений в большом количестве языков различных типов Перлмуттер и Постал предлагают некоторые законы реляционной грамматики. Эти законы предполагаются не как правила отдельных языков, а как формулировки универсальных принципов грамматики или как общие ограничения на грамматику, которые в конкретных человеческих языках обязательно соблюдаются. Они, разумеется, должны подвергаться эмпирической проверке или изменению по мере продвижения в области познания грамматики вообще. Однако есть надежда, что после соответствующего уточнения и переформулирования они составят своего рода универсальную грамматику, определяющую границы возможных различий между естественными языками. В последующей части настоящей работы новая модель иллюстрируется на основе анализа некоторых синтаксических проблем.

III. ОБРАЗЦЫ РЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА НЕКОТОРЫХ ЯВЛЕНИЙ РУССКОГО И ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

В этом разделе более конкретно рассматриваются некоторые продвижения и связанные с ними синтаксические явления на материале русского и других языков¹¹. В рамках настоящей работы мы обсудим три продвижения. Самым изученным и, наверное, самым распространенным является пассивизация, известная в большом числе языков, потому это продвижение может служить здесь удобным вводным примером¹².

В обычных описаниях разных языков пассивизация рассматривается только в контексте данного языка, как процесс, связанный с грамматическими приемами последнего. Хотя в этом есть доля правды и, конечно, специфику языка нужно обязательно учитывать, такой подход сосредоточивает внимание на тех моментах, которые являются частными, второстепенными, сопровождающими пассивизацию

¹⁰ Можно доказать, таким образом, что они циклические в тех разновидностях трансформационной грамматики, которые принимают понятие "цикл" и пользуются им. Одно время цикл признавался и в реляционной грамматике, однако теперь он в ней больше не используется.

¹¹ Продвижения в реляционной грамматике в основном соответствуют диатезам, о которых говорится в работах А.А. Холодовича, В.С. Храковского, В.П. Недрякова и др. Сходства реляционной грамматики с их анализом языка многочисленны. Но так как задачей настоящей работы является описание реляционной грамматики как таковой, связи с другими теориями обсуждаться не будут.

¹² Это описание пассива основано на неопубликованных работах Перлмуттера и Постала.

особенностями данного языка, т.е. на внешних признаках пассивизации, а не на ее сути. Обращается внимание преимущественно на изменения в линейном порядке элементов в предложении, в маркировке именных групп и в глагольной морфологии и предполагается при этом, что пассивизация состоит в самих этих изменениях. Таким образом, при сравнении грамматик разных языков создается впечатление, что пассивизация в одном языке не имеет ничего общего с пассивизацией в другом, поскольку структура разных языков в этом отношении неодинакова.

Реляционный подход, наоборот, исходит из общего свойства пассивизации. Она рассматривается как продвижение прямого дополнения в подлежащее, т.е. 2 в 1. Все остальные синтаксические изменения подчиняются этому главному изменению и во многих случаях вытекают из него. Возьмем, например, пассивные трансформы в английском и русском языках (13—14):

13а) *The Council issued necessary certificate.*

13б) *The necessary certificate was issued by the Council.*

14а) *Совет выдал нужную справку.*

14б) *Советом выдана нужная справка.*

Общая формулировка пассивизации как продвижения двойки годится для обоих языков. Остается отметить изменения в поверхностном построении предложения: в английском — перестановка именных групп (порядок слов), вставка предлога *by* (именная маркировка) и спряжение в страдательном залоге (глагольная морфология), а в русском — только падежные окончания (именная маркировка) и спряжение (глагольная морфология). Но дело в том, что в грамматике английского языка все равно надо сформулировать общий закон порядка слов (его нет необходимости повторять в каждом отдельном правиле), согласно которому порядок именных групп не свободен, а фиксирован по реляционному принципу "подлежащее — глагол — прямое дополнение" (а не по синтаксическим категориям NP-V-NP). Это обобщение касается не только пассивных предложений, но и всех предложений английского языка, и поэтому оно не должно являться только подчастью пассивной трансформации, так как само по себе содержится в синтаксисе английского языка. Но если оно уже все равно есть, не надо его повторять в формулировке пассивной трансформации (и любой другой трансформации, изменяющей термовые отношения в предложении), ибо эта информация является избыточной. Поэтому специальные замечания о линейном порядке не нужны в формулировке пассивной трансформации, и вопрос об изменении порядка отпадает. Эта проблема исчезает не только в английском, но и в любом другом языке: либо в языке имеется "свободный" порядок слов (например, в русском) и поэтому вопрос об изменении порядка элементов при пассивизации не возникает, либо в языке имеется фиксированный порядок слов и тогда применяется та же аргументация, что и в английском. Только в случае языка смешанного типа (т.е. такого, в котором в активных предложениях имеется свободный порядок слов, а в пассивных фиксированный, или, наоборот, в активных фиксированный и в пассивных свободный) или в случае, когда в активных предложениях порядок фиксирован по одному принципу, а в пассивных по другому, порядок слов может считаться исконной частью пассивной трансформации, и только тогда в ее формулировке приходится упомянуть этот момент. Однако существование таких языков сомнительно.

Аналогичный аргумент можно применить при обсуждении вопроса об именной маркировке. В любом случае в отношении каждого предложения в грамматике русского языка следует отметить, что подлежащее стоит в именительном падеже, тогда как прямое дополнение в винительном. Этот факт не влияет на процесс пассивной трансформации. Отсюда следует с полной очевидностью, что после пассивизации бывшее подлежащее больше не будет стоять в именительном падеже и что бывшее прямое дополнение (новое подлежащее) потеряет винительную маркировку и приобретет именительную. Единственный непредсказуемый момент

пассивизации состоит в том, что бывшее подлежащее приобретает творительную маркировку; но, как мы увидим ниже, даже этот момент предусмотрен.

Остается изменение глагольной морфологии, которое, действительно, служит признаком пассивизации. Пассивизация, как и все продвижения, является в основном залоговой трансформацией, и поэтому она, естественно, отражается на форме глагола. Изменение глагольной морфологии служит показателем того, что исходные термовые реляции предложения изменились. Таким образом, реляционная грамматика, исходя из изменения термовых реляций, объясняет разные аспекты процесса пассивизации и объединяет описание пассивизации в разных языках мира.

Кроме пассивизации, в русском языке действуют и другие продвижения, хотя они менее известны и менее признаны, чем пассивизация. Одним из них является продвижение $3 \rightarrow 2$, представленное в английском языке, латыни, языке суахили. Эта трансформация продвигает 3 в 2, например, в английских примерах 15:

15а) *John sent a letter to Mary.*

15б) *John sent Mary a letter.*

В предложении 15а *John-1, letter-2* и *Mary-3*, а в предложении 15б *John-1, Mary-2* (3 продвигается в 2) и *letter-2* (шомёр-двойка/бывшая двойка, вытесненная со своего места новой двойкой *Mary*). О том, что в предложении 15б *Mary* становится новой двойкой, свидетельствует порядок слов (*Mary* стоит непосредственно после глагола, на месте прямого дополнения), исчезновение предлога *to* (маркировка тройки; английская 2 ничем не маркируется) и дальнейшее поведение *Mary* как 2. См. пассивные варианты 15в, 15г:

15в) *A letter was sent to Mary by John.*

15г) *Mary was sent a letter by John.*

В 15в ("первый пассив") 2 становится 1, как было раньше замечено при обсуждении пассивизации; 3 остается без изменения. Но в английском языке существует и "второй пассив" 15г, в котором 3 как будто становится 1 и в результате получается пассивное предложение с прямым дополнением (*letter*), что является традиционной проблемой английской грамматики. Если, однако, признать продвижение $3 \rightarrow 2$, то все становится ясным. Предложение 15г является производным не от 15а, а от 15б; в 15б *Mary* не 3, а 2 и *letter* не 2, а 2. Когда 15б трансформируется в пассив, 2 (*Mary*) становится 1, как в обычном пассиве, и *letter* (2, больше не прямое дополнение) остается без изменения. Таким образом, 15г произведено той же трансформацией, что и любой другой пассив, и имеет не прямое дополнение, а шомёр-двойку. Итак, в пучке трансформационно связанных предложений 15 15а отражает исходную структуру, 15б иллюстрирует применение продвижения $3 \rightarrow 2$ к 15а, 15в иллюстрирует применение продвижения $2 \rightarrow 1$ (пассивизации) к 15а и 15г показывает результат применения к 15а продвижения $3 \rightarrow 2$ и дальнейшего продвижения этой новой 2 в 1 (или применения $2 \rightarrow 1$ к 15б).

В русском языке можно наблюдать действие продвижения $3 \rightarrow 2$ еще более ясно, так как изменения в реляциях сопровождаются (естественно) изменениями в падежах; однако это явление в русском очень ограничено и касается только небольшой группы глаголов, из которых многие уже устарели.

Из глаголов, имеющих активное употребление в современном языке, можно назвать глагол *обеспечивать*, который встречается с управлением кому что или кого чем, см. 16а/16б¹³:

16а) *Наш коллектив обеспечивает семена всей области.*

16б) *Наш коллектив обеспечивает всю область семенами.*

Здесь именная маркировка свидетельствует об изменении в грамматических отношениях: *область* переходит из дательного падежа (16а) в винительный (16б), т.е.

¹³ Этот пример построен на материале Апресяна [24, с. 131]. В той же работе можно найти много примеров двойного глагольного управления разных типов. Такие примеры в реляционной грамматике рассматриваются как продвижения.

3 становится 2; *семена* переходит из винительного падежа (16а) в творительный (16б), т.е. вытесняется из прямых дополнений и становится шомёром. Как и в случае с английскими примерами, пассивные варианты поддерживают предположение, что прямое дополнение меняется, см. 16в, 16г:

16в) *Нашим коллективом всей области обеспечены семена.*

16г) *Нашим коллективом вся область обеспечена семенами.*

Подлежащим при пассивизации в 16в становится и с х о д н а я двойка *семена*, а в 16г п р о и з в о д н а я двойка (бывшая тройка) область. Этим подчеркивается, что в 16б *область* больше не тройка, а новая двойка, согласно действию продвижения 3 → 2. Предложения типа 16г проливают также свет на статус аргумента, стоящего в творительном падеже, в предложениях типа 16б. Часто считается, что агент пассивного предложения (который выражается творительным падежом) и другой аргумент в творительном падеже несовместимы друг с другом (ср. 17):

17а) *Медведь был убит охотником.*

17б) *Медведь был убит ножом.*

17в) **Медведь был убит охотником ножом.*

Но из предложения типа 16г видно, что ограничение на присутствие двух аргументов в творительном падеже является более узким и касается сочетания агента с инструментом или, может быть, с любым исходным аргументом, выражающимся творительным падежом, т.е. с семантическим употреблением творительного падежа (например, в 17в). В 16г, наоборот выступает производное, условное, чисто синтаксическое употребление творительного падежа (выражение шомёра, порожденного действием продвижения 3 → 2) в сочетании с агентом, и приємлемость таких предложений указывает на производность и несемантичесность употребления творительного падежа в данных случаях, т.е. на шомёрство данных аргументов. В прошлом это продвижение имело в русском языке более широкое поле действия, и его можно было встретить при глаголах, которые ныне устарели, или при таком употреблении глаголов, которое теперь считается устаревшим (ср. примеры 18—21):

18а) *Его благородие мне жалует шубу с своего плеча: его на то барская воля* (Пушкин, Капитанская дочка).

18б) *Военный министр подошел, поздравляя его (Андрея) с орденом Марии-Терезиш 3-й степени, которым жаловал его император* (Толстой, Война и мир).

19а) *А я-то ему давеча двадцать пять целковых ссудил* (Достоевский, Идиот).

19б) *Прияель своего прияеля просил, чтобы бочкою его дни на три он ссудил* (Крылов, Бочка).

20) *Ссуди меня пятью рублями. Ссуди мне пять рублей. Сделай милость, ссуди меня, — я тебе возвращу* (Лесков).

21а) *Девушки с веселыми смеющимися лицами дарили танкистам цветы* (Бабаевский, Кавалер Золотой Звезды).

21б) *Барыни дарили ее (Дуню), то платочком, то сережками* (Пушкин, Станционный смотритель). (Разрядка везде моя. — Ч.Р.).

В современном языке эти глаголы или считаются устаревшими, или потеряли способность вызывать данную трансформацию и в результате появляются только с исходным управлением *кому что* (например, *дарить*). Глагол *дарить* в конструкции с продвижением в основном заменяется в современном языке глаголом *одаривать*, но надо отметить, что сохраняются некоторые застывшие выражения, в которых и глагол *дарить* встречается в конструкции с продвижением, например, *дарить (кого) улыбкой* и т.д. Сужение поля действия этой трансформации в синхронном плане соответствует в диахроническом плане тенденции к постепенной утрате русским языком данного продвижения как продуктивного процесса, производящего еще один вариант предложения. Однако следы этого продвижения сохраняются, например, в глаголах типа *одаривать*, которые выступают только в производном употреблении с

обязательным продвижением. Есть и другие глаголы, которые, в отличие от *одаривать*, не связаны с глаголами, обнаруживающими исходный синтаксис, но тем не менее поддаются анализу как глаголы с продвижением, например, *снабжать*. По семантике этого глагола можно было бы ожидать, что он должен выступать в падежной рамке *кому что*, но в действительности он встречается только с управлением *кого чем*, т.е. его управление соответствует типичному управлению после продвижения 3 в 2. Поэтому предполагается, что в глубинной структуре этот глагол имеет 3 и 2, как и глагол *дарить*, и что он обязательно вызывает продвижение 3 → 2, как *одаривать*.

Третье продвижение, которое будет здесь рассмотрено, это продвижение местного аргумента в двойку. Это продвижение было замечено и описано в рамках реляционной грамматики на материале индонезийского языка в неопубликованной работе Чунг "Licative advancement in Bahasa Indonesia". В ней приводятся индонезийские примеры типа 22:

22а) *Wanita itu duduk di atas kursi*

женщина опред. арт. сидеть на верх стул

22б) *Wanita itu men-duduk-i kursi*

женщина опред. арт. ПЕРЕХ.-сидеть-МЕСТ стул

22в) **Kursi di-duduk(-i) di atas oleh wanita itu*

стул ПАСС-сидеть(-МЕСТ) на верх АГЕНТ женщина опред. арт.

22г) *Kursi di-duduk(-i) oleh wanita itu*

стул ПАСС-сидеть-МЕСТ АГЕНТ женщина опред. арт.

Исходное предложение дано в 22а, а в 22б — производный вариант с продвижением местного аргумента *kursi* в двойку. О продвижении *kursi* в 22б свидетельствует утрата предлога *di atas*, появление "залогового показателя"-*i* и показателя переходности *men-*.

Чунг также приводит аргументы, связанные с образованием относительных предложений, в пользу того, что *kursi* в 22б является прямым дополнением. В 22в сделана попытка образовать пассивный вариант от 22а. Это предложение, конечно, неграмматично, так как глагол в 22а — непереходный и прямое дополнение отсутствует и, следовательно, образовать пассив невозможно. Но пассивное предложение в 22г вполне приемлемо и нормально. Оно образовано от 22б применением пассивной трансформации; двойка *kursi* продвигается в единицу, глагол приобретает пассивный залоговый показатель *di-* и, естественно, теряет показатель переходности *men-*, так как глагол больше не переходный (прямое дополнение переводится в подлежащее и перестает играть роль прямого дополнения). Наличие залогового показателя *-i*, связанного с продвижением местного аргумента, и отсутствие предлога *di atas* указывают на деривационный путь через 22б (с продвижением), а не прямо от 22а (без продвижения). Подлежащим в 22г становится новое прямое дополнение, а именно, продвинутое *kursi* из 22б. В свою очередь, 22г подтверждает анализ 22б как результата продвижения в 2, так как эта новая 2 потом может быть продвинута в 1 пассивной трансформацией.

Подобное продвижение местного аргумента можно найти и в русском языке, хотя оно здесь менее продуктивно. Предполагается, что это продвижение вместе с пассивной трансформацией объясняет связь между пучками предложений в примерах 23—27:

23а) *На баржу грузили руду.*

23б) *Баржу грузили рудой.*

23в) *Руда грузилась на баржу.*

23г) *Баржа грузилась рудой.*

24а) *Сереза брызгает воду на белье.*

24б) *Сереза брызгает белье водой.*

24в) *Вода брызгается на белье.*

- 24г) *Белье брызгается водой.*
 25а) *Рабочие настилают камни на пол.*
 25б) *Рабочие настилают пол камнями.*
 25в) *Камни настиляются на пол.*
 25г) *Пол настиляется камнями.*
 26а) *Алик намазывает масло на хлеб.*
 26б) *Алик намазывает хлеб маслом.*
 26в) *Масло намазывается на хлеб.*
 26г) *Хлеб намазывается маслом.*
 27а) *Паша затыкает вату в уши.*
 27б) *Паша затыкает уши ватой.*
 27в) *Вата затыкается в уши.*
 27г) *Уши зстыкаются ватой.*

В парах "а/б" можно наблюдать эффект продвижения местного аргумента в русском языке. В предложениях "а" встречаются глаголы с прямым дополнением и местным аргументом, а в предложениях "б" — те же глаголы с новым прямым дополнением и с существительным в творительном падеже, т.е. местный аргумент предложения "а" становится прямым дополнением в предложении "б", вытесняя старое прямое дополнение, которое становится шомёром и маркируется творительным падежом. При продвижении предлог местного аргумента, конечно, теряется и продвинутый местный аргумент маркируется простым винительным падежом. В предложениях "в" и "г" представлены пассивные варианты предложений "а" и "б" соответственно; подлежащие в предложениях "в" и "г" различны, это зависит от того, что в предложениях "а" и "б" различны прямые дополнения, и, таким образом, предложения "в" и "г" подтверждают гипотезу, что происходит продвижение местного аргумента в прямое дополнение.

Здесь надо отметить, что некоторые явления, которые могут казаться связанными с продвижением МЕСТ \rightarrow 2, на самом деле представляют другое продвижение, МЕСТ \rightarrow 1, которое непосредственно превращает местный аргумент в подлежащее. Речь идет о примерах типа 28—30:

- 28а) *Гнев кипит в сердце.*
 28б) *Сердце кипит гневом.*
 29а) *Муравьи кишат в муравейнике.*
 29б) *Муравейник кишит муравьями.*
 30а) *Чистота сияет в доме.*
 30б) *Дом сияет чистотой.*

Если бы в этих примерах местный аргумент сначала продвигался в 2, и потом эта новая 2 продвигалась в 1 через пассивную трансформацию, как в 23г — 27г, надо было бы ожидать в 28б — 30б пассивную форму глагола ("кипится" и т.д.) и пассивную семантическую интерпретацию; но ничего подобного нет. Данные предложения активны и по форме и по семантике, и нет никакого указания на то, что МЕСТ сначала продвигается в 2. Поэтому естественно предположить, что здесь мы имеем дело с другим продвижением МЕСТ \rightarrow 1. Шомёр (вытесненная 1), как и в других случаях, приобретает окончание творительного падежа. Это уже знакомое явление, оно указывает на интересное обобщение, которое не было и не могло быть замечено вне реляционной системы: в русском языке все шомёры, которые возникают в результате продвижения, маркируются творительным падежом. Без реляционных понятий, и особенно без понятия шомёра, невозможно было сделать это наблюдение и было бы непонятно, почему шомёр-единица от пассива, шомёр-единица от МЕСТ \rightarrow 1, шомёр-двойка от 3 \rightarrow 2 и шомёр-двойка от МЕСТ \rightarrow 2 — все имеют общую особенность — маркирование творительным падежом. Так как в русском языке действует этот общий закон маркирования шомёров, его не требуется упоминать

отдельно как часть каждого шомёропорождающего продвижения. (На это обстоятельство уже указывалось выше при обсуждении формулировки пассивной трансформации.) Благодаря этому общему правилу именного маркирования в русском языке перечень побочных эффектов обсуждаемых продвижений значительно укорачивается и формулировка продвижений значительно упрощается. Единственным побочным эффектом этих продвижений в русском языке, который требуется упомянуть, остается залоговая морфология глагола при пассивизации (это является вполне естественным явлением, см. обсуждение пассивизации выше).

При других продвижениях, обсуждаемых здесь, нет никаких побочных эффектов, никакой специфики; все автоматически вытекает из общих закономерностей языка. Итак, можно сформулировать описанные продвижения в русском языке в 31—34, имея в виду, конечно, что конкретный глагол или способен или неспособен вызывать данную трансформацию:

31) ПАССИВ: 2 → 1

побочный эффект: глагол выступает в "пассивной" форме

32) ПРОДВИЖЕНИЕ 3 В 2:3 → 2

33) ПРОДВИЖЕНИЕ МЕСТ В 2 МЕСТ → 2

34) ПРОДВИЖЕНИЕ МЕСТ В 1: МЕСТ → 1

Выделение вышеуказанной синтаксической функции творительного падежа (маркирование шомёров) также проливает свет на проблему значения творительного падежа. Функция этого падежа в русском языке не легко поддается анализу, и ученым еще не удалось установить его общее значение. Но если вышеописанный реляционный подход оправдан, он предлагает объяснение этой трудности. Прежние попытки установить значение творительного падежа были в основном семантическими, они были направлены на поиски семантических инвариантов падежа. Однако, как можно было видеть выше, в значительной мере (и по частоте, и по функции) употребление этого падежа является чисто синтаксическим, а именно, он используется для маркирования шомёров; так как эти шомёры имеют разное происхождение, они представляют разные семантические категории, и поэтому семантический принцип объяснения не может их все охватить. Их может объединить только синтаксический признак (шомёрство), и таким образом оказывается, что функция творительного падежа отчасти семантическая и отчасти синтаксическая.

IV. РЕЛЯЦИОННАЯ ГРАММАТИКА КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

В настоящей статье в рамках реляционной грамматики обсуждались некоторые синтаксические продвижения (на материале русского, английского и индонезийского языков). Выяснилось, что к этим языкам различных типов применима в той или иной степени общая формулировка одних и тех же продвижений.

Предполагается, что законы и правила реляционной грамматики универсальны, а следовательно, действительны для всех языков. Но это не значит, что все правила применяются во всех языках или в одинаковой мере во всяком языке. Множество грамматических правил и приемов мыслится как фонд всех потенциально возможных правил и приемов, из которого данный язык берет ту или иную часть. Некоторое правило из этого набора может либо иметь очень широкое употребление в языке (ср. ПАССИВ в английском языке, ПРОДВИЖЕНИЕ МЕСТ В 2 в индонезийском), либо применяться в ограниченной мере (ср. ПРОДВИЖЕНИЕ 3 В 2 в английском языке, ПАССИВ и ПРОДВИЖЕНИЕ МЕСТ В 2 в русском), даже в очень ограниченной мере (ср. ПРОДВИЖЕНИЕ 3 В 2 в русском языке, ПРОДВИЖЕНИЕ МЕСТ В 1 в русском и английском языках). Время от времени набор правил может изменяться в связи с диахроническим развитием языка: область применения некоторого правила может расширяться или сужаться (ср. ПРОДВИЖЕНИЕ 3 В 2 в русском языке), язык может взять из указанного фонда новое правило или может отказаться от использования некоторого правила.

Правила в фонде сформулированы в терминах синтаксических реляций, и поэтому они в принципе применимы к любому языку. Фонд подчиняется некоторым общим закономерностям (законам), которые определяют, какие правила возможны в человеческих языках, а какие невозможны. Таким образом, возможные направления синтаксического изменения предопределены: язык может приобрести новое правило из данного списка, может расширить или сузить его применение или совсем утратить правило [24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Chomsky N.* Syntactic structures. The Hague, 1957.
2. *Katz J.J., Postal P.M.* An integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge (Mass.), 1964.
3. *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса // Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ. Серия переводов. 1972. Вып. 1.
4. *Chomsky N.* Deep structure, surface structure and semantic interpretation // *Semantics. An interdisciplinary reader in philosophy, linguistic and psychology*/Ed. by Steinberg D.D., Jakobovits L.A. Cambridge, 1971.
5. *Chomsky N.* Conditions on transformations // *Festschrift for Morris Halle*/Ed. by Anderson S.R., Kiparsky P. N.Y., 1973.
6. *Lakoff G.* Irregularity in syntax. N.Y., 1965.
7. *Lakoff G.* On generative semantics // *Semantics. An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology*/Ed. by Steinberg D.D., Jakobovits L.A. Cambridge, 1971.
8. *Ross J.R.* Constraints on variables in syntax: Ph. D. dissertation. Cambridge (Mass.), 1967.
9. *Perlmutter D.M.* Deep and surface structure constraints in syntax. N.Y., 1968.
10. *Jackendoff R.S.* Semantic interpretation in generative grammar. Cambridge (Mass.), 1968.
11. *McCawley J.D.* The role of semantics in a grammar // *Universals in linguistic theory*/Ed. by Bach E., Harms R.T. N.Y., 1968.
12. *Emonds J.E.* A transformational approach to English syntax: root, structure-preserving and local transformations. N.Y., 1970.
13. *Bowers J.S.* Grammatical relations: Ph.D. dissertation. Cambridge (Mass.), 1973.
14. *Fillmore C.J.* Toward a modern theory of case // *Modern studies in English: Readings in transformational grammar*/Ed. by Reibel D.A., Schane S.A. Englewood Cliffs, 1966.
15. *Fillmore C.J.* The case for case // *Universals in linguistic theory*/Ed. by Bach E., Harms R.T. N.Y., 1968.
16. *Fillmore C.J.* Some problems for case grammar // Report of the twenty-second annual round table meeting on linguistics and language studies. Washington, 1971.
17. *Slavic transformational grammar*/Ed. by Brecht R.D., Chvany C.V. Ann Arbor, 1974.
18. *Chvany C.V.* On the syntax of BE-sentences in Russian. Cambridge (Mass.), 1975.
19. *Babby L.H.* A transformational grammar of Russian adjectives. The Hague, 1975.
20. *Syntax and semantics*/Ed. by Cole P., Sadock J.M. V. 8. N.Y., 1977.
21. *Шаумян С.К., Соболева П.А.* Аппликативная порождающая модель и исчисление трансформаций в русском языке. М., 1963.
22. *Klima E.S.* // International journal of Slavic linguistics and poetics. 1973. IV. Rec.: Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958.
23. *Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
24. *Channon R.* Topics in a relational grammar of Russian: Ph. D. dissertation. Harvard University, 1977.

© 1994 г. ШАХОВСКИЙ В.И.

ТИПЫ ЗНАЧЕНИЙ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

Эмоциональность "пронизывает" всю речевую деятельность человека и закрепляется в семантике слова в качестве спецификаторов различных эмоциональных состояний человека. Именно поэтому при исследовании языка помимо логико-предметной семантики важно учитывать и эмотивную. В общем виде эмотивную семантику слова можно определить как опосредованное языком отношение эмоционально-социологизированных представлений человека к окружающему миру.

Среди современных теоретических допущений о природе лексической семантики наиболее плодотворными для построения ее модели являются следующие: семантика слова членима на макрокомпоненты, компоненты и микрокомпоненты, взаимодействие которых образует структуру; эта структура организована по принципу поля, т.е. признается ядро и периферия как структурные элементы словной семантики; всякое употребление слова есть семное варьирование его семантики и т.д. [1, с. 36—40].

При анализе эмотивности как семантического компонента слова мы исходим из того, что ее мельчайшие смыслы — эмотивные семы — объективно существуют в семантической системе языка, как и другие типы сем. Интерпретация эмотивной семантики в терминах сем есть методическая категория, а установление семантического статуса эмотивности — категория онтологическая. В центре внимания нашего исследования находятся обе категории. Они являются основой для лексико-семантической категоризации эмоций в различных типах семантических компонентов слова и в лексических разновидностях единиц языка, обозначающих, выражающих и описывающих эмоции.

Эмотивные семы возникают на базе некоторых логико-предметных оценочных и экспрессивных компонентов семантики слова, т.е. в диахроническом смысле они вторичны. Сущность эмотивных сем такова: это специфический вид семантических микрокомпонентов, соотносимых с эмоциями говорящего и представленных в семантике слова как совокупность семантического признака "эмотивность" и семных конкретизаторов ("любовь", "презрение", "уничуждение" и др.), список которых открыт и которые варьируют упомянутый семантический признак в разных словах по-разному.

Лингвистами замечено, что для процесса номинации безразлично, какую действительность — субъективную или объективную — обозначать. Эмотивные семы отображают субъективную (эмоциональную) действительность, которая, однако, для слова является объективной. Внутри лексического значения слова эмотивная сема всегда противопоставлена другим семам, образуя тем самым внутрисемную парадигму. Как и другие типы сем, эмосемы могут быть интегральными или дифференциальными. Они могут быть вершинными (самыми общими для индивидуальной лексической семантики), слабыми, актуальными, виртуальными, собственными или "наведенными". Таков, в принципе, инвентарь эмотивных сем, входящих в семантическую структуру различных эмотивов [2, с. 117—126; 3, с. 39—68].

Эмотивная семантика может быть представлена в денотативном макрокомпоненте и составлять единственное содержание семантики слова. В этом случае она и с точки зрения диахронии перична. Такая эмотивная семантика имеет статус

значения, она облигаторна для слова-аффектива. Известно, что вид или тип лексического значения определяется особенностями организации сем, входящих в его структуру. Конституентами эмотивного значения являются преимущественно эмотивные семы.

Другим статусом эмотивной семантики слова является коннотация, которая формируется эмотивными семами, находящимися за пределами логико-предметного макрокомпонента семантики слова. Эти семы — эмотивные — могут быть сопряжены с определенными логико-предметными ядерными семами или ассоциироваться с ними. Такая эмотивность в слове является вторичной в отличие от эмотивности в статусе эмотивного значения.

Кроме этого, эмотивность имеет еще один семантический статус — статус потенциала в ингерентной и адгерентной разновидностях. В первом случае периферийная эмотивность является языковой (виртуальной). Речь идет, например, об экспрессивных символических названиях товаров (духи "Контакт", "Диалог", "Однажды", "Быть может", "Грезы", "Восторг" и т.п.), магазинов ("Малютко" и т.п.), кафе ("Сирень" и т.п.), кинотеатров ("Родина" и т.п.), а также ассоциативных словах типа *гроб, смерть, мать, березка* и т.п., словах-символах, которые различны для отдельных языковых общностей, а также "красивых" — "некрасивых", "добрых", "ласковых" — "злых" словах типа *тепло, справедливость* и, с другой стороны, *ненависть, месть*. Во втором случае эмотивность "наводится" на семантику нейтрального слова эмоциональной ситуацией: "репетиция" (В. Шукшин), "шкаф" (А. Чехов), "стена" (У. Шекспир), "дождь" (С. Мозм; Ч. Айтматов) и т.п.

Таковы составляющие эмотивной семантики. Разграничение эмотивного значения, эмотивной коннотации и эмотивного потенциала, которые в плане диахронии следуют друг за другом, важно не только для общей и частной теории языка, но и для теории и практики лексикографии и фразеологии, а также переводоведения.

Полученные в результате нашего исследования данные об эмотивности позволяют по-иному решать проблему моделирования лексической семантики слова [4]. Теперь известно, что она может формироваться из трех компонентов: логико-предметного, эмотивного и функционально-стилистического. Логико-предметный компонент обозначает (называет) денотат, его функция — номинативно-идентифицирующая [*ребенок, осел* (о живот.), *дерево* и т.п.]. Эмотивный компонент варьируется в двух языковых статусах: значение и созначение. Функцией эмотивного значения является самостоятельное выражение типизированного эмоционального состояния или отношения говорящего к миру [все нецензурные слова, а также слова типа *тьфу, ах, ура, увы, ого, фу, сногшибательная* (блондинка), *жуть, кошмарно* и т.п.], а функцией эмотивной коннотации является эмоциональное сопровождение логико-предметной номинации, передающее эмоциональное отношение говорящего к объекту наименования в целом или к его отдельным признакам [*ребенок* (о взрослом человеке), *осел* (о человеке), *девичушка, рифмолет, старый, жалкий, борзописец, наймит, молодец, приспешник* и т.п.]. Функционально-стилистический компонент регулирует выбор и употребление слова, семантика которого соответствует конкретной ситуации речевого общения в наибольшей степени. Эта ситуация выступает в роли денотата данного компонента, со всеми соответствующими ему признаками (сфера общения, взаимоотношения коммуникантов, их эмоциональные позиции, интенции и пр.). Функционально-стилистический компонент регулирует соотношенность употребления слова с ситуацией общения, с линейным и вертикальным стилевым контекстом, т.е. этот компонент относит определенное название объекта (с эмоциональной или нейтральной семантикой) к соответствующей типизированной речевой ситуации. Ср.: *информатор — осведомитель, сексот — стукач — провокатор*, а также *хайло* ("рот"), *зенки* ("глаза"), *чердак* ("голова") и т.п.

Различие перечисленных трех семантических компонентов слова можно увидеть и в источниках их формирования. Для логико-предметного компонента — это мир отражаемых в значении слова объектов реальной или идеальной действительности. Эмотивный компонент заложен в сфере переживаний (факты эмоциональной оценки) человека, в сфере денотатов объективного и субъективного миров и их отдельных признаков. Источником формирования функционально-стилистического компонента не является ни предметная действительность, ни сфера переживаний человека. Данный компонент привносится в семантику слова социальной функцией языка, его реальным функционированием. Все это находит формальное закрепление в функционально-стилистических маркерах слова.

Таким образом, семантические компоненты, восходящие к разным источникам, как бы "связываются" в лексической семантике слова в один узел, которым в синхронии и располагает носитель языка. Их различие заключается в источниках их формирования, в соотносительных связях и в целенаправленности. Эти источники охватывают все сферы объективной действительности — мир предметов, мир эмоций человека и мир его языка.

Различные комбинации трех указанных компонентов формируют варианты лексической семантики отдельных типов слов. Таким образом, данное слово в зависимости от трех параметров может означать предмет отражения, отражательный образ, цель его именованья и условия его использования в речи. Если эта семантика представлена только логико-предметным и соответствующим ему функционально-стилистическим компонентами, то лексическое значение слова неизменно. Когда в семантике слова представлены все три компонента, то лексическое значение слова эмотивно-коннотативно, а если только эмотивный и соответствующий ему функционально-стилистический компоненты — то эмотивно-аффективно. Собственно эмотивными являются два последних типа слов.

В свою очередь и внутренняя структура лексического значения различных типов эмотивной лексики неодинакова. Она зависит от тех комбинаций, в которые вступают друг с другом логико-предметные (в том числе оценочные и экспрессивные), эмотивные и стилистические семы. Различие комбинаторики названных сем можно продемонстрировать на примере аффективов и коннотативов — двух разновидностей словарной эмотивной лексики. Кстати, сопоставление этих двух разновидностей с третьей — речевой (потенциальной) эмотивностью — убедительно показывает, что эмотивность не сводима лишь к метафоре, она значительно шире метафоричности, особенно за счет аффиксации: ср. русск. *змея, соловей, обезьянничать* (о человеке) и *писулька, мамочка, солнышко, дочушка* и т.п. [5]. У аффективов (бранная, междометная и т.п. лексика) структура эмотивного лексического значения состоит из двух макрокомпонентов — эмотивного (эм.) и стилистического (ст.) [6]. Эмотивный макрокомпонент семантики аффективов является первичным. Он соотносится непосредственно с определенной эмоцией, которая выражается в речи и выступает в роли его специфического денотата. В связи с этим эмотивный макрокомпонент аффективов фактически является денотативным (Д). Поэтому модель такой эмотивной семантики слова может быть представлена следующей двухчастной структурой:

Модель 1: $\underbrace{\text{Д (эм.) + ст.}}_{\text{макрокомпоненты}}$

Иное содержание и, соответственно, иную структуру лексического значения имеют коннотативы:

Модель 2: $\underbrace{\text{номин. + оц. + экс.}}_{\text{денотативный макрокомп.}} + \text{эм. комп.} + \text{ст. макрокомп.}$

Денотативный и стилистический макрокомпоненты, как видно из схем, участвуют в формировании коннотации (эмотивности) у значения такого слова. Эмотивность в статусе коннотации является не макрокомпонентом, как в случае эмотивного значения, а компонентом, так как она окрашивает эмоциональностью соответствующее наименование объекта, отраженного в логико-предметном компоненте значения. Оценочные и экспрессивные семы совместно с вещественными (предметными, номинативными) формируют денотативный макрокомпонент лексического значения коннотативов. Еще одним составляющим лексического значения коннотативов является облигаторный стилистический макрокомпонент, который относит слово к определенному пласту лексикона, к сфере его узуса и дает ему временную характеристику.

Состав лексического значения коннотативов трехчастен: денотативный макрокомпонент + эмотивный компонент + стилистический макрокомпонент.

Таким образом, семантическая структура аффективов (междометий, инвективов, бранных слов, эмоционально-оценочных прилагательных), т.е. слов с эмотивным значением, отличается от семантической структуры слов с эмотивным компонентом значения. Последний входит в значения слов всех частей речи в метафорическом употреблении, а также в значениях дериватов с аффиксами эмотивно-субъективной оценки.

Сравнительный анализ эмотивной тропеизации и аффиксации показал, что сущность эмотивности и ее функций, хотя она и формируется эмсемами различного ранга, в обоих случаях совпадает. Ее сущностью является отображение в семантике слова типизированного эмоционального отношения говорящего к миру (объекту речи), а ее функцией — выражение этого отношения, его доведение до сведения адресата через соответствующую вербальную форму. При различии форм тропеизованная и аффиксальная эмотивность в статусе коннотации имеют одну и ту же содержательную структуру. Ср. *поэтишка* = *поэт* "тот, кто пишет стихи" (логически-предметный макрокомпонент) + *-ишка* "плохой" (оценочный компонент) и "поэтому вызывающий презрение" (эмотивный компонент) + "разговорный, сниженный компонент" (стилистический макрокомпонент); *осел* (о человеке) = "глупый; упрямый" (логически-предметный макрокомпонент) + "это плохо" (оценочный компонент) + "и поэтому вызывает презрение" (эмотивный компонент) + "разговорный, сниженный компонент" (стилистический макрокомпонент). Чем же отличается семантика слова *осел* в метафорическом значении от эмотивного значения у междометия *фу* и от эмотивных дериватов типа *поэтишка* и *девчущечка*? Во-первых, эмотивная семантика слов типа *осел* и *девчущечка* является коннотативной, а не значением, как в случае междометий. А это различие, как видно из изложенного выше, задается иными наборами и иным качеством семантических компонентов, формирующих эмотивную семантику аффективов и коннотативов. Так, например, в семантической структуре аффективов оценочные и экспрессивные семы являются эмоциональными, а у коннотативов — рациональными; эмотивность в семантике аффективов "работает" в статусе макрокомпонента, а у коннотативов — в статусе компонента; денотативный макрокомпонент семантики аффективов эмоционален, а у коннотативов — рационален (логико-предметный).

В коннотативах эмотивность является совмещенной, а в аффективах — самостоятельной. Так, слово *осел* имеет два значения: 1) "животное, которое..."; 2) "человек, который...". Это второе слово-значение, обозначающее глупого или упрямого человека, является тропеизованным. Закономерен вопрос: где локализован коннотация в семантике такого типа — в первом или во втором его значении, т.е. куда "наслаивается" коннотация: на слово-значение "животное" или на слово-значение "человек"? Ответ на этот вопрос дают контексты и ситуации употребления этих слов-значений. При употреблении в речи первого из них у коммуникантов могут возникать ассоциации со вторым словом-значением, в силу их прочности и традиционности, граничащей с символичностью типа *медведь*

"неуклюжий", гусь "важный", ворона "ротозейка", свинья "грязная" и т.п. Когда говорящие называют человека ослом, они синхронно редуцируют всю семантическую структуру этого слова до символического компонента "глупый" или "упрямый". При этом глобальное значение "животное" как бы отбрасывается совсем и не реализуется. Поэтому рассуждения лингвистов [6] о двуплановости как семантической основе образности метафорических слов нам представляются дискуссионными.

Лексическое значение слова *осел* (о человеке) может быть представлено в виде следующей модальной рамки, в которой зафиксированы социальные эмоции — оценки таких качеств или свойств, как глупость и упрямство, выражаемые этим значением: *осел* = "такой X, который ведет себя глупо или упрямо" (компонент "рациональная оценка") + "как осел, как если бы был ослом" — сравнение, интенсифицирующее оценку и формирующее образ упрямства и глупости (компонент "экспрессия") + "это вызывает у всех говорящих, в том числе и у меня, эмоциональное состояние раздражения, возмущения, и я высказываю свое презрение к X" (компонент "эмотивность") и "хочу, чтобы об этом знал сам X и другие" (компонент "прагматика") + "сниж.", "груб." (функционально-стилистический макрокомпонент) [7].

Данная модальная рамка, как нам представляется, дает четкий ответ на поставленный выше вопрос о месте коннотации в структуре лексического значения слова: она сопровождает метафорическое значение в виде эмотивной семы, соотносящейся с определенной эмоцией, которая вызывается у говорящих соответствующим объектом действительности.

У дериватов же с аффиксами эмотивно-субъективной оценки коннотация локализована в семантике аффиксов: эмотивность слов *девчужечка* и *поэтишка* является вторичной, но не метафорической по отношению к значениям "девочка" и "поэт". Таким образом, в случае тропеизированных [*осел* (о человеке)] и в случае аффиксальных эмотивов коннотация сопровождает вторичные значения. Поэтому она в обоих случаях является всего лишь компонентом их лексического значения, а не самим значением. Эти два случая различаются не типами коннотации, а типами деривации: в метафорических словах это семантический тип деривации (словопреобразование), а в аффиксальных — морфологических (словообразование).

Формируют коннотацию лексического значения слова, как уже было сказано выше, эмотивные семы, которые, вопреки традиционному представлению, не являются семантическими примитивами. Их структура включает в себя два и более примитива: семантический признак "эмотивность" + семные конкретизаторы: "любовь", "презрение", "восхищение", "возмущение", "пренебрежение" и т.д., т.е. всю шкалу эмоциональных отношений и состояний человека, включающую около 5000 наименований. При этом конкретная эмотивная сема представляет собой комбинацию семантического (извариантного) признака "эмотивность", соотносящегося с психическим феноменом внутреннего мира человека — эмоцией, и одного из огромного числа семных конкретизаторов, соотносящихся с определенной эмоцией или ее оттенком. Отсюда следует, что количество возможных эмотивных сем практически неисчислимо, как неисчислимо и количество эмоций и их оттенков [8]¹. Семантический признак (СП) "эмотивность" относит сему к роду эмотивных сем, а различные семные конкретизаторы (СК) варьируют в виде эмотивной семы.

Таким образом, изучение эмсем в составе лексического значения слова может быть одним из способов проницновения в диахроническую семантику.

¹ Этот факт является одним из аргументов, обосновывающих выдвинутую нами концепцию эмотивной валентности слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
2. *Попова З.Д.* Общее языкознание. Воронеж, 1987.
3. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Лексическая система языка. Воронеж, 1984.
4. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. М., 1988.
5. *Volek V.* Emotive signs in language and semantic functioning of derived nouns in Russian. Amsterdam; Philadelphia, 1987.
6. *Мезенин С.М.* Образные средства языка. М., 1984.
7. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1981. С. 75.
8. *Шаховский В.И.* Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // ВЯ. 1984. № 6.

© 1994 г. ЛЕВИЦКИЙ В.В.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ СЛОВА

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Звуковой символизм как нечто, "лежащее за пределами науки", должен был — чтобы обрести право на признание — представить неоспоримые доказательства существования произвольной связи между звуком и смыслом. Этим было обусловлено основное направление поисков на начальном этапе исследования звукового символизма — получение и накопление фактического материала, который мог бы служить фундаментом для дальнейших теоретических построений. Однако то, что представляет наибольший и, пожалуй, главный интерес для лингвистики — место, роль, функции звуко-символики в системе языка, соотношение звукового символизма и других факторов в развитии словарного состава, — остается пока в стороне от указанного главного направления в изучении звукоизобразительности, если не считать отдельных эпизодических работ, посвященных собственно лингвистическим аспектам данной проблемы. Цель настоящей статьи — осветить некоторые вопросы, связанные с фонетической мотивированностью слова и смежными с нею явлениями.

2. ВИДЫ МОТИВИРОВАННОСТИ СЛОВА

Сегментация понятийного континуума и символизация отдельных его участков в языке осуществляется с помощью материальных языковых знаков. Целостность значимых единиц языка, представляющих собой единство материального и идеального, возможна лишь при условии, что между формой и содержанием в языке существует некоторая взаимосвязь, мотивирующая выбор той или иной единицы при обозначении сегментов плана содержания.

Таким образом, в языке должна существовать тенденция к мотивированности отношений между формой и содержанием лексических и грамматических единиц.

Такая тенденция находит свое проявление в стремлении языковой единицы сохранить или приобрести "внутреннюю форму". Именно такого рода процессы обуславливают фонеморфологические изменения, получившие название "народная этимология" (*полуклиника* > *полуклиника*), отмирание стертых метафор ("дезтимологизация"), появление новых, экспрессивных, а потому более жизнеспособных слов с ярко выраженной внутренней формой. Вместе с тем, однако, между языковой формой и содержанием не может быть жесткой связи, так как в противном случае оказалось бы невозможным обозначить с помощью ограниченного числа языковых единиц бесконечное множество явлений и отношений внешней действительности. Поэтому в языке должна действовать и противоположная тенденция, ведущая к произвольности знака. Обе тенденции не просто проявляются и действуют в языке — они обеспечивают его нормальное существование и функционирование, изменение материальных элементов и отношений между ними. Вот почему представляются в равной степени необоснованными утверждения и о "принципиальной произвольности", и о "принципиальной произвольности" языкового знака. Между двумя полярными видами отношений — произвольностью и мотивированностью — расположено множество переходных типов: в одних языках — в равной степени и в сфере лексики, и в сфере грамматики, в других — преимущественно в лексике.

Если говорить о мотивированности лексических единиц, то в некоторых случаях она трактуется слишком широко. Представляется, что подлинная мотивированность наименования имеет место лишь в тех случаях, когда нерасчлененный, аморфный материальный объект, служащий обозначением предметов и явлений внешнего мира, приобретает некоторую более или менее четко выраженную структуру (т.е. расчленяется, структурируется) и эта структура изоморфна структуре плана содержания.

Структурирование наименования достигается тремя основными путями, в соответствии с чем целесообразно различать, как это делает С. Ульман [1], три основных вида мотивированности — морфологическую, семантическую, фонетическую.

Морфологическая мотивированность является наиболее простым способом структурирования материальной стороны слова. Впечатление о членности наименования создается или поддерживается включением в его состав двух или более сегментов с лексическим и грамматическим значением (нем. *Be-deutung-s-lehre*, русск. учи-тель). Если в силу тех или иных причин (заимствование, развитие языка) границы между морфемами не осознаются или исчезают, тенденция к мотивированности, о которой говорилось выше, провоцирует вторичное структурирование наименования (ср. русск. *зонт-ик*, *спин-жак* и т.п.).

При семантической мотивированности структурирование наименования выражено не столь явно, однако в этом случае оно, безусловно, имеет место. Семантическая мотивированность основана на том, что в наименование одного предмета на правах его структурной части входит и наименование другого предмета, т.е., иначе говоря, оба наименования связывает отношение полного включения (*колокольчик* "маленький колокол" > "цветок")¹. Включение одного наименования в состав другого становится возможным потому, что оба обозначаемых двумя идентичными наименованиями предмета находятся в отношении сходства или смежности (*перо*, *бюро*, нем. *Stab* и т.п.). Однако наличие сходства или смежности — всего лишь "техника", позволяющая структурировать объект, но не причина, не фактор, не стимул, обуславливающий такое структурирование. Истинная причина метафоризации порождается выполнением языком не только функции выражения мысли, но и функции выражения чувств.

Наконец, фонетическая мотивированность основана на том, что звуковая структура наименования оказывается в той или иной степени изоморфной структуре обозначаемого предмета или явления. Так, семантика нем. *Zickzack*, судя по толкованию этого слова в словарях, включает такие компоненты, как *scharf* "резкий, острый". *Knick* "изгиб", *hin* — *her* "туда-сюда", что соответствует фонетической структуре слова, в котором противопоставление краткого верхнего [i] краткому нижнему [a], находящихся в одинаковом окружении, символизирует резко изломанную линию. Нередко такого рода изоморфизм (ср. рум. *mic* "маленький", русск. *огромный*) носит неявный, скрытый характер, ощущается носителями языка интуитивно и может быть обнаружен лишь с помощью специальных экспериментов.

Тот факт, что в основе фонетической мотивированности лежит именно структурное, а не материальное сходство звучания и значения, особенно убедительно подтверждает форма звукоподражательных слов в различных языках: одно и то же звучание передается в различных языках сходным, но все же далеко не идентичным набором фонем (ср. русск. *ку-ка-ре-ку*, нем. *kikeriki*, англ. *cock-a-doo-dle-doo* и т.д.).

¹ В отличие от морфологической мотивированности, основанной на линейном структурировании наименования, семантическая мотивированность основана на "телескопическом", "матрешкоподобном" структурировании

В принципе между звучанием и значением слова может наблюдаться три типа отношений: а) звучание слова соответствует значению (структуры обоих планов изоморфны друг другу); б) звучание слова противоречит значению; в) звучание и значение слова находятся в "нейтральном" отношении. Назовем первый тип положительным, второй — отрицательным, третий — нейтральным отношением между звучанием и значением. Фонетическая мотивированность слова и есть положительное отношение (соответствие) между его звуковой оболочкой и значением.

Среди фонетически мотивированных слов следует различать звукоподражательные (когда денотатом слова является звучание, производимое живым или неживым предметом) и звукосимволические (когда денотатом слова являются предметы, признаки, действия, не способные производить звучания) — [2, с. 167]. Оба явления — и звукоподражание, и звукосимволизм — тесно взаимосвязаны и в некоторых случаях трудно различимы.

3. ФОНЕТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ И ДЕНОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

Уже первые наблюдения над функционированием звукоизобразительной лексики в различных языках показали, что звукосимволизм и звукоподражание характерны для слов с определенными предметно-логическим содержанием. Звукоподражательные слова обозначают чаще всего явления, возникающие при взаимодействии предметов (удар, треск, хруст, звон, скрип, трение); звуки, издаваемые человеком и животными, физиологические процессы (дыхание, чавканье, сморкание и т.п.). Классификация звукоподражаний в наиболее полном виде представлена в работе С.В. Воронина [4, с. 44]. Что касается звукосимволической лексики, то ее категоризация, и прежде всего выявление, представляет одну из наиболее сложных проблем фоносемантики. Так, Е.А. Гурджиева [3, с. 12] предложила 16 основных "тематических групп" слов, обладающих звукоизобразительными свойствами. Другие исследователи относят к звукоизобразительной лексике обозначения округлого, гладкого, близкого — далекого, маленького — большого, а также обозначения лизания, лакания, плача и т.п. [5, 6]. Эти полученные на материале различных языков наблюдения дают определенное представление о том, какие участки объективной действительности обозначаются в языке с помощью звукоизобразительной лексики. Тем не менее установить зависимость между определенными типом денотативных значений и фонетической мотивированностью слова можно только с помощью более строгой процедуры анализа, основанной на использовании статистики.

На материале французского языка такой анализ осуществлен Ж.-М. Петерфальви [7], который разделил предложенные испытуемым 73 слова (прилагательные, существительные и глаголы) на 5 семантических подклассов. Испытуемые оценивали степень соответствия между звучанием и значением предложенных им слов. В результате оказалось, что наибольшей фонетической мотивированностью обладают слова, обозначающие звучание, "чувственный опыт" и движение, наименее мотивированы слова с абстрактным и конкретным значением.

Для английского языка (исследовано 600 лексических единиц)² установлено, что наибольшая фонетическая мотивированность (ФМ) присуща прежде всего словам, относящимся к следующим семантическим подклассам: звучание, движение, чувственный опыт, свет, эмоциональное состояние, размер и форма. Отрицательное или нейтральное соотношение между звучанием и значением слова наблюдается в подклассах, обозначающих интеллектуальную деятельность, моральные качества человека, цвет, участки пространства.

² Исследование проведено Л.А. Комарницкой под руководством автора [8].

Наиболее полные данные о соотношении звучания и значения слова получены для немецкого языка³ (исследовано около 900 лексем, составляющих около 30 семантических подклассов). Наибольшей ФМ обладают подклассы со значением: звучание, движение, размер, состояние, положительные качества и свойства, явления природы. Наименьшая ФМ зафиксирована у слов, обозначающих свет, цвет, состояние человека и предметов.

Таким образом, данные, полученные на материале трех языков — английского, немецкого и французского, — в целом хорошо согласуются друг с другом и позволяют выделить основные подклассы слов, обладающих наибольшей ФМ (звучание, движение, сенсорный континуум).

4. ФОНЕТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СЛОВА

Зависимость между ФМ и принадлежностью слова к определенному морфологическому подклассу ("части речи") изучена еще недостаточно. Дж. Вейс [10] установил, например, что звуко-символические свойства и в английском языке в большей степени присущи глаголам. Ж.-М. Петерфальви [7] не обнаружил существенных различий в степени ФМ существительных, прилагательных и глаголов во французском языке. По данным Л.А. Комарницкой, в английском языке (исследовалось 190 глаголов, 255 существительных и 155 прилагательных) глаголы и прилагательные обладают большей ФМ, чем существительные. В немецком языке (обследовано 900 единиц) глаголы и прилагательные мотивированы меньше, чем существительные [8, с. 14; 9, с. 14].

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что принадлежность слова к тому или иному грамматическому разряду не относится к релевантным признакам, определяющим степень ФМ слова. Этот признак носит, по-видимому, вторичный характер и сопряжен с семантическим статусом слова. Очевидно, что глаголы и прилагательные обладают большей ФМ постольку, поскольку они чаще обозначают движение и "чувственный опыт". Существительные чаще обозначают конкретные и абстрактные понятия, вследствие чего степень их ФМ ниже, чем у прилагательных и глаголов. Большая степень ФМ у немецких существительных объясняется, по-видимому, широким распространением субстантивации в немецком языке, где практически любое содержание (в том числе "вербальное" и "адекативное") может быть оформлено в виде существительного. Можно было бы возразить, что аналогичным свойством обладают и английские существительные. Думается, однако, что в английском языке действует иная закономерность: при отсутствии морфологических признаков "части речи" различия между грамматическими подклассами носят весьма условный характер. Поэтому окончательные выводы о зависимости ФМ от морфологического статуса слова можно будет сделать после обследования других языков, особенно тех, где различия между морфологическими подклассами носят четко выраженный характер.

5. ФОНЕТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ, ЧАСТОТНОСТЬ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС СЛОВА

Мотивированность слова связана с его экспрессивностью. «Утеря образности... снижает степень эмоциональной насыщенности слова. Слова, "непонятные" по своей структуре, менее выразительны» [11]. Такого рода утверждения, в основе которых лежат наблюдения над фактами языка, находят экспериментальное подтверждение: "длительное... повторение или продолжительная визуальная фиксация слова (семантическое или вербальное насыщение) ведет к утрате значения или к сокращению эффективности вербального материала" (12, с. 421).

³ Исследование выполнено В.И. Кушнериком под руководством автора [9].

В свете сказанного становится очевидным, что стремление к экспрессивности обуславливает предпочтение говорящим "образной", "прозрачной", т.е. мотивированной лексики; повышение — как следствие этого процесса — частоты употребления экспрессивно-эмоциональных лексических единиц приводит к утрате ими мотивированности, а вместе с тем и экспрессивности, к снижению частоты употребления, смещению на периферию данной лексико-семантической микро-системы или даже отмиранию старых слов и предпочтению новых (подробнее см. разд. 8). Таким образом, частота употребления слова связана с его мотивированностью и экспрессивностью.

Изучение соотношения частоты употребления (использовались соответствующие частотные словари) и фонетической мотивированности слова в английском и немецком языках показало следующее. В английском языке высокочастотные слова мотивированы в большей степени, чем низкочастотные, или, иначе говоря, фонетически мотивированные слова обладают более высокой частотой употребления. В немецком языке обнаружено несколько иное соотношение частоты и мотивированности слова. Наиболее мотивированными здесь оказались и самые частые, и самые редкие лексемы. В этой связи можно предположить, что функционирование любого мотивированного (и — шире — любого экспрессивного) слова регулируется в языке общесемиологическим законом соотношения содержания и употребления знака: чем шире сфера употребления, тем уже его содержание. Достигнув некоторого пика в частоте своего употребления, слово утрачивает экспрессивность и переходит в разряд менее употребительных, его место занимает более мотивированная лексема. Что касается стилистического статуса слова, то на материале английского и немецкого языков установлено, что действие, звуко-символизма в первую очередь проявляется в сфере "нелитературной" лексики (у слов со словарными пометами "разговорный", "вульгарный", "грубый", "диалектный" и т.п.).

6. ФОНЕТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ И КОННОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

Соотношение ФМ и коннотативного значения слова неоднократно привлекало внимание российских и зарубежных лингвистов и психологов. Так, М. Вертхеймер [13] установил, в частности, что фонетически мотивированные слова ("слова, звучание которых соответствует их значению") обладают ярко выраженным коннотативным значением по сравнению со словами, звучание которых не соответствует их значению. Дж. Вейс [10], изменив процедурные условия, предложенные М. Вертхеймером, подверг сомнению выводы последнего и выдвинул, в свою очередь, гипотезу о том, что степень соответствия между звучанием и значением какого-либо слова зависит от принадлежности этого слова к тому или иному грамматическому разряду. Н.А. Павлюк, работа которого посвящена изучению причин, влияющих на изменение коннотативного значения слова, установил, что скорость такого изменения зависит, главным образом, от двух факторов: от расстояния между коннотатом и фонетическим значением и от принадлежности слова к той или иной семантической группе [14, с. 72]. К сожалению, ни одну из затронутых в перечисленных работах проблем невозможно считать решенной: этому препятствует крайняя малочисленность исследований, специально посвященных соотношению коннотации и звукового символизма, противоречивость результатов, полученных различными авторами, наконец, наличие некоторых недостатков в процедурах, избранных тем или иным исследователем. Так, в несомненно интересной работе Н.А. Павлюка сделано, к сожалению, слишком мало замеров для того, чтобы с уверенностью говорить о влиянии первого фактора (расстояния между коннотатом и фонетическим значением), и содержится слишком мало объективно полученных данных, чтобы можно было говорить о влиянии второго фактора (так называемых "семан-

тических групп": последние вычленились автором произвольно: в одну группу включены, например, слова *жуть*, *страх*, *ужас*, но не включено — из числа обследованных — слово *кошмар*; в другую группу вошли слова *гниль*, *грязь*, *жаба*, но не вошло слово *тина* и т.п.). М. Вертхеймер и Дж. Вейс измеряли коннотативное значение слова не в "чистом" виде, а вместе с фонетическим значением (при измерении коннотативного значения испытуемым предъявляется не понятие, а слово, т.е. единство звучания и смысла), а потому остается неясным, что же в конечном счете оценивали испытуемые — коннотацию или звуко-символические свойства слова. Очевидно, чтобы говорить о соотношении коннотативного значения и фонетической мотивированности слова, нужно предварительно каким-либо образом вычленить и изолировать хотя бы один из этих компонентов — "коннотацию" или "мотивацию" — и измерить его отдельно. Высказанные соображения и предопределили процедуру и стратегию проведенного нами эксперимента (экспериментальная часть исследования выполнена Л.А. Комарицкой под руководством автора). Замысел экспериментаторов состоял в том, чтобы измерить с помощью семантического дифференциала звучания только тех слов, значения которых оставались испытуемым неизвестными, а затем сравнить полученные результаты с величинами коннотативного значения (КЗ) этих слов. Осуществить такой замысел оказалось возможным, используя, с одной стороны, известную работу американских исследователей о коннотативном значении более 300 слов английского языка [15], а с другой стороны, результаты экспериментов, проведенных в Черновицком университете. В конечном итоге в распоряжении экспериментатора оказалось два ряда оценок: а) величины, измеряющие степень соответствия между звучаниями определенных фонетических комплексов (286 слов английского языка) и полярными понятиями трех шкал — активности, силы, оценки (т.е. величины ФМ 286 слов); б) величины, измеряющие КЗ тех же 286 слов. Дальнейший статистический анализ показал, что величины коэффициентов корреляции между оценками ФМ и КЗ 286 слов для всех трех шкал обладают статистической значимостью и соответственно равны + 0,33 (шкала активности), + 0,41 (шкала оценки), + 0,37 (шкала силы). Поскольку, однако, то, что в работах американских исследователей рассматривается в качестве оценки КЗ, представляет собой сумму двух векторов — собственно коннотации и фонетической мотивированности, — можно с достаточным основанием сделать следующий вывод: так как испытуемым в нашем эксперименте не были известны ни коннотативное, ни денотативное значения предъявленных звуковых комплексов, то статистически значимое совпадение КЗ и ФМ этих слов невозможно объяснить действием коннотативного значения. Иначе говоря, КЗ не совпадает полностью с ФМ, но в значительной степени обусловлено последним. От каких же факторов зависит степень совпадения КЗ и ФМ? В качестве гипотезы можно указать на три группы факторов: 1) частотность слова; 2) принадлежность слова к определенному грамматическому подклассу; 3) принадлежность слова к определенному семантическому подклассу. К сожалению, изучить влияние второго из названных факторов в нашем эксперименте оказалось затруднительным из-за отсутствия соответствующих грамматических индексов в использованном нами списке английских лексем. Роль каждого из двух других факторов была изучена с помощью статистических и психометрических методов.

Было установлено, что чем чаще употребляется слово, тем в большей степени его ФМ соответствует КЗ. Этот вывод полностью совпадает с изложенными выше результатами о соотношении частотности и ФМ в английском языке.

Соотношение ФМ и КЗ слов, входящих в различные семантические подклассы (группировка подклассов осуществлялась с помощью психолингвистических методов), измерялось двумя статистическими показателями: величиной коэффициента корреляции между оценками ФМ и КЗ и средней величиной отклонения оценки КЗ от оценки ФМ. Наименьшая разница между обоими типами оценок обнаружена для слов, обозначающих "движение", "сенсорные" понятия, наиболь-

шая — для слов, обозначающих абстрактные понятия. Если учесть, что ФМ максимально сближается с коннотативным значением в тех группах слов, для которых установлена наибольшая степень фонетической мотивированности, то логично сделать вывод, что само коннотативное значение создается в значительной степени за счет фонетической мотивированности слова. У слов с абстрактным и конкретным значением фонетическая мотивированность значительно снижается или отсутствует вообще, в то время как коннотативное значение в этих лексических группах может достигать предельной величины, так как испытуемые оценивают не звучание, а значение слова (например, понятия "отец" и "мать" в экспериментах Ч. Осгуда). Все это позволяет сделать следующий вывод. Фонетическая мотивированность и коннотативное значение тесно связаны друг с другом, но не являются идентичными явлениями. По-видимому, тот сложный феномен, который принято называть коннотативным значением, представляет результат разнопланового взаимодействия оценок и впечатлений от понятийного и звукового образов слова (означаемого и означающего). Для одних семантических подклассов ФМ является основным компонентом коннотации, для других звуко-символические ингредиенты составляют лишь сравнительно небольшую часть в коннотативном значении слова или отсутствуют в нем вообще.

7. ФОНЕТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ И ФОНЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Теоретическое и экспериментальное изучение звукового символизма вызвало необходимость установить более тонкие различия между понятиями, которые рассматривались как идентичные или очень близкие. Так обстоит дело, в частности, с понятиями "фонетическая мотивированность" и "фонетическое значение". Под фонетической мотивированностью, как видно из изложенного, понимается соответствие звучания слова его значению. Степень такого соответствия, как показано выше, измеряется с помощью психолингвистических методов. Под фонетическим значением (понятие и термин введены А.П. Журавлевым [16, с. 60]) понимается суммарная оценка символических значений звуков, которые входят в состав звучания слова. Символические значения звуков измеряются с помощью методики "семантического дифференциала", а фонетическое значение слова рассчитывается по специальной формуле с учетом позиции звуков в слове и места ударения. Именно таким образом А.П. Журавлев измерил фонетическое значение нескольких тысяч слов русского языка. Два положения в исследованиях А.П. Журавлева представляются нам, однако, не до конца разработанными. Во-первых, принцип отбора анализируемого материала. Экспериментатор подвергал статистической обработке такие лексемы русского языка, в которых заранее предполагалось обнаружить ярко выраженное ФЗ. В результате оказалось, что все исследованные слова обладают ФЗ. Не ясным остается при этом, каким пластом лексики и в какой степени ФЗ присуще в большей или меньшей степени. Во-вторых, — этот недостаток представляется нам более существенным — интерпретация вычисленной с помощью ЭВМ суммарной оценки носит субъективный характер. В самом деле, какую из полученных по разным шкалам оценок следует признать ФЗ слова? В каких случаях следует считать, что слово обладает ФЗ, а в каких — нет? Допустим, что вычисленное ФЗ слова *жаба* составляют такие параметры: "теплое", "активное", "печальное". Какая из полученных трех оценок должна быть принята, а какая — отброшена? Если принять все три, то можно ли считать, что найденные оценки соответствуют денотативному (сигнификативному) значению слова? А.П. Журавлев в подобного рода случаях полагает, что "вопрос о существенности признака решается интуитивно", а при отборе признаков нельзя требовать "особенно точного" соответствия лексическому значению слова. Таким образом, методы определения и интерпретации ФЗ слова требуют дальнейшего изучения и уточнения.

Принятая нами процедура вычисления и интерпретации ФЗ сводилась к следующему. Было исследовано 514 безаффиксальных слов (157 существительных, 177 прилагательных, 180 глаголов) современного немецкого языка⁴, полученных в результате сплошной выборки из [17]. Для расчета ФЗ была использована формула А.П. Журавлева и данные о фонетических значениях звуков немецкого языка по 7 шкалам, приводимые в [18]. В результате статистической обработки с помощью ЭВМ были получены величины ФЗ 514 слов, выраженные так называемыми "очищенными" оценками со знаками "+" или "-". Например, ФЗ немецкого слова *Schub* "толчок, сдвиг" выражается величинами + 1,34 (шкала силы, - 1,12 (шкала активности), - 0,13 (шкала теплоты) и т.д. Для объективной интерпретации существенности полученных оценок допустимы два основных приема. Можно было бы, во-первых, установить чисто условные границы в градации степени того или иного признака (например, менее 0,5 — слабая степень, от 0,5 до 1 — средняя и т.д.). Во-вторых, можно найти среднюю величину ФЗ и считать все случаи превышения этой средней наличием соответствующего признака, все остальные случаи — отсутствием признака. Вторая процедура представляется более объективной. Соответствующие расчеты показали, что средняя величина ФЗ составляет 0,50. Таким образом, степень наличия того или иного признака считалась существенной, если его величина превышала 0,5. Данные о величине фонетической мотивированности были получены с помощью психолингвистических методов (испытуемые оценивали степень соответствия между звучанием и значением слова с помощью пятибалльной шкалы).

Между двумя показателями, характеризующими зависимость между звучанием и значением — ФЗ и ФМ, могут возникнуть следующие типы отношений. 1) у слова обнаружены статистически значимые ФЗ и ФМ; 2) слово обладает ФЗ, вычисленным ЭВМ, но не обладает положительной ФМ (звучание не соответствует значению с точки зрения испытуемых); 3) слово обладает положительной ФМ, но не обладает статистически значимым ФЗ (величины, полученные ЭВМ, близки к нулю); 4) у слова отсутствуют значимые ФЗ и ФМ. Опуская случаи последнего типа, рассмотрим более подробно взаимоотношения между ФЗ и ФМ, названные в пунктах 1—3.

Наличие у слова статистически значимых ФЗ и ФМ. Среди обследованных нами лексем к данному типу относятся около 40 слов, большую часть которых составляют прилагательные и существительные, обозначающие свойства, качества, движение, действие и обладающие низкой частотой встречаемости (частота встречаемости определялась по словарю [19]).

Наличие ФЗ при отсутствии ФМ. Такой тип отношений характеризует свыше 60 слов, отличающихся крайне низкой частотой встречаемости и обозначающих преимущественно конкретные предметы и абстрактные понятия.

Наличие ФМ при отсутствии ФЗ. Этот тип охватывает 140 слов, причем существительные, глаголы и прилагательные распределяются приблизительно равномерно. Среди лексем этого типа преобладают слова, обозначающие действия, качества и свойства, звучание. В отличие от двух предыдущих типов, в данной категории лексики встречаются и наиболее частые, и наиболее редкие лексемы. Заметна доля слов, относящихся к стилистически сниженной лексике.

Случаи несовпадения ФМ и ФЗ дают интересный материал, имеющий немалое теоретическое значение для понимания механизма действия и функционирования звукового символизма. В самом деле, как трактовать случаи, когда при наличии объективно засвидетельствованного фонетического значения, т.е. символики входящих в состав звучания слова звуков, испытуемые "не замечают" явного соответствия между звучанием и значением слова, т.е. не фиксируют наличие значимой ФМ? Оказывается, само по себе наличие в звучании слова звуков,

⁴ Экспериментальная часть исследования выполнена В.И. Кушнериком под руководством автора

способных иметь символическое значение, не обязательно реализуется в языке и в психике говорящего. Следовательно, символическое значение не присуще звукам от природы, а приписывается им говорящими по определенным "правилам". Другое дело, что сами эти правила основаны на физических (акустических и артикуляционных) свойствах звуков. Действие синестезии, лежащее, таким образом, в основе звуко-символизма, носит потенциальный характер и проявляется лишь при определенных условиях: когда звучание слова случайно, в результате своеобразного сочетания внешних и внутренних факторов развития языка, приходит в соответствие с его значением.

Требуют объяснения и такие случаи, когда при наличии ФМ, фиксируемой испытуемыми, ЭВМ не фиксирует у слова значимого ФЗ. Следует еще раз напомнить, что ФЗ складывается из оценок отдельных звуков (со знаками + или -), входящих в состав звучания слова. Если, скажем, только один звук в звуковой оболочке слова обладает символическим значением, а остальные не обладают им, то в итоге ЭВМ зафиксирует незначительное, статистически несущественное ФЗ. Может быть и так, что некоторые звуки (или один звук), входящие в звучание слова, обладают положительной, а другие звуки — отрицательной (по одной и той же шкале) символикой. В итоге оба звука взаимно уничтожают символический вес друг друга, и ЭВМ фиксирует ФЗ, близкое к нулю.

Иначе обстоит дело, когда подобное слово оценивает испытуемый. Полученный нами экспериментальный материал показывает, что наличие в звучании слова хотя бы одного звука (особенно ударных гласных), соответствующего семантике этого слова, дает испытуемому основание считать, что слово обладает ФМ. При этом символика других звуков, входящих в звучание слова, как бы не принимается в расчет, не замечается испытуемым. В качестве примера можно привести такие слова, как нем. *lieben*, где [l] оценивается как "приятное", а [i] как "неприятное". К аналогичным типам слов относятся *streben*, где [s] "медленное", [t] и [r] "быстрые", *schnell*, где [s] и [n] "медленные", а [e] "очень быстрый" и т.п. Интересно заметить, что к аналогичным наблюдениям пришел Р.Р. Гельгардт, анализируя диалог Платона "Кратил" (цит. по [20, с. 5]).

8. ФОНЕТИЧЕСКАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ СЛОВА

Как известно, О. Есперсен [21] и Дж. Опп [22] поставил вопрос о влиянии звукового символизма на жизнеспособность слова и на аномалии в действии фонетических законов. Дж. Опп, в частности, обратил внимание на то, что лат. *parvus*, звучание которого, включавшее [a], противоречило значению "малый", было заменено в романских языках другими словами, включавшими в свое звучание [i]: рум. *mic*, итал. *piccolo*, франц. *petit*. Иные результаты были получены в экспериментальной психологии. Так, С. Эртель [23] сравнил "новые" и "старые" формы (всего 337 пар), обозначающие *ш* в пяти древних и семи современных языках, и, основываясь на результатах психолингвистических экспериментов (испытуемые оценивали соответствие между звучанием и значением слова), пришел к заключению, что в большинстве случаев (57%) "новые" слова, подвергшиеся фонетическим изменениям, обладают символическими свойствами в меньшей степени, чем их более ранние формы [23, с. 147].

Таким образом, выводы лингвистов и психологов о соотношении символических потенциалов старых и новых лексических единиц с *т* не совпадают. Не обсуждая здесь процедурных условий, которые могли оказать влияние на результаты проведенных С. Эртелем экспериментов, обратим внимание лишь на лингвистический аспект рассматриваемой проблемы. Следует, очевидно, иметь в виду, что кроме фонетической мотивированности статус слова в системе языка видоизменяется под влиянием двух видов мотивированности — семантической и морфологической, а также ряда других языковых и неязыковых факторов. Соотношение фонетической

и семантической мотивированности, изученное на примере развития слов, обозначающих понятие размера в немецком и английском языках (слова с этим значением, как видно из изложенного, не раз привлекали внимание лингвистов своими звукосимволическими свойствами), позволяет сделать такое заключение. При взаимодействии старых и новых синонимов, обладающих различными видами мотивированности, могут сложиться следующие отношения. 1) Одно слово лишено какой бы то ни было мотивированности, другое обладает только одним видом мотивированности: а) семантической (такое соотношение сложилось, как показал Г. Шпербер, между старым и новым обозначением головы в немецком языке *houbit* и *kopf* [24, с. 38]; другие аналогичные примеры подробно рассмотрены Р.А. Будаговым [25, с. 98 — 105]); б) фонетической (такое соотношение сложилось, очевидно, между лат. *parvus* и новыми лексемами в романских языках [22, с. 1 — 8]). В этом случае мотивированное слово оказывается более жизнеспособным, чем немотивированное; 2) Одно слово обладает только фонетической мотивированностью, другое — только семантической (такое соотношение сложилось, по-видимому, между др.-англ. *lytel* и *smæl*. В этом случае итоги конкурентной борьбы могут зависеть от других дополнительных обстоятельств; 3) Одна из двух единиц обладает одним видом мотивированности, другая — двумя. Здесь наблюдаются две разновидности. Первая, когда одно слово обладает семантической, другое — семантической и фонетической мотивированностью (др.-в.-нем. *smal* и *kleini*). В этом случае семантически мотивированное слово не исчезает из системы языка, а переходит в иную концептуальную сферу. Вторая разновидность наблюдается, когда одно слово обладает фонетической, другое — фонетической и семантической мотивированностью (др.-в.-нем. *luzzil* и *kleini*). Как показало развитие микросистемы в немецком языке, фонетически мотивированное слово (*luzzil*) не выдерживает натиска лексического конкурента, обладающего двумя видами мотивированности (*kleini*).

Разумеется, любые попытки вторгнуться в сложные лексико-семантические процессы, происходящие в языке, чреваты определенной долей схематизма. Изменения в семантике, составе и конфигурации лексических единиц являются результатом сложного, взаимодействия различных внешних и внутренних (системных) факторов, среди которых, как показал изложенный материал, определенную роль может играть мотивированность лексической единицы.

Наиболее общая закономерность развития словарного состава языка, установленная Г. Шпербером и развитая затем в работах других лингвистов, заключается в том, что старые, потускневшие, стертые, лишенные экспрессивности единицы, вступая в конкурентную борьбу с новыми, обладающими эмоционально-экспрессивным зарядом единицами, уступают им место, исчезая из языка вообще, переходя на его периферию или включаясь в состав других лексических микросистем. Новые единицы в силу закона об обратном соотношении объемов употребления и содержания знака по мере расширения сферы употребления превращаются, в свою очередь, в демотивированные знаки, уступая со временем свое место новым единицам. В этих условиях трудно ожидать, что количество звукосимволических слов в языке будет постоянно уменьшаться, как это следует из эксперимента С. Эртеля. Вероятно, полученные им результаты обусловлены тем, что в качестве представителей "новых" синонимов, большинство из которых оказалось фонетически менее мотивированными, чем старые, взяты нормированные, стандартные, достигшие известного "пика" в своем развитии слова (С. Эртель использовал известный словарь Бака [26]), а не их экспрессивные соперники (такие, как, например, синонимы к немецкому слову *klein*: *fipstg*, *fiselig* или синонимы к слову: *Kopf*: *Schädel*, *Birne*, *Kürbis*, *Kuller* и т.п. [27]). Если все же тенденция к уменьшению в современных языках звукосимволических слов будет непреложно доказана статистическими или иными надежными методами, то в свете сформулированной выше закономерности (медленное, но постоянное

обновление лексического состава) необходимо будет принять гипотезу о том, что на современном этапе развития языка и мышления экспрессивность лексики порождается преимущественно не фонетической, а семантической образностью. Иначе говоря, для современного мышления образность, возникшая на основе понятийных ассоциаций, оказывается более яркой, чем образность, порожденная звуковыми ассоциациями.

9. ВЫВОДЫ

1. При исследовании символических и эмоционально-экспрессивных свойств слова следует четко различать понятия "фонетическая мотивированность", "фонетическое значение", "коннотативное значение". Хотя фонетическая мотивированность слова тесно связана с его коннотативным значением, оба явления не идентичны. Коннотативное значение создается в значительной степени за счет фонетической мотивированности слова, причем для одних семантических подклассов фонетическая мотивированность является основным компонентом коннотации, для других — звуко-символические ингредиенты составляют лишь сравнительно небольшую часть в коннотативном значении слова или отсутствуют в нем вообще.

2. Если под фонетическим значением слова понимать суммарную оценку символики звуков, которые входят в состав его звучания, а под фонетической мотивированностью — соответствие звучания слова его значению, то ФЗ и ФМ одного и того же слова могут не совпадать или даже резко отличаться друг от друга. Несовпадение обоих параметров слова дает основание полагать, что символическое значение приписывается слову говорящими по определенным "правилам", в основе которых лежат физические свойства звуков и транспозиция одних видов ощущений в другие, т.е. синестезия.

3. Фонетическая мотивированность слова может оказать воздействие на эволюцию его формы или содержания. Однако действие этого фактора следует рассматривать в тесной взаимосвязи с действием других процессов и явлений языка, в частности, с действием семантической мотивированности слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ullmann S.* Semantics: An introduction to the science of meaning. Oxford, 1964.
2. *Комарницкая Л.А., Кушнерик В.И., Левицкий В.В.* Фоносемантическая общность языков // Семантическая общность национальных языковых систем. Воронеж, 1986.
3. *Гурджиева Е.А.* Элементарный звуковой символизм (статистическое исследование): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1973.
4. *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л., 1982.
5. *Койбаева Т.Х.* Звуко-символическая лексика английского и осетинского языков: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л., 1987.
6. *Мазанова И.А.* Основные группы звуко-символических слов: фоносемантический анализ (На материале английского и лезгинского языков): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л., 1985.
7. *Peterfalvi J.-M.* Recherches experimentales sur le symbolisme phonétique. P., 1970.
8. *Комарницкая Л.А.* Субъективный и объективный звуковой символизм в английском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Одесса, 1985.
9. *Кушнерик В.И.* Фонетическое значение и фонетическая мотивированность в современном немецком языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Одесса, 1987.
10. *Weiss J.* Phonetic symbolism and perception of connotative meaning // Journal of verbal learning and verbal behavior, 1968. V. 7. N 2 P. 574—576.
11. *Гинзбург Р.С.* Смысловая структура слова // ИЯШ. 1957. № 5. С. 90.
12. *Kanungo R., Lambert W.E.* Semantic satiation and meaningfulness // American journal of psychology. 1963. V. 76. N. 3.
13. *Wertheimer M.* The relation between the sound of a word and its meaning // American journal of psychology. 1958. V. 71. N. 3.
14. *Павлюк Н.А.* Сопоставление лексического и фонетического значения // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград, 1976.
15. *Jenkins J., Russel W., Suci G.* An atlas of semantic profiles for 360 words // American journal of psychology. 1958. V. 71. N. 4.
16. *Журавлев А.П.* Фонетическое значение. Л., 1974.

17. *Лепинг Е.И.* Немецко-русский словарь. М., 1976.
18. *Левицкий В.В., Кушнерик В.И.* Символічні значення голосних і приголосних сучасної німецької мови // Мовознавство. 1986. № 3.
19. *Koeding F.W.* Häufigkeitswörterbuch der deutschen Sprache. В., 1987.
20. *Залевская А.А.* О некоторых актуальных проблемах психолингвистики // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста. Калинин, 1986.
21. *Jespersen O.* Symbolic value of the vowel *i* // *Linguistica*. Copenhagen, 1933.
22. *Orr J.* On some sound values in English // *British journal of psychology*. P., 1944. V. 35. Pt 1.
23. *Ertel S.* Psychophonetik (Untersuchungen über Lautsymbolik und Motivation). Göttingen, 1969.
24. *Sperber H.* Einführung in die Bedeutungslehre. Bonn; Leipzig, 1923.
25. *Будагов Р.А.* Сравнительно-семасиологические исследования. М. 1963.
26. *Buck C.D.* A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago, 1949.
27. *Görner H., Kempcke G.* Synonymwörterbuch. Leipzig, 1974.

© 1994 г. ПОМИРКО Р.С.

ЗВУКОВЫЕ АЛЬТЕРНАЦИИ И СЕМАНТИКА СЛОВА

В эволюции испанского литературного языка структуре слова присуще динамичное варьирование. Варианты слов могут образовываться как на основе конечных, так и срединных и начальных звуковых альтернатив. Эта особенность испанского корневого и производного слова не носит чисто структурированного характера, что нередко вызывает диффузность его звуковой субстанции, которая не ограничена ни в пространстве, ни хронологически.

В настоящей статье рассмотрены семантико-стилистические аспекты вариативности слова в литературном языке и его диалектах. Это естественно проявляется в двойной характеристике каждого отдельного вида фонетического варьирования слова: с одной стороны, по его принадлежности к типологии вариаций, с другой — по его принадлежности к той или иной диалектной системе. В статье приведены результаты семантико-стилистического анализа словоформ, относящихся к именам существительным. В ряде случаев для иллюстрации семантического варьирования привлекались словоформы, полученные на основе звуковых альтернатив в глаголах и именах прилагательных.

Факты образования вариантов этимологически связанных слов вскрывают движение испанской лексики к гнездовой группировке. Отмеченная тенденция литературного испанского языка и его диалектов способствует развитию вариативных смысловых признаков, т.е. словоформа принимает на себя функции, первоначально ей чуждые. Это направление развития лексики символизирует продуктивность флективных средств номинации.

Как правило, формальное варьирование словоформ в испанском языке происходит при опоре на слоговую финаль, способствующую формированию наибольшего количества словоформ. Так, в среднеиспанский период (XIII—XV вв.) открылась возможность для функционирования дублетов на основе альтернативы *-o/-a* (появление так называемого неэтимологического *-a*). Словоформы на *-a* (*aedo/aeda, analfabeto/analfabeta, rapsado/rapsada*) возникли в результате своеобразной гиперкоррекции латинских форм на *-o*. Причина этому — аналогия с гречизмами на *-a* (*porta, nauta, pirata, atleta*), которые не только вытесняли латинские словоформы на *-o*, но и служили моделью для продуцирования новых словоформ на *-a* на латинской или греческой основе (*psicopata, esteta, suicida, burocrata, cineasta*) [1, 2]. В авторитетных словарях (издания Академии наук) последнего времени многие термины на этимологическое *-o* уже не фиксируются.

В числе опорных факторов утверждения *a*-словоформ — имманентные фонетические особенности испанского языка. Они коренятся в системе испанского вокализма и его константных альтернативах в конечном положении слова. Неустойчивость гласного *-o*, его потенциальная склонность к фонетическим альтернативам (*o/u, o/e, o/a*) приводит к ослаблению прежде всего *-a* как наиболее устойчивого по артикуляции. Эта же фонетическая особенность характерна также для перехода неустойчивого этимологического *-e* → *-a*, истоки которого уже засвидетельствованы в народной латыни. Многие гречизмы адаптировались в бинарной форме (*Artides/Artidas, Driades/Driadas*).

В испанской речи этот переход (*-e* → *-a*) оформился в определенную языковую константу и характеризует обширный пласт лексики. Подкрепляющим фактором

явилось, по-видимому, приобретение формами на *-a* оттенков большей экспрессивности, особенно характерных для латиноамериканской речи: *batarate/batarata* "сумасброд" (разг), *pajuate ~ pajuato/pajuata* "дурень" (разг.) [3, с. 60—62]. В других случаях оппозиция *-o/-a* уже может выступать как словообразовательное средство, способствующее закреплению новой, чаще всего метафорической смысловой информации (*toro/tora* "бык"/"смелая женщина", *caballo/caballa* "лошадь"/"красивая статная женщина"). Следует полагать, что коннотативные оттенки имманентно заложены в формах мужского рода, а их родовая транспозиция служит для таких же характеристик, относящихся к лицам женского пола. Наоборот, морфемная подстройка форм мужского рода к формам женского рода, как правило, нехарактерна. Чаще всего эту функцию выполняет артикль: *una vaca/un vaca* "корова"/"дрянь, сволочь", *una gallina/un gallina* "кураца" / "трус" (лат.-амер.).

В производных словах образования на *-ata* также активизированы прежде всего ввиду морфемной неустойчивости суффиксального коррелята *-ato*. В современной испанской норме многочисленные образования на *-ata* стилистически маркированы и вытесняют в этой функции другие суффиксы (*fumata/fumador*, *bocata/bocadillo*, *porrata/porrero*, *camarata/camarero*, *sociata/socialista* и др., особенно характерные для языка прессы [3, с. 76—79]).

При анализе альтернации слова следует обратить внимание на фактор количества слогов в слове. Так, Б. Комри, как и многие другие, считает, что минимальная протяженность структуры слова — фактор, увеличивающий число случайных фонетических совпадений простых слов [4]. При этом вариативность таких лексем, которые, как правило, не поддаются регулярному фонетико-морфологическому членению, происходит как бы целиком. Например, уже архаизированные народные формы *cobra/cobre* не только фонетически сильно отдалены от своего этимона *copula*, но и, следует полагать, были основной причиной усвоения книжных вариантов *copla/cupula*, так как народные словоформы вызвали омонимические столкновения с широко бытующими словами *cobre* "медь" и *cobra* "удав, змея".

Если предыдущий пример иллюстрирует уравнивание в фонетическом отношении этимологически разных слов, то слова сколько-нибудь фонетически коррелирующие становятся потенциально подверженными конвергенции. Примером может служить слово *cuchilla* "большой нож", где афerezис слога *cu-* привел к омонимии с индейским словом *chilla* "вид лисы" (лат.-амер.). Этим изменением не просто реализовался формальный фонетический процесс: произошло вовлечение альтернативной формы в семантический процесс для наименования отдельных видов древесины — "тонкая деревянная пластинка высокого качества". В других случаях афerezис звуковых элементов как фонетическая альтернатива сохраняет формальный характер и меньше всего связан с семантикой: *chacho/muchacho* "юноша", *bus/omnibus* "автобус" (разг). *cuzcuz/alcuzcuz* "национальная арабская еда" и др. Как отмечает Р. Лапеса, апокопа, синкопа, афerezис и другие фонетические альтернативы выходят за пределы просторечия, а в современной речи апокопа звуков и слогов не только вытесняет полные литературные формы, но и становится более характерной для разговорной речи и языка прессы (*cóle/colegio*, *prófe/profesor*, *cápi/capitan*, *míli/milicia*, *bíbe/biberón*). В этом фонетическом явлении апокопы ученый усматривает тенденцию испанского языка к стабилизации экономной двуслоговой структуры слова [5].

Функционально-коммуникативная сфера испанского языка привносит в новейшие словарные издания новые типы вариаций слова, смысловая близость между которыми ослабевает. В силу этого рождается новая информация, почкование нового слова, своеобразный "отход от себя". Этот качественный признак прерывает формальную вариативность дублетов, открывает путь для их группирования в парадигматические варианты слов. Естественно, что в таком случае речь может идти и о синонимах, омонимах, антонимах, и паронимах.

Отдельную группу лексики составляют звуковые альтернативы, которые не случайны, а целенаправленны. Сюда можно отнести интерсуффиксацию в роли семного оценочного дополнения. Так образуются коррелятивные пары слов, которые могут различаться по двум семантическим признакам, а именно — увеличению и ухудшению качества, ср.: *casa* "дом" — *casón/case(r)ón* "большой дом"/"большой неуютный дом" (лат.-амер.), *torre* "башня" *torreón/torre(j)ón* "большая башня"/"ветхая башня" (6).

Комбинаторика вставочных посткорневых элементов (морфов) имеет эксплицитный характер, но одновременно может быть имплицитна, скрыта, часто воспринимается как формальное варьирование. Подобные элементы в структуре производного слова выступают в роли усилителей признака интенсивности. Ср. суф. *azo/uo, on/illo* и др.: *puño* → *puñetazo* "удар кулаком" → *puñetacito* "резкий короткий удар", *mano* → *manotazo* "удар рукой" → *manotacito* "щелчок", *trago* → *tragón* "любитель поест" → *tragoncillo* "обжора" и т.д.

В диалектах испанского языка (арагонском, астурийском, андалусийском) параллелизм структуры слова и семантики находится в прямой зависимости. Многочисленные примеры позволяют выделить в первую очередь значения, состоящие в родо-видовых отношениях.

В арагонском диалекте звуковое варьирование структура литературной лексемы *palabra* → *palabro* способствовало закреплению видового смысла "грубое жаргонное слово". В литературной норме ему соответствуют лексические единицы *palabrota, palabra fea, palabra mal dicha*. Мена родовой характеристики, таким образом, не только приводит к образованию родовых коррелятов, отсутствующих в литературной речи, но и оказывается связанной с расширением коннотативной характеристики словоформы — появлением видовых номинаций внутри одной родовой. Здесь просматривается, по-видимому, важная ономаσιологическая особенность диалектного слова: не только называть предметы, вещи, но и соответствующим образом совмещать их описание. В литературной речи лексема *pareja* "пара" (чего-л. кого-л.) развивает новую семантику по принципу антономасии "народная гвардия", а ее диалектный вариант *parejo* не только иллюстрирует снятие запрета на звуковые модификации, но и выступает в роли метафорического переноса "грязный + небрежный + человек".

Равным образом субстантивированные адептивы *pobre/pobra* не только варьируют по отношению к литературной норме, но и различаются на функциональной основе. Если литературная лексема *pobre* "бедный человек" не конкретизирует оттенка семантики, то в диалекте ее коррелят *pobra* концентрирует аффективный смысл "жена бедного человека, просящая милостыню". В этом значении лексема *pobra* входит в синонимическую корреляцию с лексемами *mendigo/mendiga*. Для сравнения укажем, что в астурийской речи женский коррелят отсутствует и все эти признаки совмещены в инвариантной лексеме *probe* с метатезой согласных *b/r*.

Как видим, способ грамматической "подстройки" слова, посредством которой осуществляется коннотативное насыщение лексем, неодинаково проявляется в диалектах. Значит, связи не являются однотипными на всем протяжении языкового пространства. При интенсивном диалектном взаимодействии структурные и семантические связи пересекаются, переходят друг в друга, проявляют широкую вариативность и одновременно не создают семантического континуума. Если астурийское слово *campra* как коррелят к литературной лексеме *campo* "поле" призвано репрезентировать видовые характеристики 1) "участок земли без деревьев", 2) "площадка для гулянья", то в арагонской речи литературная лексема инвариантна, репрезентируя в одной и той же форме родо-видовые характеристики.

Альтернатива как сопутствующее средство модификации структуры слова может быть явной и латентной, связанной с "подкоррекцией" артикуляции звука. Так, в арагонском диалекте (говоре Наварры) лексема *potente* "сильный, властный"

посредством перехода глухого *-t* во фрикативную стадию произношения *t* → *t'* привносит, согласно словарю, аффективный оттенок, а именно уничижительный смысл. "круглый, пухленький человек маленького роста, гордящийся своей наружностью" [7].

Формирование коннотации негативного характера в лексеме *potente* на фоне ее положительной смысловой функции в литературной норме не вызывает сомнений. Это явление сопоставимо со сходными фактами, которые формируют энантиосемические отношения лексем. Своеобразным промежуточным звеном в этом семантическом развитии послужили, очевидно, чисто фонетические факторы, усиливающие аффективное значение лексемы. Этот пример иллюстрирует эффективность модификации артикуляции согласных в тех или иных коммуникативных целях, особенно когда отдельные согласные звуки не противопоставлены четкими дистинктивными признаками артикуляции, являющиеся как бы вторичными по отношению к инварианту. Известно, что у носителей языка восприятие слова нацелено на артикуляционную чистоту характеристики согласных. Их намеренная альтернатива режет слух и предрасполагает к негативному восприятию слова. В каждом языке можно наблюдать такие своеобразные способы семообразования, имеющие сначала сугубо индивидуальные начала и приобретающие впоследствии обобщенный характер в речевой коммуникации. В новой фонетической артикуляции происходит видоизменение смысловой структуры слова, обертонов слова, что в свою очередь является результатом его быстрого усвоения говорящими.

Безусловно, с чисто формальной точки зрения факт перехода звука *-t* во фрикативную стадию (иррегулярную фузию) в испанском ареале не наблюдается (но, возможно, у нас недостаточно материала). В таких случаях следует предполагать опосредованное влияние языкового контакта (в нашем случае английского), где отношение *t* → *th* составляет его релевантную парадигматическую сущность. На испанской почве случаи фрикатизации согласных связаны с негативным моментом. Так, альтернатива в спонтанной речи звуков *-z/s* (*caza/casa* "охота"/"дом"), *ll/y* (*callo/cayo* "мозоль"/"островок, покрытый манговыми зарослями"), *l/r* (*absolver/absorber* "освобождать, признавать невинным"/"всасывать, впитывать") вызывает активизацию паронимических процессов. В испанских диалектах паронимизация характеризуется расширенной зоной действия. Утрата отдельными согласными звуками четких дистинктивных признаков типа *s/z*, *k/g*, *r/l*, *l/r*, *h/j*, *b/v* (звуковая коммутация) стимулирует образование паронимов. Иными словами, паронимизация испанской лексики — процесс незавершенный. Ее динамический признак развертывается как во времени, так и в пространстве.

В андалусийском диалекте, особенно в его разновидности — языке фламенко — в альтернативах структуры слова также обнаруживается определенный фонетический параллелизм с арагонским диалектом. Но здесь он более последователен и обусловлен в основном не окказиональными, а теми фонетическими тенденциями, которые определяют развитие андалусийской фонетической системы.

В этом процессе синкопа интервокального *-d-* становится одним из наиболее продуктивных факторов. Сюда можно отнести такие слова, как *bailaor/bailador*, *cantaor/cantador*, *tocaor/tocador*. Лексемы с синкопой *-d-*, помимо определенной экспрессивной функции, обладают семными "вкраплениями", которые отражают культурно-этнические характеристики фламенко, ср.: *bailador/bailaor* "танцор"/"исполнитель танцев фламенко", *cantador/cantaor* "певец"/"исполнитель песен фламенко" *tocador/tocaor* "туалетный столик с зеркалом"/"гитарист-концертист" и др. Восстановление в андалусийских коррелятах синкопированного *-d-* не только разрушает парадигму слов, но и может восприниматься в диалекте как своеобразная звуковая гиперкоррекция, которая, по мнению исследователей, вызывает семантическую интерференцию с лексемами литературной нормы [8, 9]. Восстановление *-d-* в корреляте *tocaor* приводит к омонимическому конфликту.

В ряде других случаев звуковая комбинаторика в андалусийской речи может затрагивать слоговую финаль, а также всю структуру слова, подвергая альтернации как гласные, так и согласные. Вновь образованные парадигмы слов находятя в родо-видовых отношениях *danzari/danzarin* "исполнитель баскских танцев"/"профессиональный танцор". В парадигме слов *mestizo/mistazo* коррелят *mestizo* содержит антропонимическую характеристику "метис", а диалектная лексема *mistazo* служит для обозначения этой же характеристики в животных [10].

Рассматриваемый нами процесс кажется достаточно ясным. В отдельных случаях типологической параллелью диалектам может служить испанская литературная норма. Особенно рельефно это прослеживается в производных образованиях, ср.: *cerr(a)jón/cerr(e)jón* "высокий крутой холм"/"холмик". В этих коррелятах посткорневые элементы — *-ajón/ejón* — не формальные, а концептуальные варианты суф. *-ón*, в которых посредством альтернации гласных разграничиваются объективные сущности.

В астурийском диалекте звуковая комбинаторика также втягивает в альтернацию как гласные, так и согласные звуки (*frex(i)les/frex(u)les* "зеленый фасоль"/"определенный сорт фасоли" — лит. исп. *frejol, bucau/buca(r)au* "часть, ломоть, порция еды"/"большая порция еды" — лит. исп. *bocado grande, harina/harija* "мука"/"шелуха" [11]). Последний пример интересен тем, что в латиноамериканских вариантах испанского языка образуется тернарная оппозиция словоформ, различающихся по видовому оттенку, ср.: *harina/harija/fariña*, где коррелят *fariña* содержит смысл "мука грубого помола из специального вида растений".

Как видим, фонетическая альтернация в слове диффузна и характеризуется пересекающимися явлениями по всему испано-романскому ареалу. Звуковые альтернации в пределах одного и того же слова — это отражение в большинстве случаев не целенаправленной, поэтапной эволюции фонетических систем, несомненно имеющие место, а спонтанное явление, обусловленное устной формой функционирования диалектов. По сути дела, альтернация как процесс изменения семантики открывает различные возможности для распределения этого феномена в структуре слова. Когда наблюдается связь фонетики и семантики, то звуковые альтернации в слове приобретают тот же статус, что и вариативная акцентуация, т.е. они являются средой по отношению к изменениям семантики слова. Если во французском языке эта функция выражается другими средствами — основосложением (*bateau/bateau-mouche*), устойчивыми словосочетаниями (*homme un bout d'homme* "коротышка"), супплетивизмом разнокорневых слов (*fenêtre/vasistas* "окно"/"форточка", *paille/fétu* "солома / соломинка" — то, в испанском языке и его диалектах преимущество за синтетическими формами (*barco/barca, hombre/hombrecillo/hombrete, ventana/ventanilla, paja/pajilla/pajita*).

Альтернация структуры испанского слова может повлечь за собой процессы, стоящие в явном противоречии с функционированием языка, что сказывается на перегруженности речи семантической интерференцией. Но одновременно она может активизировать приток различных средств языка, призванные снять коммуникативные противоречия. Так возникают отдельные формы, репрезентирующие одну и ту же лингвистическую сущность. Ср., к примеру, в литературной норме разрушение паронимии путем словообразования и приспособления семантики других лексем: *casa/caza* → *cacería* "дом"/"охота", *pozo/poso* → *asiento* "колодец, шахта"/"отстой, осадок; место для отдыха, привал" и др.

В андалусийском диалекте формы этой лексемной "подкоррекции" разнообразны. Помимо словообразования (суффиксальной деривации) и лексического супплетивизма релевантными становятся аналитические средства номинации, как известно, занимающие периферию в литературном языке. Так, лексема *aguijada* "стрекало" в ее наиболее распространенной альтернационной форме *hijá* стала производящей для слов *ijón, hjaera*, а также синтагм: (*vara de aihá, vara de ihá, vara de aijar*). Андалусийский диалект наиболее показателен в этом отношении

и свидетельствует о наличии вариативных средств образования конкретной номинации. Она может быть представлена в виде синтагм, словосочетаний. Именно их активизация указывает на усиление дивергентных процессов в диалектах и литературном языке, несмотря на тот факт, что указанные лексические структурные противопоставления развиваются в условиях тесной социально-экономической, культурной и языковой интеграции. Есть основания предполагать, что как раз вариации структуры диалектного слова способствуют ускоренному развитию аналитических номинативных средств.

Итак, в близкородственных лексико-семантических системах (литературная норма и диалекты) лексика, восходящая к единому этимону, подвергается разнохарактерным альтернациям и может не образовывать единого семантического континуума, что исключает тесную корреляцию знаковых систем. Лексический состав диалектов представляет собой как бы семантический набор эскизов дивергентной эволюции общеэтимонных слов. Поэтому диалекты как относительное целое могут быть противопоставлены и друг другу, и литературному языку.

Особенный интерес представляет слова, которые транспонируют положительную коннотацию в отрицательную, т.е. реализуют антонимический противочлен. Проявление этого стилистического потенциала лексем возможно не только в контексте, но и вне его.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Rosenblat A.* Morfología del genero // Nueva revista de filología hispánica. 1971. № 16.
2. *Herrera R.* Observaciones acerca del genero de los nobres. La Habana, 1947.
3. *Casado Velarde M.* Tendencias en el léxico español actual. Madrid, 1972.
4. *Comrie B.* Language universals and linguistic typology // Syntax and morphology. Chicago. 1981. P. 194.
5. *Lapesa R.* La lengua desde hace cuarenta años // Revista de Occidente. 1963. V. 3. № 8 — 9. P. 201—202.
6. *Diccionario de la lengua española.* Madrid, 1970.
7. *Iribaren José.* Vocabulario navarro. Pamplona, 1952.
8. *Ropero Nuñez M.* Identidad sociolingüística del andaluz // Metodología y estudios. Sevilla, 1985. T. 1. P. 2.
9. *Fernandez-Sevilla J.* Formas y estructuras en el léxico andaluz. Madrid, 1975.
10. *Alcalá Venceslada A.* Vocabulario andaluz. Madrid, 1978.
11. *Novo Mier L.* Diccionario xeneral de la llingua asturiana. Oviedo, 1979.

© 1994 г. ТРУБ В.М.

**О КОММУНИКАТИВНЫХ АСПЕКТАХ ОТРИЦАНИЯ
КАК НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНКИ ИСТИННОСТИ**

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Среди разнообразных семантических функций отрицания особо выделяется одна из главных — функция негативной оценки истинности (ОИ). Негативная ОИ всегда является производным высказыванием, полученным в результате применения оператора отрицания к коммуникативно более ранней пропозиции Р. Как известно, классическим, общепринятым способом семантического описания предложений, содержащих отрицание, стало использование оборота "неверно, что Р", в сферу действия которого попадает рема утверждения, образующего его пропозициональный акт — ср., например [1, 2]. В то же время представляется, что применительно к отражению функции истинностной оценки такая перифразировка будет описывать значение отрицания более адекватно, если изменить порядок следования ее компонентов: "неверно, что Р" ⇒ "то, что Р, неверно". Тем самым становится явным тот факт, что мысль (уверенность, допущение, долженствование, ожидание и т.д.) о ситуации Р уже находилось или появляется в общем текущем поле зрения говорящего и слушающего непосредственно перед ее опровержением. Негативные ОИ, как и другие типы истинностных оценок, а также сообщения естественно рассматривать как виды утверждений. В частности, негативные ОИ могут быть отнесены к утверждениям корректирующего типа. Таким образом, иллюкутивной функции как сообщений, так и ОИ соответствует речевой акт утверждения [3].

Следует подчеркнуть, что оператор "то, что Р, неверно", равно как и противоположный оператор "то, что Р, верно", рассматриваются как средства констатации ложности или истинности некоторой пропозиции, т.е. выполняют роль "чистой" истинностной оценки, указывающей на соответствие или несоответствие некоторого мнения действительности. В этой функции операторы ОИ рассматриваются как элементарные смыслы, независимые, абстрагированные от ряда сопутствующих значений, которые, наряду с ОИ, могут входить в семантическую структуру многих слов естественного языка. К числу подобных сопутствующих значений, например, относятся:

а) указания на лицо, ставшее источником пропозиции, истинность которой оценивается. Например, предикаты *правильно, неправильно, совершенно верно, совершенно справедливо, нельзя согласиться с тем, что...* и многие другие оценивают истинность мнения, предьявителем которого является не говорящий. В то же время предикаты *нельзя сказать, что (чтобы), действительно, в самом деле* и т.д. не накладывают подобных ограничений на предьявителя опровергаемого или подтверждаемого мнения — оно может быть выдвинуто и говорящим;

б) указания на то, является ли оцениваемая пропозиция результатом чьих-то дедуктивных рассуждений, логического вывода (*правильно, совершенно верно, X ошибся, X прав, X не прав* и т.д.) или же подается как констатация действительного положения вещей в той или иной сфере, как объективное знание — ср. (1) *Это ложь, неправда!*

в) указания на причины несоответствия опровергаемого мнения действительности — является ли это результатом ошибки, заблуждения (ср. *Р показалось*), логически уязвимых рассуждений (т.е. следствием того, что мнение, ставшее результатом дедукции некоторого лица, отражает действительность неадекватно [4] — ср. (2) *Ты не прав*), неоправдавшихся ожиданий, нарушения бытующих стереотипов или же лжи — ср. (1). В последнем случае говорящий констатирует, что содержание предъявленного другим лицом речевого произведения не соответствует действительным мыслям этого лица [4], что в свою очередь дает говорящему основания обвинить его в попытке ввести кого-либо в заблуждение, т.е. в нарушении постулата искренности.

г) указания на причины, благодаря которым говорящий обладает "монополией" на истину, — обоснования, позволяющие ему заключить, соответствует или не соответствует некоторое мнение действительности.

Повторяем, операторы истинностной оценки должны рассматриваться автономно, независимо от подобных сопутствующих значений.

Существенно, что коммуникативная функция сообщения кардинально отличается от аналогичной функции отрицания как негативной ОИ. Любое сообщение, как известно, характеризуется тем или иным типом темо-ремного членения. Цель сообщения состоит в том, чтобы подать в рамках текущей смысловой порции новую информацию (рему) об элементе, являющемся темой данной смысловой порции. Главная функция сообщения заключается в подаче новых данных, истинность которых не обсуждается, поскольку она, если не оговорено специально, как бы гарантирована эпистемическим обязательством говорящего [5]. Имеется в виду, что у слушающего нет предварительных гипотез о том, что будет сообщено о теме, и он равновероятно готов узнать о ней любую информацию. В этом случае его задача состоит в первую очередь в том, чтобы осмыслить сообщаемое, т.е. согласно известному тезису Ю.С. Мартемьянова [6], ответить прежде всего на вопрос "Что это значит?". А уже затем, в рамках задачи "Как это (прикажете) понимать?" он может, в частности, оценивать достоверность сообщения (соглашаться, сомневаться или оспаривать правомерность сопоставления данной ремы теме высказывания).

В отличие от коммуникативной структуры сообщения, актуальное членение истинностной оценки принципиально иное, поскольку в качестве ремы в ней выступает ОИ, соотношенная уже с готовой пропозицией, которая целиком выполняет роль темы, — пропозицией, в той или иной модальности уже актуализованной. Таким образом, единственная и главная функция ОИ заключается только в оценке достоверности уже готового, сложившегося мнения о чем-либо. Важно подчеркнуть, что подобные смысловые порции (типа "то, что Р, верно", "то, что Р неверно") и образуют тот семантический материал, который в процессе восприятия соответствующих высказываний формируется еще на этапе ответа на вопрос "Что это значит?".

В то же время может варьироваться и отношение самого говорящего к степени достоверности производимого им высказывания (в частном случае — и истинностной оценки). Когда истинность высказывания гарантируется эпистемическим обязательством говорящего, т.е. когда он полностью берет на себя ответственность за его достоверность, нужный модус ("я утверждаю", "я знаю") выражается имплицитно. Такое нулевое выражение данного модуса имеет, например, место в негативной ОИ (3) *Иванов не приехал* ~ "То, что Иванов приехал, неверно". Имплицитность выражения реальной модальности в данном примере обусловлена именно убежденностью говорящего в своей правоте, почерпнутой из объективного знания действительного положения вещей [7]. Если же говорящий не может однозначно гарантировать достоверность производимого высказывания, то он так или иначе эксплицирует свое представление о его истинности, поскольку "...ненадежность передаваемого сообщения непременно должна оговариваться" [8,

с. 180]. Для этого в его распоряжении имеется представительное множество предикатов пропозициональной установки. Проблематика использования пропозициональных предикатов в контексте отрицания представляет собой отдельную тему, которой мы не имеем возможности здесь касаться. Объектом дальнейшего рассмотрения данной работы станут отрицательные предложения с имплицитным модусом, выражающие только однозначные негативные ОИ.

Мы сосредоточимся на анализе одной из важнейших характеристик отрицания как негативной ОИ — его теснейшей связи со своим коммуникативным предшественником (опровергаемой пропозицией). Устойчивость этой связи уже давно констатируется в лингвистических исследованиях — ср., например [1, 8—13]. Как отмечает Н.А. Торопова [10, с. 25], "...в научной литературе прочно укрепляется мнение, что в основе всех отрицательных высказываний лежит утверждение. Большинство ученых подчеркивает ретроспективную связь отрицания с утверждением...". В этом плане особенно показательны замечания Б. Рассела [9], которые мы позволим себе еще раз процитировать вслед за [12, с. 16]: «Допустим, вы берете сахар, думая, что это соль; когда вы попробуете его, вы, по всей вероятности, скажете "Это не соль". Когда вы ищете что-либо потерянное, вы говорите: "Нет, этого здесь нет", после вспышки молнии вы можете сказать: "Я не слышал грома". Если бы вы увидели аллею из буков с одним вязом среди них, вы могли бы сказать о нем: "Это не бук"».

Далее будет рассмотрен ряд тесно связанных друг с другом коммуникативных характеристик опровергаемой пропозиции (ОП) в отрицательных предложениях: отражение модальности ОП в структуре предложения, разнообразные источники актуализации представления об ОП (в том числе и при скрытом отрицании), время актуализации и некоторые другие аспекты.

2. ПЕРВИЧНОЕ, ВТОРИЧНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ОПРОВЕРГАЕМОЙ ПРОПОЗИЦИИ И ЕЕ МОДАЛЬНОСТЬ

В соответствии с изложенной концепцией естественно различать первичное и вторичное употребление ОП. Употребление ОП в отрицательном предложении в сфере действия частицы *не* всегда является вторичным. Так, в рассмотренном выше примере (3) ОП "Иванов приехал", являющаяся объектом негативной ОИ, реализована по крайней мере вторично. Первичное же употребление данной пропозиции выполняет функцию актуализации — введения представления об ОП либо напоминания о ней (перевода соответствующей информации из "долговременной памяти" в текущее поле зрения слушающего). В операциональном плане естественно различать следующие типы первичного употребления ОП по "месту" или "времени" ее реализации:

1) предтекстовое первичное употребление ОП (эксплицитное/имплицитное). Так, в (3) осуществлено предтекстовое первичное употребление ОП "Иванов приехал" в произвольной модальности, которое может оказаться как эксплицитным, так и имплицитным. В приведенных выше примерах Б. Рассела имеют место предтекстовые имплицитные употребления ОП, предопределенные конституацией;

2) текущее первичное употребление ОП, т.е. реализация ОП в самом отрицательном предложении (эксплицитная/имплицитная). Например, во фразе (4) *Я приехал не во вторник, как собирался, а в среду утром* посредством соотносительного придаточного оборота *как собирался* реализуется текущее первичное эксплицитное употребление ОП "Я приехал во вторник". При этом функционально оно может соответствовать как введению представления об ОП, так и напоминанию о ней. Поэтому (4) имеет по крайней мере два прочтения, которые маркируются разными модальными рамками, вводящими ОП:

(4а) ≈ "Знай, что я полагал, что временем моего приезда будет вторник. Знай, что временем моего приезда стал не вторник, а утро среды".

(46) ≈ "Как ты знаешь (помнишь), я полагал, что временем моего приезда будет вторник. Знай, что..."

Структура отрицательного предложения должна быть скоординирована с тем или иным типом первичного употребления ОП. Часто, как в рассмотренном примере, следы этой координации находят отражение на поверхностном уровне. Более подробно ряд аспектов этой проблемы будет рассмотрен в разд. 4. Здесь же мы ограничимся показом того, как отражается на структуре отрицательного предложения противопоставление модальностей ОП (ибо представление об ОП неотделимо от ее модальности). Модальность ОП предопределяется вероятностными характеристиками ситуации, описываемой ОП. Так, отрицательное высказывание может быть реакцией говорящего на непосредственно предшествующее категоричное утверждение слушающего (с точки зрения говорящего — искреннее заблуждение). В то же время объектом негативной ОИ могут быть и ОП о высоковероятной ситуации P или же допускаются равные возможности обеих альтернатив (P и не P), либо даже принимается, что вероятность осуществления P , о которой идет речь в ОП, немногим больше нуля. Таким образом, негативная ОИ указывает на то, что ситуация, описываемая ОП, не имеет места. А уже из вида модальности ОП следует, опровергается ли чья-то уверенность, высоковероятное ожидание, долженствование, допущение и т.д.

Различия в модальности ОП могут влиять на структуру высказывания. Рассмотрим в качестве примера два варианта противопоставительной конструкции: *не P , а Q* и *P , а не Q* , которые обычно принято считать эквивалентными. В то же время очевидно, что по крайней мере в диалогическом контексте подобная вариативность структур отрицания обусловлена различиями модальностей ОП P при ее эксплицитном первичном употреблении в предтексте. Например, фраза (5) *Я не обедал, а перекусил в буфете* может быть вполне адекватной реакцией на вопрос слушающего: *Ты обедал?* Тем самым имеется в виду, что слушающий допускает и то, что говорящий обедал, и то, что тот не обедал. С другой стороны, (6) *Я перекусил в буфете, а не обедал* нормативно является реакцией на то только что высказанную уверенность слушающего в том, что говорящий сыт (например, выраженную в недоумении: *Ты же обедал!*). Важно подчеркнуть, что (5) и (6) имеют разные иллокутивные функции. Так, (5) может быть, например, расценено как вежливая попытка успокоить слушающего, а (6) — как побуждение к тому, чтобы он принял меры к кормлению говорящего или не предпринимал ничего такого, что могло бы помешать последнему принимать пищу. Как можно объяснить подобные расхождения в прагматической трактовке одного и того же смысла (7), содержащегося в (5) и (6) и в первом приближении представимого как (7) ≈ "То, чем я удовлетворял послеполуденный голод, не есть обед, а есть перекус в буфете"?

Причина этих расхождений заключается именно в различных модальностях ОП "Говорящий обедал" в (5) и (6). В (6) имеется в виду, что слушающий допускает обе альтернативы, т.е. одинаково готов к последствиям, вытекающим и из того, что говорящий съел обед, и из того, что он вообще днем ничего не ел. В этой ситуации восприятие смысла (7) должно указать слушающему, что ни одно из его предположений не является верным, а в действительности имеет место что-то "третье": говорящий съел меньше того, что положено есть днем (закуска в буфете "меньше" обеда), но это все же лучше, чем ничего. Этот довод и призван выполнить функцию вежливого побуждения к тому, чтобы говорящий перестал волноваться. А в (6) слушающий исходит из однозначного мнения, т.е. готов только к тем последствиям, которые вытекают из того, что говорящий сыт. Таким образом, (7) служит для говорящего средством корректирования представления слушающего о степени его сытости. Оказывается, что данный параметр не соответствует норме (как был убежден слушающий) и должен быть признан неудовлетворительным, поскольку перекус в буфете

меньше обеда. Тем самым говорящий сообщает слушающему о своей доминирующей потребности. Из этого можно заключить (если принять во внимание постулат релевантности — ср. [3]), что (6) должно быть расценено слушающим как побуждение к удовлетворению желания говорящего либо по крайней мере к воздержанию от действий, которые могли бы воспрепятствовать этому.

3. О ТИПАХ КОММУНИКАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПЕРВИЧНОЙ О УПОТРЕБЛЕНИЯ ОПРОВЕРГАЕМОЙ ПРОПОЗИЦИИ

Эксплицитность выражения ОП может сколь угодно варьироваться. Чаще всего представляется правомерным провести аналогию между отрицательным предложением и развернутым отрицательным ответом на общий вопрос. Так, фраза (8) *Поезд не пришел* может рассматриваться как развернутый отрицательный ответ на "немой" вопрос: "Пришел ли поезд?", обусловленный ожиданием данного события. Тем самым (8) эквивалентно краткому отрицательному ответу в диалоге вида — Пришел ли поезд? — Нет", где соответствующая идея выражена эксплицитно.

3.1. Связь опровергаемой пропозиции с нормативным стереотипом.

Очень часто источником ожидания ситуации, о которой идет речь в ОП, является апелляция к нормальному положению дел в той или иной жизненной сфере. Ср. объявление (9) *Пива нет* ≈ "То, что есть пиво, неверно" на пивном ларьке, в котором при нормальных условиях должно отпускаться пиво. Другой пример: (10) *В два часа ночи Коля не спал* ≈ "То, что в два часа ночи Коля спал, неверно" (представление о том, что Коля мог спать, естественно проистекает из мнения, что в соответствующее время суток большинство людей обычно спит). При этом имплицитно подразумевается, что: а) слушающему известен соответствующий нормативный стереотип; б) для него очевидно, что в сложившейся ситуации этот стереотип вполне применим к объекту, о котором идет речь (к данному пивному ларьку во время, отведенное для торговли, к Коле в указанный отрезок ночи и т.д.). Из этих посылок и возникает представление об ОП.

Если же, по мнению говорящего, некоторый "нужный" ему нормативный стереотип для слушающего не очевиден или нуждается в напоминании, то он может быть выражен эксплицитно. С этой целью часто используются соотносительные придаточные предложения, вводимые местоимением как:

(11) *Когда двухлетнего Сен-Санса впервые подвели к фортепьяно, он не стал беспорядочно бить по клавишам, как это делает большинство детей его возраста, а осторожно брал одну ноту за другой...*

(12) *Гроб с телом Моцарта не внесли в храм хотя бы для краткого отпевания, как того требует погребальный церемониал католической религии, а напугивали в часовне святого Креста.*

(13) *В те дни гостей Еревана возили прежде всего не в Эчмиадзин и не на Севан, как диктовала давняя традиция, а на Театральную площадь.*

Приведенные примеры интересны тем, что в них эксплицированы все необходимые компоненты противопоставительной "триады": а) указание на норматив, являющийся источником представления об ОП (в двухлетнем возрасте дети обычно беспорядочно бьют по клавиатуре, погребальный церемониал католической религии предписывает отпевать покойника в храме, давняя традиция диктовала возить гостей Еревана в Эчмиадзин и на Севан; б) собственно отрицание — опровержение мнения о том, что данный норматив выполняется, как это естественно было ожидать, для предмета сообщения (для двухлетнего Сен-Санса, впервые получившего доступ к фортепьяно, для покойного Моцарта, для гостей, посещавших Ереван в "те дни"; в) противопоставление — конкретизация противоположной альтернативы (что же имеет место в действительности вместо того, что можно было ожидать).

Несколько иной тип соотношенности со стереотипом представлен в примерах (14—15): (14) *Метаязык толкований представляет собой не искусственный семантический язык (как в порождающей семантике), а как бы ядерный фрагмент естественного языка;* (15) *На Крите не было дивной прозрачности воздуха, свойственного Элладе,* где говорящий апеллирует к такому хорошо знакомому слушающему нормативу (в качестве метаязыка порождающей семантики используется искусственный семантический язык, Элладе свойственна дивная прозрачность воздуха), действие которого тот, скорее всего, будет склонен перенести и на предмет повествования. Целью высказывания является указание о том, что данный норматив не распространяется на предмет сообщения, поскольку последний подчиняется другому стереотипу: на метаязык толкований не распространяются закономерности языка порождающей семантики, а прозрачность воздуха на Крите иная, чем в Элладе.

3.2. Отрицание при употреблении некоторых служебных слов.

В данном разделе будет рассмотрен ряд особенностей соотношения отрицания с ОП на материале некоторых служебных слов.

1. Пропозиция, отражающая нормативный стереотип, нарушение которого констатируется отрицанием, может выражаться первой валентностью союза *а* в значении А1 [14]. При этом негативная ОИ, опровергающая выполнение данного стереотипа для предмета сообщения, заполняет вторую валентность союза. Ср. фрагмент арии Кончака из оперы Бородина "Князь Игорь": (16) *...Все боются меня, всяк трепещет кругом. А ты меня не боясь...*

2. Достаточно разнообразны типы выражения эксплицитного и имплицитного отрицания встречаются в конструкциях, образуемых союзом *но*. Рассмотрим, например, два фрагмента из "Дамы с собачкой" А.П. Чехова:

(17): *Ждали, что приедет муж. Но пришло от него письмо, в котором он извещал, что у него разболелись глаза, и умолял жену поскорее вернуться домой.* (18) *Пройдет какой-нибудь месяц, и Анна Сергеевна, казалось ему, покроется в памяти туманом... Но прошло больше месяца, наступила глубокая зима, а в памяти все было ясно, точно расстался он с Анной Сергеевной только вчера...*

В данных примерах первичное употребление ОП ("приедет муж Анны Сергеевны", "Гуров забудет об Анне Сергеевне") осуществляется посредством заполнения первых валентностей (противочленов) союза *но*. Функция же скрытой негативной ОИ соответствующих ОП реализуется через вторую валентность союза. В (17) подразумевается, что боль в глазах у мужа мотивировала его решение отказаться от приезда. При этом в (17) реализуется тот подвид значения *но*, который обычно принято квалифицировать как "но противодействия" — ср. [15, с. 437]. А в (18) тот факт, что Гуров не забыл Анну Сергеевну, констатируется тем, что вместо ожидаемого положения дел продолжает иметь место противоположная альтернатива — сохраняется прежнее состояние памяти. В данном случае мы сталкиваемся с другим подвидом значения союза — "но неформального следствия" [15, с. 436].

В других, более сложных случаях, представление об ОП не может быть сформировано благодаря восприятию только первого противочлена союза *но*, а требует анализа всей "но-конструкции", синкретично выражающей ОП, негативная ОИ которой с произвольной степенью имплицитности содержится во втором противочлене. Ср. приводимые в работе [15, с. 436] примеры типа (19) *Стояла зима, но я гулял в пиджаке,* (20) *Кругом весна, но за город нельзя,* где "сообщение в предшествующей части выступает как стимул потенциальной ситуации, противоположной той, о которой информирует последующая часть" [16]. Так, из того, что стояла зима, в частности, вытекает, что гулять следует в теплой верхней одежде. В то же время пропозиция, заполняющая вторую валентность *но*, конкретизирует противоположную альтернативу: "Я гулял в пиджаке", откуда

восстанавливается негативная ОИ: "Я гулял не в теплой верхней одежде, а в пиджаке". В (20) имеется в виду, что наступившая весна пробуждает желание поехать за город. В то же время второй противочлен *но* констатирует отсутствие возможности для реализации этого желания: "То, что можно поехать за город, неверно".

Возможны и такие ситуации, связанные с выражением частного значения "но противоположной оценки" [15, с. 434], когда "но-конструкция" полностью включает в себя значение противопоставительного отрицания, причем первый противочлен эксплицитно выражает негативную ОИ, а второй конкретизирует противоположную альтернативу: (21) *Я не обедал, но перекусил в буфете* (более детальный анализ подобных конструкций см. в работе [17]).

3. У предложного предикатива *Вместо* (P, Q) первая валентность P соответствует пропозиции, опровержение которой, собственно, и образует ассертивную часть толкования данного предикатива. Действительно, в первом приближении *Вместо* (P, Q) \approx «Ожидать P . Имеет место не P , а такой вид "не P ", который конкретизируется Q ". Ср. (22) *Вместо того, чтобы делать уроки, Петя пошел гулять*. Часто высказывания с предикативом *вместо* становятся синонимичными предложениями с предикативом *заменять* (x, P, Q): (23) *Ярем он барщины старинной оброком легким заменил* \approx "Вместо барщины он ввел оброк". В подобных случаях высказывание с *вместо* содержит присутствующее в *заменять* значение компенсации — с точки зрения субъекта X, Q в определенном отношении считается функционально равноценным P (хотя объективно это может оказаться и не так).

4. В функциональном плане отдельную общую группу образуют предложные предикативы *несмотря на* (P, Q), *вопреки* (P, Q) и союзный предикатив *хотя 1* (P, Q), ассертивная часть значения которых также может быть описана посредством негативной ОИ. При этом допустимо абстрагироваться от уточнения природы факторов P и Q — соотносятся ли они с природными, стихийными силами (состояниями) или же связаны с чьими-то целенаправленными физическими и (или) интеллектуальными усилиями. В первом приближении значение данных предикативов может быть представлено следующим образом:

(25) *Несмотря на* (P, Q) (*вопреки* (P, Q), *хотя 1* (P, Q)) \approx «Имеет место P . Ввиду P естественно было ожидать, что будет "не Q ". В то же время имеет место не "не Q ", а Q ». Имеется в виду, что при употреблении данных предикативов актуализуется имплицитивный стереотип вида: «Всякий раз, если P , то высоковероятно, что будет иметь место "не Q "», отражающий общепринятое представление о нормальном развитии некоторой ситуации [15].

В общем случае фактор P должен рассматриваться как осязаемое препятствие к реализации Q . Но если *несмотря на* (P, Q), *хотя 1* (P, Q) безразличны к виду этой противодействующей силы, то *вопреки* (P, Q) предполагает только целенаправленный характер такого противодействия: (26) *Хоть погода и плохая (несмотря на плохую погоду), поезд не остановится*. Но: (27)? *Вопреки плохой погоде поезд не остановится*.

Для *несмотря на* (P, Q), *хотя 1* (P, Q) требование о весомости, значительности фактора P в качестве препятствия к Q является жестким. Поэтому данная валентность с трудом заполняется наименованиями (пусть и обоснованными) ментальных состояний, которые не способны оказать сопротивление Q : (28)? *Несмотря на ожидания (надежды, желания...) поезд не остановится*; (29)? *Хотя он и хотел (надеялся), поезд не остановился*. В то же время *вопреки* (P, Q) допускает подобную подстановку: (30) *Вопреки ожиданиям (надеждам...) поезд*

¹ В отличие от чисто оценочного уступительного значения союза, *хотя 2* (P, Q), в котором компонент P , вызывая ощущение, контрастное к тому, которое производит фактор Q , тем не менее не способен поколебать общую аксиологическую оценку, вызванную восприятием Q — ср. (24) *Он подавался слегка вперед с полуулыбкой, хотя в этом легком повороте головы было что-то от галантных портретов 18-го столетия*.

не остановился. Тем самым в позиции валентности Р дублируется сема "ожидание", фигурирующая в толковании вопреки (Р, Q), а конкретизация фактора Р, который собственно и вызвал это ожидание, остается в тени.

5. Представляет также интерес рассмотрение свойств отрицания в контексте условного предложения и прочих конструкциях, выражающих имплицативную зависимость между посылкой и следствием. Обычно условная конструкция вида *если Р, то Q* "опирается" на презумпцию существования ряда необходимых факторов, образующих некоторое множество $\{a'\}$ — совокупность естественных предпосылок, с которыми должна "суммироваться" ситуация, оговариваемая в имплицативной посылке. Часто имеется в виду, что при нормальном положении дел "сохранность" множества факторов $\{a'\}$, считается высоковероятной и потому особо не оговаривается во избежание нарушения постулата информативности. (Крайним выражением нарушения данного постулата являются случаи, когда в посылке оговаривается ситуация, которая необходимым образом должна иметь место и поэтому неинформативна в качестве условия: (31) *Если завтра взойдет солнце...* — ср. [5].) При этом подразумевается, что Р — это последний, единственный фактор, недостающий до множества факторов $\{a'\}$, которые в сумме образуют множество предпосылок $\{a\}$, достаточное для того, чтобы имело место Q. Так, в высказывании (32) *Если завтра будет хорошая погода, я поеду кататься на лыжах* имеется в виду, что в состав множества факторов $\{a'\}$, с которым "суммируется" условие "хорошей погоды на завтра", входит сохранение текущего состояния здоровья субъекта, обладание лыжами (или наличие к ним доступа) и т.д.

В то же время, если в имплицативном следствии речь идет о ситуациях, запланированность, ожидание которых входит в состав презумпции соответствующего высказывания, мы сталкиваемся с ситуациями другого типа. Рассмотрим примеры (33-35):

(33) *Если у меня заболит горло, я не поеду завтра кататься на лыжах;*

(34) *Если будет туман, самолет не вылетит вовремя;*

(35) *Если будет туман, самолет вылетит вовремя.*

В (33) и (34) запланированность катания на лыжах, своевременного вылета самолета очевидна хотя бы из того, что эти пропозиции находятся в сфере действия частицы *не*, будучи подвергнуты негативной ОИ: "то, что я поеду завтра кататься на лыжах, неверно", "то, что самолет вылетит вовремя, неверно". В (35) на запланированность вылета самолета указывает наречие *вовремя*, в значение которого, несомненно, входит сема запланированности целенаправленного действия, которое выражает предикат, определяемый наречием. При этом следствие образует положительную истинностную оценку: "то, что самолет вылетит вовремя, верно". В подобных случаях в имплицативной посылке оговаривается возможность нарушения некоторого фактора из множества предпосылок $\{a\}$, который в сумме с остальными факторами собственно и делал возможным планирование действий, обсуждаемых в следствии. Тем самым отсутствие данного фактора ставит под угрозу осуществление запланированной акции. Для (33) в качестве такого предпосылочного фактора выступает здоровое горло, для (34) — отсутствие тумана, а для (35) — наличие тумана. При этом акцентуация, "высвечивание" соответствующего фактора из множества предпосылок $\{a\}$ не нарушает постулата информативности. Ведь слушающему не обязательно могли быть известны все факторы, необходимые для осуществления соответствующих акций.

В то же время при маркированной интонации, когда основное фразовое ударение падает на главное предложение (имплицативное следствие), (35) становится синонимичным: (36) *Если (и) будет туман, самолет все равно вылетит вовремя*, которое можно рассматривать как результат применения операции отрицания к (34), т.е. (36) \approx "То, что если будет туман, то самолет не вылетит вовремя,

неверно". Тем самым выявляется и значение адвербиального предикатива *Все равно Q*, ассертивный компонент которого в (36) может квалифицироваться как отрицание импликации: "То, что если P, то Q, неверно".

Важная особенность синтактики оборота *все равно Q* состоит в том, что, в отличие от предикативов, рассмотренных выше, его семантическая валентность P формально нереализуема: будучи семантически сильной, она оказывается синтаксически нулевой [18]. В примере (36) P соответствует условию импликативной конструкции, в составе следствия которой фигурирует предикатив *все равно Q*. В повествовательных предложениях употребление данного адвербиального предикатива предполагает либо осведомленность слушающего о ситуации, соотносящейся с валентностью P — ср. (37) *Поезд все равно не остановится*, либо использование других вспомогательных средств для ее экспликации: (38) *Из-за плохой погоды поезд все равно не остановится*.

Сопоставление примеров (37, 38) и (36) позволяет выявить определенную вариативность в значении данного предикатива. Вначале сравним (39) *Из-за плохой погоды поезд не остановится* и (38), что должно помочь нам вычленить значение *все равно* в (38). (39) \approx "Можно было полагать, что из-за плохой погоды поезд остановится. То, что из-за плохой погоды поезд остановится, неверно". Ясно, что значение (38) не тождественно (39) и может быть приближенно представлено как: (38) \approx "В соответствии с ходом событий поезд не должен останавливаться. В то же время в силу некоторой причины актуализовано представление о его остановке (то ли потому, что это кому-нибудь нужно, то ли, наоборот, в силу ее нежелательности). Далее возникает предположение, что поезд может остановиться из-за плохой погоды. Ассерция: То, что поезд остановится из-за плохой погоды, неверно". Сравним теперь (38) с (40), функционально аналогичным (36): (40) *Если (и) будет плохая погода, поезд все равно не остановится* \approx "Можно было полагать, что из-за плохой погоды поезд остановится. То, что если будет плохая погода, то поезд остановится, неверно". Отсюда видно, что, в отличие от (38), в (40) мысль о возможности остановки поезда появляется не сама по себе, а только в связи с мыслью о плохой погоде.

Нетрудно заметить, что в отличие от условных предложений типа (40) повествовательные предложения типа (38) неоднозначны из-за неопределенности модальности обстоятельства причины. Так, (38) может быть произнесено и тогда, когда имеет место плохая погода, и при обсуждении перспективы ее ухудшения. Таким образом, значение адвербиального предикатива *все равно Q* является инвариантным относительно типов предложений, в которых он фигурирует, а также вида модальности фактора P. Поэтому его толкование должно предусматривать возможность тех или иных модификаций в зависимости от конкретизации этих параметров. В самом общем виде данное толкование может быть сформулировано следующим образом: (41) *Все равно Q* \approx «Ход событий таков, что ожидается Q. В то же время актуализовано представление о "не Q". Далее возникает предположение: можно ожидать, что реализация фактора P (его совмещение с текущим ходом событий) каузирует "не Q". Ассерция: То, что P каузирует "не Q", неверно».

Пример (38), будучи неоднозначным, должен допускать несинонимичные перифразировки. Нереальный модальный статус причинного обстоятельства в (38) может быть эксплицирован посредством условной конструкции *Если будет плохая погода...* Однако следует иметь в виду, что в этом случае в интерпретации (38) сохраняется презумптивная часть с указанием на первоначальную актуализацию представления о "не Q", предшествующую предположению о том, что реализация фактора P каузирует "не Q". В то же время в значении *все равно Q* в "чистых" условных предложениях типа (36, 40) данное указание, как мы видели, отсутствует. При этом ассертивная часть (38), как и в (40), представляет собой отрицание импликации: "То, что если будет плохая погода, то поезд остановится, неверно".

Перифразировка (38) вида (42) *Из-за того, что погода плохая поезд не остановится*, констатирующая фактивную модальность фактора Р в (38), подразумевает, что при сохранении тех же презумптивных предпосылок ассертивная часть семантического представления (42) модифицируется следующим образом: «Предположение о том, что совмещение с текущим ходом событий наличествующего фактора Р (плохой погоды) в некоторый момент Т1, более поздний относительно времени речевого акта, должно привести к "не Q" (остановке поезда), неверно». В примере же (43) *Поезд все равно не остановился* имеется в виду, что фактивная ситуация Р уже известна слушающему из предтекста. При этом сообщается, что совмещение Р с текущим ходом событий в момент Т1, предшествующий речевому акту, не привело к "не Q" (остановке поезда), как это можно было предполагать, т.е. Q сохраняется (поезд продолжает движение). На основании этого говорящий заключает, что соответствующее предположение оказалось неверным. Таким образом, если в примерах (37, 38, 40, 42) опровержение данного предположения базируется на неизвестных слушающему знаниях или дедукции говорящего, то в последнем случае оно основывается на констатации конкретного факта.

Сформулируем теперь установленные различия в значениях служебных предикативов *несмотря на (Р, Q), вопреки (Р, Q), хотя (Р, Q)*, с одной стороны и адвербиального предикатива *все равно Q* — с другой:

1) в первой группе слов фактору Р соответствует фактивная модальность, а в значении *все равно Q* эта модальность оказывается произвольной;

2) в первой группе предположение "если Р, то Q" может быть актуализовано в режиме семантической презумпции в составе ассертивной части толкования, а у *все равно Q* оно входит в состав предтекстовой прагматической презумпции;

3) в первой группе данное предположение является нормативным, отражающим стереотип типичного развития ситуации, а для *все равно Q* оно может носить и частный характер.

3.3. Отрицание и семантика неожиданности

Заслуживает также внимания изучение различных типов опровергаемых пропозиций (ОП), подвергающихся негативной ОИ в контексте предикативов неожиданности типа наречий *неожиданно (внезапно, вдруг) Р*. В настоящем разделе мы сознательно абстрагируемся от достаточно тонких семантических различий между данными наречиями (ср., например [19]) и сосредоточимся на том, что их объединяет.

1. В самом первом приближении значение этих предикативов может быть описано следующими двумя пунктами:

1) сообщение слушающему о ситуации, которая выражена предикатом, подчиняющим наречие (здесь речь идет, естественно, о синтаксическом подчинении, так как на семантическом уровне подчиняющим предикатом более высокого порядка является, безусловно, само наречие). Так, в примере (44) *Неожиданно уехал Иванов* сообщается об отъезде Иванова;

2) кроме того, сообщается, что ранее эта информация была воспринята и некоторыми другими лицами (в число которых при определенных условиях может входить и говорящий), что в свою очередь вызвало у них по крайней мере удивление.

Разумеется, применительно к конкретной ситуации, в которой (в зависимости от того, насколько она затрагивает текущие интересы субъектов восприятия) должно учитываться и конкретное семантическое "наполнение" подчиняющего предиката (ПП), часто речь идет не просто об удивлении, но об удивлении, сопровождающемся любыми проявлениями эмоционального спектра (радость, нейтральное отношение, потрясение, горе, злоба, гнев и т.д.). Но в рамках

собственно значений рассматриваемых наречий правомерно говорить только об удивлении.

Важно подчеркнуть, что чисто ассертивным статусом обладает только второй компонент значения. Действительно, информация, содержащаяся в первом компоненте, не при любых условиях может быть новой для слушающего. Так, один из вариантов коммуникативной парадигмы [21] синтаксической модели *V + Adv* (при постпозитивном употреблении наречия) обычно предполагает, что ситуация, описываемая ПП, представляет собой прагматическую презумпцию высказывания, т.е. так или иначе уже известна слушающему. Например, во фразе (45) *Иванов уехал неожиданно* факт отъезда Иванова (или хотя бы сама идея отъезда) предполагается уже известным, а сообщается о том, что он вызвал по крайней мере удивление ряда лиц.

Дадим попутно краткую характеристику типов актуального членения других вариантов коммуникативной парадигмы данной конструкции — ср. (44), а также (46) *Иванов неожиданно уехал* и (47) *Неожиданно Иванов уехал*. В случаях препозиции наречия и постпозитивного употребления субъектного актанта относительно ПП [см. (44)] имеется в виду, что о соответствующем лице (Иванове) до сих пор речь не шла. В качестве исходной темы сообщения выступает имплицитный "место-временной" локализатор, к которому привязано сообщаемое событие (отъезд Иванова), образующее рему первой смысловой порции. Тем самым (44) может рассматриваться как аналог ответа на вопрос типа "Что нового?". Если субъектный актант ПП выносится в препозицию высказывания [см. (46)], то он становится темой первой смысловой порции: "То, что можно сказать об Иванове в обсуждаемом временном интервале, есть — уехал, что и стало причиной удивления". Если же актант располагается в постпозиции к наречию и в препозиции к ПП, как в (47), то имеется в виду, что данное лицо (Иванов), будучи темой высказывания, одновременно является и общим смысловым стержнем всего текстового фрагмента, начальной частью которого является (47).

В дальнейшем нас будет интересовать ряд аспектов второго, ассертивного, компонента значения наречий "неожиданности". Ведь когда человек чему-либо удивляется, то при этом подразумевается, что восприятие соответствующей информации обязательно сопровождается у него негативной ОИ некоторой ОП, в том или ином модальном статусе уже присутствовавшей в его сознании. В то же время обратное неверно: не всякая негативная ОИ влечет за собой удивление.

Обращаясь вновь к уже упомянутому в разд. I тезису Ю.С. Мартемьянова [6], можно сказать, что удивление и прочие эмоциональные реакции на получение информации повсеместно соответствуют второму этапу восприятия — этапу осмысления правильно понятого сообщения, когда человек задается вопросом типа "Как это (прикажете) понимать?". Важно подчеркнуть, что в рассматриваемых языковых единицах указание на подобные реакции являются важным компонентом значения слова, т.е. связано с первым этапом восприятия, соотносящимся с ответом на вопрос "Что это значит?". Такое "пересечение функций" возможно именно потому, что значения подобных языковых средств описывает реакцию на сообщение не того слушающего, которому реально адресовано данное высказывание, а других лиц. Ведь реакция реального слушающего не может быть известна заранее.

2. Следует отдельно остановиться на вопросе о степени эксплицитности выражения субъекта удивления, который тем самым является и субъектом негативной истинностной оценки. Детальность конкретизации соответствующего лица (лиц) может существенно варьироваться, поскольку данная валентность у наречия *неожиданно* является факультативной, ее заполнение при наречии *внезапно* стилистически приемлемо лишь в ряде ограниченных контекстов, а у наречия *вдруг* она вообще нереализуема, т.е. является синтаксически нулевой, оставаясь при этом семантически сильной [18]: (48) **Вдруг для Ивана приехала*

Наташа. Нереализация данной валентности выполняет функцию анафорической отсылки к более широкому предтексту, где однозначно задано соответствующее лицо или множество лиц. Уточнение "списка" удивившихся может зависеть и от варьирования порядка слов — ср. (49) *Неожиданно стало известно, что Иванов женился* и (50) *Стало известно, что Иванов неожиданно женился*. В (49) имеется в виду, что женитьба Иванова удивила ряд лиц, в число которых при определенных условиях может входить и говорящий. А в (50) речь идет о том, что после того, как женитьбе Иванова удивилось одно множество лиц, об этом факте узнало другое множество, причем говорящий может входить только во второе. Дополнительные аспекты, характеризующие субъекта удивления, могут зависеть и от конкретного семантического "наполнения" ПП. Примерами служат глаголы убытия и прибытия, в которых соответственно не заполнены валентности начальной и конечной точки [18]: — ср. (44) *Неожиданно уехал Иванов* и (51) *Неожиданно приехал Иванов*. В (44) имеется в виду, что удивившиеся локализованы в месте отъезда Иванова, тогда как в (51) они находятся в месте его прибытия.

3. Как уже отмечалось, высказывания, повествующие о неожиданности ситуации Р, на глубинном уровне всегда содержат предикат информирования некоторых лиц о Р. Тем самым (52) *Неожиданно Р ~ "Неожиданно стало известно (некто узнал...) о Р"*. При этом причина удивления говорящего и (или) субъекта восприятия обычно связана с самой ситуацией Р, а не с фактом получения информации о ней. Исключениями являются случаи тавтологии, когда позицию Р замещает предикат информирования кого-либо о том, что уже известно говорящему и слушающему, — ср. (53) *Неожиданно это стало известно ~ "Неожиданно стало известно, что это стало известно"*. Если в примерах типа (52) говорящий может разделять с другими лицами удивление по поводу Р, то в (53) удивление говорящего вызвано самим фактом оповещения (ведь Р для него уже не новость). Содержащееся в (53) указание на удивление других лиц по поводу Р объясняется здесь не значением предикатива неожиданности, а вытекает из (53) чисто логически: поскольку факт оповещения расценивается говорящим как утечка информации, то, следовательно, сама эта информация носит сенсационный характер.

Если во фразе отсутствуют какие-либо средства, эксплицирующие факт осведомления о Р субъекта или говорящего, то, естественно, никак не конкретизируется и способ получения этих сведений. В то же время наличие подобных средств в предложении в той или иной мере отражает и способ восприятия. Например, обороты *стало известно, что, как выяснилось, сообщили* и т.д. указывают на осведомление путем вербальной переработки информации. Так, в (54) *Неожиданно стало известно об отъезде Иванова* предполагается только вербальное оповещение о данном событии и исключается возможность того, что субъект мог, допустим, быть непосредственным очевидцем отъезда Иванова, тогда как в (44) на способ осведомления такое ограничение не накладывается. В других случаях источником представления о Р может служить собственная дедукция или же чувственное восприятие субъекта — ср. (55) *Неожиданно он понял (осознал, почувствовал, ощутил...), что Р*. Важно подчеркнуть, что некоторые ситуации допускают лишь определенный способ узнавания о себе. Например, в (56) *Она (неожиданно) улыбнулась*, (57) *Он (неожиданно) расхохотался*, где, в частности, отражено совмещение времени ситуации со временем узнавания о ней, допускается только визуальный или визуально-акустический способ восприятия — ср. (58) **Неожиданно стало известно, что она улыбнулась*; (59) **Неожиданно оказалось, что он расхохотался*. Вербальный способ осведомления о подобных событиях приемлем только при эксплицитном указании на раздельность временных интервалов существования ситуации и оповещения о ней: (60) *Неожиданно оказалось (стало известно), что она тогда улыбнулась*.

4. Для семантического анализа разнообразных употреблений наречий неожиданности оказывается существенным учитывать семантический тип предиката Р [20] — является ли Р, например, утвердительной формой событийного предиката или процесса (состояния), событийным предикатом в отрицательной форме (или содержащим скрытое отрицание), либо так называемом альтернативно-оценочным предикатом (см ниже). Важность дифференциации этих контекстов обусловлена варьированием модальностей и типов ОП.

В отличие от типов отрицания, рассмотренных в разделах 3.1 — 3.2, которые в самых общих чертах можно квалифицировать как констатацию неосуществления того, что так или иначе ожидалось, в ряде употреблений наречий неожиданности мы, на первый взгляд, сталкиваемся с противоположным явлением — реализацией того, что не ожидалось. Специфичность этого "подвида" неожиданности состоит в том, что в подобных ситуациях речь идет о так называемом "неактуализованном" ожидании — когда мнение о высокой вероятности некоторой ситуации находится не в текущем поле зрения субъекта восприятия, а в "долговременной памяти" и актуализуется только в момент узнавания о том, что имеет место противоположная альтернатива. Данный подвид неожиданности в свою очередь допускает по крайней мере две интерпретации в зависимости от семантического типа Р:

а) Р — событийный предикат в утвердительной форме. В подобных случаях семантика Р может быть представлена как каузация, описывающая смену двух противоположных состояний ($A \Rightarrow$ "не А"). При этом имеется в виду, что в состав огромного количества сведений, находящихся в долговременной памяти субъекта, входит и истинное мнение о том, что имеет место А, и высоковероятно, что А будет достаточно долго продолжаться и далее. Возможность осуществления "не А" не рассматривалась субъектом именно потому, что у него не было никаких оснований сомневаться в стабильности А. Так в (44) предполагается, что у субъекта восприятия было истинное мнение, что Иванов находится в том же месте, в котором локализован субъект, и высоковероятно, что Иванов будет находиться в нем и далее. Важно подчеркнуть, что это мнение не актуализовано, т.е. непосредственно перед узнаванием об отъезде Иванова субъект мог думать о чем угодно другому. В результате получения информации о соответствующем событии данное мнение актуализуется и становится объектом негативной ОИ. "То, что Иванов продолжает здесь находиться, неверно", что и вызывает удивление. Аналогично в рассмотренном выше "тавтологичном" примере (53), где позицию Р занимает предикат информирования, причиной удивления говорящего является негативная ОИ вида: «То, что "это" продолжает оставаться для других неизвестным, неверно».

б) Р — состояние (процесс, постоянное свойство). На первый взгляд, такие случаи представляются невозможными — ср. (61) **Неожиданно Иванов женат (болен...)*. Однако практически та же информация может быть передана фразами с экспликацией факта уведомления о соответствующем состоянии — (62) *Неожиданно оказалось (стало известно...), что Иванов женат (болен...)*. Семантический анализ подобных высказываний выявляет, что удивление получателя информации связано с негативной ОИ, объектом которой становится его ранее неактуализованная уверенность в существовании ситуации, в действительности не имеющей места. Для примера (62) такая негативная ОИ может быть представлена как: "То, что Иванов холост (здоров...), неверно". При этом, в отличие от ситуаций, рассмотренных в пункте (а), здесь имеется в виду, что в течение всего обсуждаемого временного отрезка реальное состояние данного лица (Иванова) было противоположным мнению субъекта об этом состоянии.

Подчеркнем, что уведомление о Р мыслится как "точечное" событие. Если Р относится к разряду событий, то происходит согласование компонентов "осведомление" и "ситуация Р" по признаку "событийность", что и делает

возможной факультативность поверхностного выражения компонента "осведомление". Ср. в связи с этим одинаковую допустимость (хотя и нетождественность!) (44) и (54)). Если же воспринимаемая ситуация относится к разряду состояний (процессов, свойств), то происходит рассогласование смысловых компонентов "осведомление" (событие) и "ситуация Р" (состояние), что и делает обязательным, во избежание аномальности, "вынос на поверхность" того или иного варианта компонента "осведомление", — ср. (62).

В пунктах (в) и (г) рассматривается употребление предикативов неожиданности, предусматривающее актуальное ожидание некоторой ситуации.

в) Если Р является событийным предикатом в отрицательной форме (или содержит скрытое отрицание), то объектом негативной ОИ является актуализованное высоковероятное ожидание соответствующего события: (63) *Иванов неожиданно не приехал* ("то, что Иванов приехал, неверно"); (64) *Иванов неожиданно остался* ("то, что Иванов уехал, неверно").

г) Под альтернативно-оценочным предикатом (АОП) мы подразумеваем предикат, дающий истинностную оценку реализации одного из двух исходов, ожидание которых вызвано событием, презумптивным относительно значения АОП. Например, для АОП *согласиться, отказаться* такой презумпцией будет *предлагать*: факт предложения имплицитно актуализованное ожидание не просто одного, а одного из двух альтернативных, одинаково актуализованных исходов — согласия или отказа. При этом в контексте наречий неожиданности дается негативная ОИ реализации того из двух исходов, который считался более вероятным: (65) *Иванов неожиданно согласился* ("то, что Иванов отказался, неверно").

4. О "ВРЕМЕНИ" АКТУАЛИЗАЦИИ ОПОТВЕРЖАЕМОЙ ПРОПОЗИЦИИ

1. Еще одним важным аспектом в исследовании отрицания как негативной ОИ представляется так называемое "время" или "место" возникновения у слушающего представления об ОП. Естественно различать два случая: 1) представление об ОП актуализуется (т.е. формируется в текущем поле зрения слушающего) в процессе восприятия высказывания, содержащего отрицание; 2) представление об ОП актуализовано у слушающего непосредственно перед восприятием такого высказывания.

В первом случае негативная ОИ не может быть первой ремой предложения, которое с произвольной степенью эксплицитности неизбежно содержит так называемую "коммуникативную подводку" к ОИ. Для осуществления такой "подводки" (т.е. введения представления об ОП) могут использоваться модальные рамки разных типов: "Знай, что...", "Как ты знаешь (помнишь)...", "Как ты понимаешь, естественно полагать, что..." и т.д. Так, при любой версии трактовки рассмотренного в разд. 2 неоднозначного примера (4) *Я приехал не во вторник, как собирался, а в среду утром* представление об ОП актуализуется именно в процессе восприятия данного предложения, а не ранее. В примере из раздела 3.1 (10) *В два часа ночи Коля не спал* апелляция к нормативному стереотипу осуществляется имплицитно внутри предложения посредством модальной рамки третьего вида: (10) ≈ "Было два часа ночи. Как ты понимаешь, было естественно полагать, что Коля в это время спал. Знай, что это неверно". То же "время" формирования представления об ОП тем более характеризует примеры типа (11—15), где указание на соответствующий нормативный стереотип (т.е. источник представления об ОП) дается в самом высказывании. Во втором случае негативная ОИ становится либо единственной, либо первой ремой предложения, а коммуникативная подводка к ней уже осуществлена в непосредственном предтексте. Тем самым ОП в той или иной модальности уже актуализовано в сознании слушающего. Оно служит как бы точкой отсчета, с которой высказывание продвигается вперед посредством опровержения соответствующего мнения —

уверенности, предположения, ожидания и т.д. Очевидно, что такие негативные ОП предполагают большую степень эксплицитности выражения ОП в предтексте либо ее предопределенность консигуацией, как в примере (9) *Пива нет* — объявление адресовано тем, кто пришел к ларьку выпить пива.

В рамках анализируемого противопоставления полезно обратить внимание на следующее обстоятельство: если информация, на базе которой формируется представление об ОП, известна слушающему до восприятия текущего высказывания, то из этого не следует, что оно актуализовано непосредственно перед его рассмотрением. Тем самым целесообразно различать два вида оперирования с прагматической презумпцией. С одной стороны, прагматической презумпцией может быть либо информация давно известная, но актуализованная (вызванная из "долговременной памяти" в поле зрения слушающего) непосредственно перед рассмотрением данного высказывания либо впервые ставшая известной перед его восприятием. С другой стороны, прагматической презумпции может соответствовать и старая информация, актуализуемая уже в ходе анализа фразы. Первая стратегия соответствует случаю, когда представление об ОП предшествует рассмотрению предложения с отрицанием, а вторая — актуализации представления об ОП в процессе его восприятия.

2. Представляет интерес сопоставление варьирования "времени" появления идеи об ОП при употреблении служебных слов и прочих предикативов, рассмотренных в разд. 3.

В разд. 3.2 в примерах эксплицитного и скрытого отрицания, выражаемого посредством союзов *а* (16), *но* (17—18) в пределах сверхфразового единства, возникновение представления об ОП должно быть признано текущим, а не предтекстовым. Хотя соответствующая пропозиция формально фигурирует в начальной фразе, ее употребление в действительности служит первичной реализацией первого противочлена союза, вводящего вторую фразу. Как известно, валентности многих строевых единиц языка могут одинаково легко заполняться как в составе одного предложения [в данном случае согласно модели *P, а (но) Q*], так и фрагментами, оформленными в разные фразы [по модели *P. А (Но) Q*]. При другом, стилистически, безусловно, менее удачном построении отрывков (17) и (18), каждый из них можно представить в виде одного предложения.

В примерах типа (19) *На дворе зима, но я гулял в пиджаке*, (20) *Уже весна, но за город нельзя* тем более имеет место текущая реализация ОП, поскольку, как было показано, идея об ОП имплицитно выводится из взаимодействия содержания обоих противочленов союза *но*.

Случай типа (21) *Я не обедал, но перекусил в буфете*, когда "но-конструкция" включает в себя значение противопоставительного отрицания, предполагают предтекстовое первичное употребление ОП (здесь — "я обедал"), которое, таким образом, происходит за пределами "но-конструкции". При изменении позиций тех же противочленов [ср. (66) *Я перекусил в буфете, но не обедал*] имеет место текущее первичное употребление данной ОП, имплицитно реализуемое в составе второго противочлена *но*. Таким образом, противопоставительные конструкции вида *Q, но не P*, в отличие от конструкций *Q, а не P*, обычно обладающих прагматической презумпцией предтекстового первичного употребления ОП *P* [ср. (6) *Я перекусил в буфете, а не обедал*], не имеют такой презумпции.

Как было показано на примере (22) *Вместо того, чтобы делать уроки, Петя пошел гулять*, каноническое употребление предложного предикатива *вместо P, Q* синкретично совмещает первичную текущую реализацию пропозиции *P* и ее же повторное употребление в сфере действия скрытого отрицания, входящего в ассерцию данного предикатива. А при анафорическом режиме употребления валентности *P* [ср. (67) *Вместо этого Петя пошел гулять*] указательное местоимение говорит о повторном упоминании идеи о *P*, которая затем

подвергается имплицитной негативной ОИ. Таким образом, в (67) имеет место не текущая, а предтекстовая актуализация ОП "Коля делает уроки".

Нормативное употребление предложных предикативов *несмотря на (P, Q)*, *вопреки (P, Q)*, *хотя (P, Q)* предусматривает, что представление об ОП вводится синхронно с фразой, содержащей соответствующий оборот. Вначале слушающий узнает о том, что имеет место P. А уже семантика оборота, актуализуя общепринятое представление о нормальном развитии ситуации P, указывает, что из P следует ожидание "не Q" (которое затем опровергается негативной ОИ, образующей ассертивную часть толкования данных предикативов). В то же время анафорический режим заполнения валентности P [(68) *Несмотря на это (вопреки этому) Q*] предполагает не только предварительную осведомленность слушающего в том, что имеет место P, но также и актуализованность его мнения, что P имплицитно ожидание "не Q".

В отличие от рассмотренных строевых средств, адвербиальный предикатив *все равно Q*, как мы видели, допускает только предтекстовую актуализацию нормативного предположения "если P, то "не Q".

Как было показано в разд. 3.3., высказывания со структурой *Неожиданно (вдруг, внезапно) P*, где P — событийный или процессный предикат в утвердительной форме, предусматривают, что до момента их восприятия представление об ОП ("не P") не было актуализовано не только для субъекта восприятия, но и для слушающего — адресата высказывания. Употребление в сфере действия предикативов неожиданности глаголов с явным или скрытым отрицанием, а также альтернативно-оценочных предикатов предполагает предварительную актуальную осведомленность об ОП как слушающего, так и субъекта восприятия — см. анализ примеров (63—65). Если же аналогичные по функции высказывания имеют структуру *P неожиданно* (т.е. P не входит в состав ремы предложения), то имеется в виду, что к моменту анализа фразы у слушающего уже актуализовано мнение о P. Ассертивному компоненту соответствует факт осведомления о P субъекта восприятия и его удивления по этому поводу — ср. (45).

3. Представляет интерес и анализ пар предложений типа рассмотренных в работе [3, с. 106—107], в которых противопоставление падежей (им./род) актанта при отрицательном предикате связывается со сменой денотативных статусов (ДС) этих актантов — ср. пары (69а—69б) и (70а—70б) в нижеследующих примерах:

(69а) <i>Документы не обнаружены.</i>	(69б) <i>Документов не обнаружено.</i>
(70а) <i>Куропатки в Калужской губернии не водятся.</i>	(70б) <i>В Калужской губернии не водятся куропаток.</i>
(71а) <i>Гостиница не построена.</i>	(71б) <i>Гостиницы не построено.</i>
(72а) <i>Вскрытие не производилось.</i>	(72б) <i>Вскрытия не производилось.</i>

Естественно полагать, что ДС актанта в отрицательном предложении должно определяться ДС этого актанта в том ОП, истинность которого оценивает данное предложение. Так, определенная референтность актанта *документы* в (69а) наследуется из определенной референтности этого актанта в ОП, подвергаемом негативной ОИ, а экзистенциальный статус *документов* в (69б) должен быть предопределен ДС этого актанта в другом ОП, не тождественном первому. В то же время следует подчеркнуть, что семантические различия между (69а) и (69б) связаны не только с противопоставлением ДС соответствующих объектов, но и с "временем" появления представления об ОП. А именно, в (69а) мысль об ОП актуализована непосредственно перед рассмотрением данного предложения, тогда как в (69б) она может возникать и в ходе его восприятия. Это же различие характеризует и пару (70а—70б), где оно маркируется сменой порядка слов, а также пары (71а—71б) и (72а—72б) (где противопоставление падежных окончаний не связано со сменой ДС). Не случайно в (71а и 72а) усматривается присутствие

значения запланированности (как частного случая ожидания), которое отсутствует в (71б и 72б).

Примеры (69а—72а) предполагают достаточно жесткую связь каждого предложения с предшествующим текстовым окружением, поскольку в качестве агента связности здесь выступает мысль об ОП, индуцированная в непосредственном предтексте. Так, (69а) обычно произносится в связи с актуализацией вопроса о том, были ли обнаружены исчезнувшие документы. Такое понимание обеспечивается, в частности, препозицией референтного актанта *документы* при отрицательной форме АОП *обнаружить*. Это свидетельствует о том, что поиск пропавших документов образует прагматическую презумпцию (69а), а само высказывание утверждает, что цель предпринятого действия не была достигнута: "То, что документы обнаружены, неверно". [Ср. симметричное высказывание без частицы *не*, являющееся положительной ОИ аналогичного ожидания: (73) *Документы обнаружены* ≈ "То, что документы обнаружены, верно". Заметим, что при другом порядке слов — (74) *Обнаружены документы* — где референтная определенность объекта сменяется референтной неопределенностью, а само высказывание уже не является ОИ, предикат теряет статус АОП и утрачивает прагматическую презумпцию целенаправленного поиска]. Подобно (69а), (70а) также предполагает актуальную уверенность слушающего, что в Калужской губернии водятся куропатки, а (71а и 72а) — его знание о том, что было запланировано строительство гостиницы (вскрытие).

Примеры же (69б—72б), напротив, допускают неоднозначную трактовку, поскольку представление об ОП может возникать у слушающего и в процессе их восприятия. В этом случае оно появляется не само по себе, а ввиду соответствия высказывания некоторой общей смысловой теме, которой подчинен объемлющий текстовый фрагмент. В подобных ситуациях мысль об ОП появляется в качестве одной из "вариаций" на ту тему, освещением которой занят говорящий. Например, для (69б) такой темой может быть рассказ о результатах обследования некоторой локальной территории (обска того или иного лица и т.д.), где, помимо всего прочего, могли быть и какие-нибудь документы, и констатируется, что среди обнаруженных предметов нет никаких документов. Заметим также, что при одинаковой незаполненности локативной валентности *обнаруживать* в (69а) и (69б) между ними есть еще одно существенное смысловое различие. В (69а) имеется в виду, что к моменту речевого акта поиски исчезнувших документов не дали результатов во всех тех местах, где они производились. В (69б) же констатируется отсутствие каких-либо документов в том локальном месте, которое стало объектом обсуждения.

Для примеров (70б—72б) в качестве контекстов, в которых возникают представления о соответствующих ОП, могут предположительно выступать следующие темы:

(70б) — обсуждение особенностей Калужской губернии, отличающих ее от других губерний, где, в частности, водятся куропатки;

(71б) — рассказ о некоторой локальной территории, представляющей, например, интерес с точки зрения развития туризма (отдыха, лечения и т.д.), где поэтому можно было ожидать развития местной материальной базы, в том числе и строительства гостиницы;

(72б) — рассказ о конкретных шагах, последовавших в связи с чьей-то смертью, обстоятельства которой могли дать основания полагать, что, наряду с другими типичными ("фреймовыми") шагами соответствующего ритуала, производилось и вскрытие...

4. От всех рассмотренных выше примеров, различающихся временем появления представления об ОП, кардинально отличаются высказывания другого типа, в которых некоторое мнение опровергнуто еще до текущего момента речевого акта. Ср. в этой связи возможные (т.е. не единственные!) трактовки примеров (73—75):

(73) *Они не спят из-за шума* ≈ "Причиной, из-за которой они не спят, является шум";

(74) *Поезд не остановится из-за плохой погоды* ≈ "Причиной того, что поезд не остановится, является плохая погода";

(75) *Арсений не поедет на север, чтобы встретиться с отцом* ≈ "Причиной того, что Арсений не поедет на север, является его намерение встретиться с отцом".

Приведенные трактовки (73) — (75) соответствуют так называемой "узкой" сфере действия частицы *не* [2], не распространяющейся на причинное и целевое обстоятельства. Рассмотренные интерпретации предусматривают предвзвешенную осведомленность слушающего о том, что люди, о которых идет речь в (73), не выслаплются, что в определенном месте поезд не остановится (74), что Арсений не поедет на север (75). Ср. также: (76) *Билета нет у Васи* ≈ "Тот, у кого нет билета, — Вася". Как справедливо отмечает Н.Д. Арутюнова, подобные предложения "нельзя считать отрицательными, поскольку отрицание входит в них в тематическую часть сообщения" [21].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974.
2. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М., 1985.
3. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
4. Шатуновский И.Б. "Правда", "истина", "искренность", "правильность" и "ложь" как показатели соответствия/несоответствия содержания предложения мысли и действительности // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
5. Падучева Е.В. О референции языковых выражений с непредметным значением // ЦТИ. Сер. 2. 1986. № 1.
6. Мартемьянов Ю.С. Заметки о строении ситуации и форме ее описания // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8, М., 1964. С. 125—126.
7. Дмитриевская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: Знание и мнение. М., 1988.
8. Арутюнова Н.Д. Феномен второй реплики или о пользе спора // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
9. Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957.
10. Торопова Н.А. Семантика и функции логических частиц (на материале немецкого языка). Саратов. 1980.
11. Труб В.М. О некоторых коммуникативных аспектах интерпретации отрицания // Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности: Тез. докл. и сообщ. шк.-семинара, г. Кутаиси, 22—23 апр. 1985.
12. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой "картины мира") // ВЯ. 1987. № 3.
13. Зализняк Анна А., Падучева Е.В. Подъем отрицания: синтаксис, семантика или прагматика? // НТИ. Сер. 2. 1987. № 8.
14. Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В. Значение и синтаксические свойства союза *а* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 9.
15. Санников В.З. Значение и синтаксические свойства союза *но*: нарушение "нормального" положения вещей // ИАН СЛЯ. 1986. № 5.
16. Русская грамматика. Т. 2. М., 1980. С. 624.
17. Труб В.М. К проблеме функционального сходства нейтрального и контрастивного отрицания // Логический анализ языка: Тождество и подобие, сравнение и идентификация. М., 1990.
18. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
19. Баранов А.Н. "Выделительное" и "событийное" значение частицы "да": материалы к изучению семантики и прагматики диалога // Тр. по искусственному интеллекту: Модели диалога. Тарту, 1987 (Уч. зап. ТГУ. Вып. № 751).
20. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
21. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983. С. 67.

© 1994 г. ПОЛИКАРПОВ А.А., КУРЛОВ В.Я.

**СТИЛИСТИКА, СЕМАНТИКА, ГРАММАТИКА:
ОПЫТ АНАЛИЗА СИСТЕМНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ**

(По данным толкового словаря)

1. Представление о лексике как о многообразном и многоаспектном и в то же время целостном, системном объекте объясняет возможность построения различных, но взаимосвязанных ее классификаций. В качестве классов лексических единиц, выделяемых на разных основаниях и потому отличающихся, но частично пересекающихся по своему составу, могут рассматриваться самые разнообразные группировки лексических единиц: лексико-грамматические, лексико-семантические, объемно-семантические, лексико-стилистические и т.п. (см., например [1—8]). Степень пересечения состава этих классов может свидетельствовать о степени системной корреляции тех признаков, которые были положены в основу разбиения на классы. В задачи системного лексикологического исследования и входит обоснование системной значимости выбранных для исследования признаков, параметров, категорий лексики, формирующих те или иные группировки, объяснение их онтологической сущности, а на этой основе — прогнозирование, а затем экспериментальная проверка прогнозируемых парных и множественных корреляций, являющихся выражением причинных зависимостей между ними. И наконец, интеграция знаний о подтвержденных связях в пределах общелексикологической и, в конечном счете, общелингвистической теории.

2. Задачей настоящей работы является рассмотрение связи стилистических характеристик слов с некоторыми их семантическими (квантитативно-полисемическими) и грамматическими (частеречными) характеристиками. Исследование ведется на материале 1-го издания "Словаря русского языка" в 4-х томах (чаще называемого Малый академический словарь — сокращенно МАС) [9]. Привлечение к исследованию материала такого представительного лексического источника, как МАС, позволяет поставить на серьезную основу изучение проблем системной организации лексики.

В настоящее время нами ведется работа по анализу 2-го издания этого словаря [10]. Изложение результатов этого анализа и их сопоставление по некоторым параметрам с результатами анализа 1-го издания — предмет отдельной публикации.

Указанными характеристиками, разумеется, не исчерпывается набор системно значимых семантических и грамматических параметров лексики. Однако рассмотрение в данной работе даже только этих характеристик совместно со стилистическими позволяет прикоснуться к важному узлу системных отношений в языке — узлу взаимоотношений внешнефункционального и внутрисистемного аспектов в организации лексики и ее динамике.

Внешнефункциональный аспект представлен стилистическими характеристиками, которые особым образом отображают функциональный диапазон лексических единиц, их универсальность или прикрепленность к определенным условиям общения, а также экспрессивный потенциал их употребления.

Внутрисистемный аспект представлен частеречными и квантитативно-полисемическими характеристиками слов. Частеречная характеристика — это наиболее общая, категориальная характеристика семантики слова. Каждая категориальная группировка слов определенным образом ориентирована на центр-периферийные отношения в системе языка. Количество значений также характеризует статус слова в

языке, степень его освоенности в системе языка, приближенности к ее ядру. Количество значений слова должно определенным образом соотноситься и с качеством его значений (например, со степенью их конкретности-абстрактности) [11, 12].

3. Системно-динамический подход к пониманию соотношения этих характеристик реализован в модели жизненного цикла слова [12—15]. Согласно ей, каждое из слов при рождении в подавляющем числе случаев является однозначным, т.е. попадает тем или иным способом в язык для обозначения какого-то одного, относительно нового, весьма специфического для данного коммуникативного коллектива класса смыслов, чаще всего — того или иного класса предметов "второй", искусственной природы. В ходе дальнейшего его использования слово разворачивает свой семантический потенциал в виде последовательного и параллельного "порождения" новых значений от первого и от последующих значений. Процесс "порождения" заключается в том, что некоторые из ассоциаций данного значения с определенным набором обозначаемых им в коммуникации внеязыковых смыслов могут закрепляться, так что некоторые из смыслов приобретают статус новых значений.

Качественное развитие каждого последующего значения в сравнении с предшествующим в основном в направлении все большей абстрактности, признаковой "пустоты" представляет собой ключевое звено в рассматриваемой модели. Этот факт прежде всего определяет постепенное понижение способности каждого из последующих значений к порождению от него новых значений вплоть до полного исчерпания этой способности на определенном шаге процесса. Процесс повышения с течением времени степени абстрактности каждого нового значения слова определяет в основном и все большую его живучесть, устойчивость, продолжительность его существования. Этот же процесс является причиной и все меньшей стилистической маркированности каждого из последующих значений слова (как функционально-стилистической, так и экспрессивно-стилистической), вследствие их все меньшей специфичности, все более слабой привязанности к той референтной, функционально-тематической сфере, элементы которой они обозначают.

Взаимодействие двух процессов — приобретения и потери словом значений — определяет развитие во времени суммарного уровня его полисемии. А именно: порождение новых значений постоянно тормозится, сходя в конце концов на нет, а выпадение значений, хотя тоже постоянно замедляется (из-за повышения абстрактности, устойчивости каждого последующего значения), но продолжается и после того, как закончился процесс приобретения значений, пока самое последнее значение не изживет себя. В результате общий рисунок развития полисемии слова во времени представляет собой асимметричное распределение — с быстрым вначале, но постепенно замедляющимся ростом полисемии (пока прибавка новых значений опережает выход из строя ранее приобретенных), с достижением некоего максимума (когда процессы приобретения и потерь значений сравниваются в мощности) и с длительным периодом снижения полисемии от достигнутого максимума до нуля (в ходе окончательного затухания процесса приобретения новых значений и происходящего через все более длительные промежутки времени выхода из строя последних, самых стабильных значений).

Если бы все слова имели одинаковый семантический потенциал, т.е. проходили бы в одинаковом темпе один и тот же путь развития полисемии, то в любой момент времени в языке среди тех слов, которые имеют определенное число значений, преобладали бы те, которые находятся не на "подъеме", а на "спаде", т.е. те, которые прошли пик своей полисемии. Кроме того, чем менее полисемическую область мы бы взяли для рассмотрения, тем в большей степени в ней преобладали бы значения более старые, более абстрактные, стилистически нейтральные. Соответственно самыми семантически и стилистически специфичными чаще всего должны были бы быть значения слов максимальной полисемии.

Однако в реальности слова по степени их способности к развитию полисемии и к определенной длительности жизни представлены в языке (а точнее, в тех группах

новых слов, которые входят в язык в каждый из последовательно рассматриваемых отрезков его истории) неравномерно. Наиболее многочисленны слова с минимальной полисемической активностью и с минимальной продолжительностью жизни, т.е. рождающиеся, коротко живущие и умирающие однозначными. В определенной степени меньше слов, способных на минимальное развитие полисемии (например, способных в своей истории в какой-то период стать двузначными). В такой же степени по отношению к двузначным еще меньше слов, развивающихся в своей истории максимум до трехзначности и т.д. Точно так же неравномерно представлены среди новых слов (а в итоге и среди всех слов, сосуществующих в языке в данный период времени) те, которые предрасположены к разной длительности жизни. Наиболее "популярна" минимальная длительность жизни. Чем более долгоживущие слова мы берем, тем пропорционально меньше таких слов.

Если таковы типовые потенции развития всего ансамбля лексики естественного языка в любой период его существования, то, во-первых, в любой данный период времени в его словаре должны преобладать однозначные слова. Слова же все более высокой полисемии должны быть представлены с той понижающейся вероятностью, о которой речь шла выше. Во-вторых, среди слов данной полисемии должны преобладать те слова, которые дошли до этой полисемии и дальше ее повышать не смогут. Поэтому слов, поднявшихся к еще большей полисемии и через какое-то время (после пересечения пика своей полисемичности) вернувшихся в одну из более низких полисемических областей, будет всегда меньше, чем слов, находящихся на подъеме. Т.е. в итоге среди значений все менее многозначных слов должны во все большей степени преобладать те, которые более молоды, конкретно-предметны и стилистически маркированы.

Отметим, что явление максимальной предметности значений однозначных слов в словаре данного языка в данное время, а также последовательное повышение абстрактности значений слов все более высокой полисемии экспериментально доказано, как и доказан тот, еще более фундаментальный факт, что каждое новое значение для слов любых частей речи оказывается чаще всего более абстрактным, чем то значение, от которого оно отпочковалось [11].

Вывод, который предстоит проверить нам в настоящем исследовании, — наличие тенденции к последовательному снижению средней степени стилистической маркированности значений слов все более высокой полисемии.

Добавим также, что согласно модели жизненного цикла слова, должна наблюдаться (и экспериментально наблюдается) следующая типовая последовательность словообразовательного процесса: от слов в основном с исходной категориальной субстантивностью, существительных, к менее "вещным", более абстрактным по их категориальной и лексической семантике словам так называемых признаков частей речи — прилагательным, глаголам, наречиям, а от них — к наиболее абстрактным, служебным категориям (местоимениям, предлогам и союзам). Сообразно этой логике, значения существительных как наиболее специфической категории слов должны быть в наибольшей степени маркированы той специальной сферой общения, в которой они употребляются. Степень функциональной стилистической маркированности значений слов должна падать по мере их продвижения по эволюционной словообразовательной последовательности. Этот период мы также проверяем в данной работе.

4. Поскольку отправной точкой настоящего исследования является разбиение лексических единиц на лексико-стилистические классы (ЛСК), т.е. классы единиц, объединяемых принадлежностью к той или иной стилистической категории, необходимо прежде всего определить основные принципы подобной классификации.

На основе синтеза представлений, выработанных в общей и русской лексикографии, могут быть обозначены следующие основные аспекты стилистической маркированности лексических единиц:

- 1) с точки зрения исторической перспективы;
- 2) с точки зрения территориальной ограниченности;

3) по функциональному признаку (по преимущественной связи с той или иной сферой общения);

4) по признаку отнесенности к различным стилистическим пластам литературного языка;

5) по признаку наличия/отсутствия у лексических единиц экспрессивно-эмоциональной окраски¹.

В соответствии с первым признаком на фоне нейтрально-актуальных выделяются устарелые слова и устарелые значения слов, которые противопоставляются актуальной части совокупного лексикона общества [20]. В лексической совокупности современного литературного языка они входят в пассивный фонд, т.е., как правило, не используются, хотя многим носителям литературного языка разные единицы этого плана могут быть известны по текстам классической литературы данного языка. Если некоторые единицы этого фонда спорадически кем-то и употребляются, то в основном для достижения определенного стилистического эффекта, так как они могут относиться к книжно-высокому пласту лексики и потому обладать особой экспрессивной окраской.

На основании второго признака выделяются областные слова, или диалектизмы, противопоставляемые остальным единицам литературного словаря. К этой категории совокупного лексикона общества относится, как правило, та часть лексики диалектного происхождения, которая получила отражение в текстах художественной литературы и поэтому стала известна и многим носителям литературного языка [21—23].

По признаку функциональной отнесенности слова и значения могут быть как общеупотребительными (нейтральными), так и прикрепленными к определенной специальной или разговорной сфере [24—28].

По четвертому признаку лексические единицы делятся на два полярных пласта — "высоких" лексических средств и "низких" лексических средств, а также на промежуточный между ними пласт нейтральных средств. Данная классификация восходит еще к М.В. Ломоносову [29] (см. также [30—33]).

По пятому признаку лексические единицы могут иметь окраску различного эмоционально-экспрессивного плача — "бранное", "неодобрительное", "пренебрежительное", "ласкательное", "шутливое" и т.п. [34].

Совершенно очевидна связь распределения лексики по пластам с употреблением ее в разных, полярно противопоставленных функциональных сферах общения — книжно-специальных и разговорных. Специальные сферы (или противопоставленная им разговорная сфера) формируют и используют наряду с нейтральными средствами (словами и значениями) еще и специальные (или, наоборот, разговорные средства), несущие на себе отпечаток "высокой" (или "низкой") стилистики.

Признак же экспрессивности-эмоциональности, в свою очередь, обнаруживает явную зависимость от признака расслоения лексики по стилистическим пластам, т.е. в конечном счете тоже от принадлежности лексической единицы к различным сферам общения.

Классы лексических единиц, территориально и хронологически отмеченных (областная и устарелая лексика), также тяготеют к определенным сферам общения и в конце концов входят в литературном языке в ту систему противопоставлений стилистических пластов лексики — высоких и низких, — которая исходно задается его функциональным расслоением. Устарелость чаще всего коррелирует с высоким стилем и специальными областями общения, а диалектная помеченность слов — с их сниженностью, употребляемостью в разговорной речи [21].

В итоге выделяются три основных, исходных объективных стилистических фактора, которые и формируют стилистическое расслоение лексики и стилистическую окраску слов: социально-функциональный, временной и территориальный [16, с. 104—105].

¹ Наиболее близкий к этому синтез аспектов стилистической маркированности лексики был предпринят в работе [16] (см. также [17—19]).

Мы считаем, что эти три основных фактора и могут быть положены в основу базовой стилистической квалификации единиц словаря, их разбиения на основные лексико-стилистические классы. Ведущим среди этих трех факторов, несомненно, является социально-функциональный фактор, фактор употребляемости слов и значений в различных сферах речевого общения.

В соответствии с этими представлениями была проанализирована система стилистических помет МАС. Все 87 различных стилистических помет, представленных в словаре, были сведены к четырем основным категориям функционально-стилистических помет, что позволило далее расклассифицировать все единицы лексико-стилистического массива (ЛСМ) (т.е. все стилистически маркированные лексико-семантические варианты) нашего словаря по четырем соответствующим лексико-стилистическим классам: "книжно-специальному" (КС), "разговорному" (Р), "устарелому" (У) и "областному" (О).

5. Толковый словарь является специфическим системным отображением реально существующей языковой действительности. Языковая система представлена в словаре в виде извлеченного из речи лексического инвентаря с соответствующими типизированными лингвистическими характеристиками его единиц. Исследования показывают, что при имеющей место известной субъективности в работе лексикографов отбор слов, значений и их характеристик (в том числе и стилистических) в словари разного типа происходит не случайным образом, а на основе определенных задаваемых, "навязываемых", объектом принципов, что приводит к системной, закономерной соотносительности состава толкового словаря с общим составом лексической системы языка. Эти принципы задаются объективным устройством языковой деятельности, и лексикографы эти принципы не придумывают, а лишь в той или иной мере учитывают, отображают. Таким образом, можно говорить о том, что словарь — не хаотическое нагромождение фактов, что в словарях, вероятно, отражаются реально существующие в языке пласты и сферы словарного состава языка, некоторые характерные особенности его системного устройства.

Нельзя не согласиться с Г.Н. Схляревной [16], которая в связи с этим справедливо ставит вопрос о выделении лексикографической стилистики в особую дисциплину, исходя из возможности использования толковых словарей в качестве источника стилистической информации о лексических единицах языка. По ее мнению, эта дисциплина будет иметь специфический объект исследования (лексический состав языка в том виде, в каком он представлен в словаре) и свою методику (сопоставление слов по их стилистическим характеристикам в разных словарях, изучение способов и закономерностей отображения этих характеристик в зависимости от типа словаря, а также концепции его составителей).

6. Объект настоящего исследования — "Словарь русского языка" в 4-х томах — относится к среднему, по классификации С.И. Ожегова, типу словарей [35]. С.И. Ожегов писал: "Практически созданы и теоретически намечены три основных типа нормативных общих словарей русского языка: б о л ь ш о й, представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе; с р е д н и й, с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка и, наконец, к р а т к и й, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи" [35, с. 91—92].

К большим словарям в современной русской лексикографии относится "Словарь современного русского литературного языка" в 17-и томах [36]. К словарям среднего типа относится, кроме МАС'а, еще "Толковый словарь русского языка" под ред. Д.Н. Ушакова [37]. Словарь краткого типа представлен различными изданиями "Словаря русского языка" С.И. Ожегова [38, 39].

Тожественные или близкие к этому типу толковых словарей вырабатываются в любой развитой национальной лексикографической традиции. По всей видимости, это отражает универсальное коммуникативно-социальное членение литературного

лексикона любого цивилизованного народа, которое возникает для удовлетворения его коммуникативных потребностей.

Современная трактовка трех основных пластов литературного словаря (получаемая на основе специального словарного тестирования носителей нормативного языка [40], а также сопоставления состава толковых словарей разного типа [41, 42]) заключается в том, что "активный запас" современной лексики, отражаемой в кратком словаре, стремящемся "к активной нормализации" [35, с. 92], соответствует п е р е с е ч е - н и ю всех а к т и в н ы х (т.е. используемых продуктивно) индивидуальных словарей полноценных носителей нормативного варианта данного языка данной языковой эпохи. "Активный и пассивный запас лексики современного языка", представляющий стилистическое многообразие современного языка и отражаемый в средних словарях [35, с. 100, 92], соответствует о б ъ е д и н е н и ю всех а к т и в н ы х индивидуальных словарей указанных носителей языка. Наконец, большой словарь, "представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе" [35, с. 91], соответствует о б ъ е д и н е н и ю всех а к т и в н ы х (продуктивных) и п а с с и в н ы х (рецептивных) индивидуальных словарей этого типа. В совокупность пассивных частей индивидуальных словарей в этом случае попадают те единицы из устаревшего и территориально ограниченного лексического фонда, которые могут быть известны определенному кругу читателей по классическим литературным произведениям.

В итоге, как видно, словарь краткого типа должен обладать полной вложимостью в словарь среднего типа, а этот последний — в большой словарь, причем и по словнику, и по набору значений каждого из повторяющихся слов. В кратком словаре концентрируются ядерные для языка слова и их значения, которые известны всем и и с п о л ь з у ю т с я всеми полноценными носителями языка. Расширение словника и семантического объема слов в среднем словаре в сравнении с кратким происходит за счет отображения более периферийных, но актуальных, к е м - л и б о и с п о л ь з у е м ы х в данную эпоху слов и значений, — в основном за счет маркированных специальной сферой употребления. Расширение большого словаря в сравнении со средним должно происходить в основном за счет устаревших и территориально маркированных слов и значений, хотя практически никем из членов данного языкового коллектива и не и с п о л ь з у е м ы х, но известных довольно широким его кругам как факты культурного достояния, как элементы языка классической литературы.

Наиболее существенным при выборе в качестве объекта нашего исследования МАС'а было то, что это словарь среднего типа, т.е. он должен полно отображать состав и содержание актуальных для данного времени сфер функционирования лексических единиц данного языка, а именно — описывать в некотором приближении с о в о к у п н ы й а к т и в н ы й нормативный словарный запас данного языкового общества в данную языковую эпоху. Эту важнейшую типологическую черту МАС'а мы должны иметь в виду при оценке соотношения ожидаемой и обнаруженной в нем стилистической и иной системной информации.

Полную картину соотношения различных семантических, стилистических и грамматических характеристик с типологическим статусом словаря можно получить только на основе фронтального сопоставительного анализа словарей всех трех типов, который еще впереди².

7. Одним из наиболее важных параметров лексических единиц является величина их семантического объема. Эта характеристика отражает широту функциональных возможностей слова, степень продвинутой по пути реализации его семантического потенциала (о чем говорилось выше). Она связана как с преобладающей качественной характеристикой его значений, так и с его категориальной, частеречной принадлежностью. Параметры уравнений распределения слов того или иного словаря

² Предварительные попытки в этом направлении предприняты в работах [41, 42].

по количеству значений имеют как типолого-лингвистический, так и типолого-лексикографический смысл [41].

Все лексические единицы словаря могут быть разделены на следующие объемно-семантические группы: слова с 1, 2, 3—4, 5—8, 9—16, 17—32 и большим числом значений. В основе данного способа группировки слов лежит логарифмическая мера величины полисемии. Она используется для того, чтобы получить такие группы слов, каждая из которых заметно отличается по этой характеристике от предшествующих и последующих групп в этой последовательности³.

8. По указанным стилистическим, объемно-семантическим, а также традиционным частеречным характеристикам (существительные, глаголы, прилагательные, наречия и другие части речи были исследованы 1-й, 2-й, 4-й тома МАС'а; всего — 63 386 слов. Общее количество ЛСВ слов этой части словаря — 95 702. Из них стилистически маркированных ЛСВ [или объем лексико-стилистического массива (ЛСМ) этого словаря]⁴ — 35 985, что составляет 37,60% от общего количества всех ЛСВ словаря. (Данные для всех однозначных слов МАС'а были рассчитаны с помощью экстраполяции на основе исследования двух случайных выборок однозначных слов из всего МАС'а общим объемом 3047 единиц.)

Больше всего в словаре содержится ЛСВ, маркированных пометами разговорного класса (Р), — 49,29% от числа всех стилистически помеченных ЛСВ (или 18,53% от общего количества всех, маркированных и немаркированных, ЛСВ). ЛСВ, маркированных пометами книжно-специального класса (КС), гораздо меньше — 30,52% от объема всего ЛСМ (и 11,48% от общего числа всех ЛСВ) словаря. Соответствующие показатели для устарелого (У) и областного (О) классов еще ниже — 17,85% (6,71%) и 2,34% (0,88%).

Предполагалось, что специальные значения, представляющие культурную сферу словаря данного общества, должны преобладать над любыми другими стилистически маркированными типами значений, в том числе над разговорными значениями, представляющими "ядро" языковой системы. То, что в данном словаре наблюдается обратное соотношение, настораживает. Имеющиеся в нашем распоряжении данные по английскому, финскому, эстонскому и другим языкам находятся в соответствии с теоретическими ожиданиями⁵.

Из всех 45 646 ЛСВ однозначных слов словаря помечено теми или другими пометами 18 146 (39,75%), а из общего количества ЛСВ всех многозначных слов стилистически помеченными являются 17 839 (35,64%). Как видно, значения однозначных слов в целом оказываются более стилистически маркированными в сравнении со значениями всей совокупности многозначных слов, что соответствует нашим общим представлениям об однозначной лексике как наиболее периферийной, наиболее специфичной, хотя контраст между ними в этом плане ожидался более заметный.

Далее выявляется, что и внутри совокупности всех многозначных слов чем менее многозначная группа слов берется, тем ее значения, как правило, оказываются более стилистически маркированы. Особенно наглядно это видно в том случае, если мы берем укрупненные группы слов согласно тем полисемическим зонам, которые были указаны выше⁶. Это прослеживается как для всего лексико-стилистического массива (ЛСМ), так и в основном для отдельных его лексико-стилистических классов (см. табл. и рис. 1).

³ Обоснование, а также рассмотрение других аспектов подобной классификации лексики см в [41]

⁴ Здесь и далее, при описании результатов анализа, под словом "словарь" будет подразумеваться исследованная часть МАС'а (1-й, 2-й и 4-й тома). Данные по 3/4 объекта, несомненно, достаточно надежно характеризуют объект в целом

⁵ См также [43]

⁶ Верхняя граница последней зоны (17—32 значения) расширены нами до 34 значений, так как выделять в отдельную зону (33—64) имеющиеся в наличии только одно 34-значное слово было бы неоправданно

Соотношение общей и разрядной стилистической помеченности ЛСВ слов разных частей речи по разным полисемическим зонам словаря МАС

Полисемические зоны	Все (помеченные и непомеченные) ЛСВ	Стилистически помеченные ЛСВ в процентах ко всем (помеченным и непомеченным) ЛСВ				
		К	Р	У	О	ЛСМ
	ЛСВ	%	%	%	%	%

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

1	22582	16,87	12,75	6,77	1,06	37,45
2	8978	18,33	17,61	9,01	2,34	47,29
3—4	6619	14,84	16,20	7,06	1,33	39,42
5—8	3020	13,68	12,75	5,10	0,73	32,25
9—16	684	8,33	6,58	4,82	0,73	20,47

ГЛАГОЛ

1	11247	6,40	37,87	9,15	0,53	53,87
2	7294	6,24	32,26	6,55	0,84	45,89
3—4	6977	4,04	25,05	4,84	0,69	34,63
5—8	4114	2,97	17,70	2,80	0,44	23,89
9—16	1225	3,02	16,98	2,20	0,24	22,45
17—32	104	1,92	9,62	0,96	0,96	13,46

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

1	10107	13,36	7,72	5,64	0,30	27,01
2	4578	14,18	8,32	7,01	0,46	29,97
3—4	3214	8,81	5,82	4,64	0,31	19,57
5—8	1145	6,99	4,80	2,97	0,09	14,85
9—16	199	4,52	4,02	3,52	0,00	12,06

НАРЕЧИЕ

1	1170	0,00	25,73	0,00	0,00	48,72
2	500	1,40	29,80	8,20	0,80	40,20
3—4	393	0,76	15,78	3,05	0,00	19,59
5—8	238	0,42	13,45	6,30	0,00	20,17
9—16	39	0,00	5,13	0,00	2,56	7,69
17—32	17	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00

ОСТАЛЬНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

1	540	0,00	44,63	22,41	0,00	61,11
2	210	2,86	33,33	12,38	2,86	51,43
3—4	148	1,35	60,81	8,11	4,05	74,32
5—8	163	3,68	25,77	13,50	2,45	45,40
9—16	91	2,20	5,49	4,40	0,00	12,09
17—34	106	0,94	4,72	1,89	0,00	7,55

ВСЕ ЧАСТИ РЕЧИ ВМЕСТЕ

1	45646	13,01	18,66	7,36	0,72	39,75
2	21560	12,82	21,03	7,77	1,40	43,01
3—4	17351	8,94	18,21	5,64	0,88	33,66
5—8	8680	7,17	14,31	3,92	0,52	25,91
9—16	2238	4,69	11,97	3,17	0,40	20,24
17—34	227	1,32	6,61	1,32	0,44	9,69

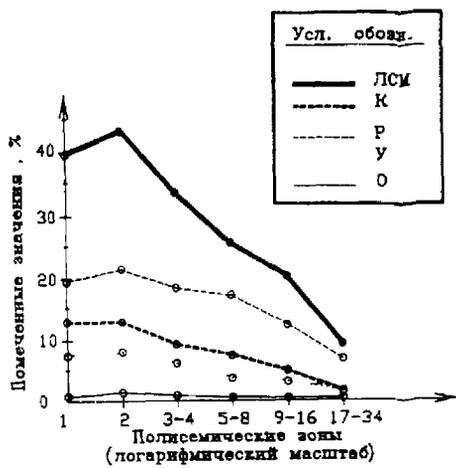

Рис. 1

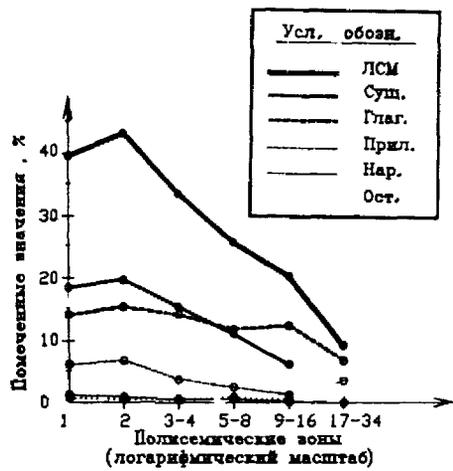

Рис. 2

Рис. 1. Соотношение общей и разрядной стилистической помеченности ЛСВ слов по разным полисемическим зонам словаря

Рис. 2. Соотношение общей стилистической помеченности ЛСВ слов разных частей речи по разным полисемическим зонам словаря

Тенденция большей маркированности значений менее полисемичных слов свойственна, по нашим данным, также английскому, польскому, финскому, эстонскому, турецкому, татарскому и туркменскому языкам, т.е., по-видимому, она является универсальной.

Вместе с тем необходимо отметить следующие факты, пока выпадающие из этой общей тенденции, наблюдаемой на материале МАС'а.

Прежде всего бросается в глаза, что в наибольшей степени не соответствует указанной общей тенденции участок перехода от двузначных слов к однозначным — как в случае употребления книжно-специальных, так и разговорных помет. Стилистическая помеченность значений однозначных слов оказывается существенно ниже ожидаемой, если прогнозировать ее динамику на основе тенденции, наметившейся в прочих полисемических зонах. Наиболее вероятным предположением, на наш взгляд, может быть то, что наблюдаемое явление свидетельствует о принципиально неполном отражении однозначной лексики русского языка в данном словаре. При более полном, более объективном учете разговорных ресурсов русской лексики (в основном, видимо, наиболее специфичных, производных, редких, а поэтому однозначных единиц), а также, в особенности, при более полном учете периферийной, терминологически-отраслевой лексики (которая, как известно, чаще, чем лексика других сфер, оказывается однозначной) системное соотношение между числом разговорных и книжно-специальных значений слов в зоне однозначных слов и числом значений слов этих стилистических классов в других полисемических областях могло бы быть восстановлено.

Это предположение хорошо согласуется и с тем, что степень помеченности ЛСВ любых частей речи книжно-специальными пометами заметно ниже, чем разговорными пометами (11,52% и 18,87%). Наглядно это видно на рис. 1. Подобное положение противоречит интуитивному представлению о разговорных ресурсах лексики как об активном, но довольно ограниченном по объему ядре, а о книжно-специальных средствах — как очень пространной, намного более обширной, чем ядро, периферии словарного состава развитого литературного языка. По всей видимости, именно книжно-специальные ресурсы лексики при отображении в данном словаре пострадали в наибольшей степени, а их более полное отображение привело бы к увеличению их удельного веса в общей функционально-стилистической картине данного словаря.

Выборочное обследование различных алфавитных участков данного словаря, проведенное нами, обнаруживает заметное отсутствие в нем многих специальных слов и значений, свойственных современному русскому узусу в профессиональных областях (например, представленных в специальных словарях). Общее число таких недобранных ЛСВ, по нашим подсчетам, достигает нескольких десятков тысяч. По крайней мере, согласно данным "Сводного словаря современной русской лексики" [44], в нем содержится около 85 тыс. слов (преимущественно однозначных терминов), не попавших в 1-е, и около 80 тыс. слов — во 2-е издание МАС'а.

9. Важным подтверждением предположения о неполном отражении в данном словаре периферийной, но реально существующей в языке лексики служит и характеристика лексикографической концепции МАС'а самими его составителями. Действительно, при решении вопроса о включении или невключении в этот словарь определенных разрядов лексики авторы не устанавливают существенных ограничений только для одной из четырех интересующих нас в стилистическом аспекте групп — для группы разговорных лексических средств. Не допускались в словарь из этого круга лексических средств, по словам его авторов, лишь "многие слова грубого просторечия" [9, т. 1, с. VII], малочисленность которых по сравнению с общим объемом разговорного пласта не вызывает сомнений и не имеет решающего значения для общей картины. Более существенно то, что не включались в словарь и некоторые разряды производных существительных, прилагательных и наречий (которые "легко образуются и легко понимаются" [9, с. VII]), которые, очевидно, также чаще, чем их производные, являются периферийными, а значит, и чаще — малозначными единицами. Значительная их часть оказывается специальными единицами.

В анализируемый словарь, также по признанию его авторов, принципиально не включались "узкоспециальные термины отдельных областей науки, техники, искусств, необходимые лишь специалистам" [9, с. VII], т.е. доступ актуальной специальной лексики в словарь был сильно затруднен. За счет дополнительного их учета степень маркированности ЛСВ малозначных (в том числе и однозначных) слов могла бы существенно повыситься в сравнении с тем, что имеется сейчас в МАС'е. Т.е. можно предположить, что при условии учета этих фактов должно в итоге ликвидироваться наблюдаемое сейчас на графиках некоторое нарушение тенденции роста степени помеченности значений слов при движении в зону малозначных (особенно однозначных) слов.

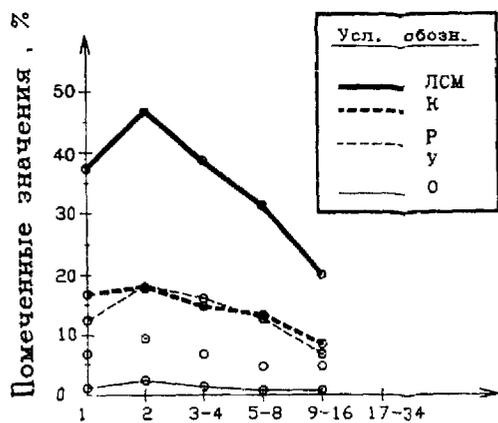
10. Дальнейшее углубление поставленных вопросов может быть осуществлено, если мы рассмотрим специфику разных лексико-грамматических классов слов (частей речи) в отношении разных классов стилистических помет.

Оставляя пока в стороне служебные слова, а также числительные и междометия, отметим, что среди четырех знаменательных частей речи (существительное, глагол, прилагательное, наречие) в исследуемом словаре в наибольшей степени помеченными оказываются значения глагола — 42,29% от общего их числа (см. табл. и рис. 2). Количество стилистически помеченных ЛСВ однозначных глаголов — 6059 из 11 247, или 53,87%; количество стилистически помеченных ЛСВ многозначных глаголов — 7035 из 19 714, или 35,69%. Как видно, тяготение помеченности к значениям однозначных слов на материале глагольной лексики не подлежит сомнению.

Степень общей стилистической помеченности значений существительного оказывается ниже: обнаруживается 39,22% помеченных значений от общего числа всех значений этой части речи (в абсолютных цифрах соответственно — 16 426 и 4 1 883). Аналогичные данные для ЛСВ однозначных существительных: 37,45%, т.е. 8457 ЛСВ из 22 582 всех ЛСВ; для ЛСВ многозначных существительных: 41,29% — 7969 из 19 301.

Далее следуют по степени помеченности наречия и прилагательные.

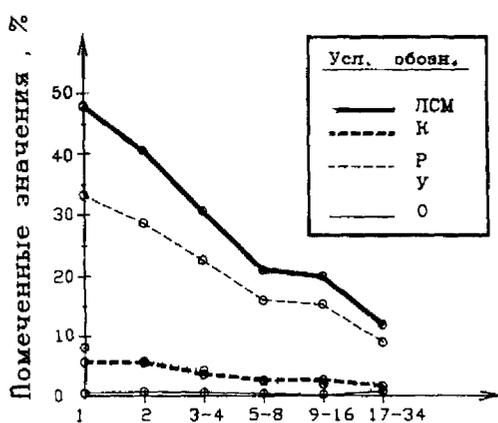
Напомним, что согласно модели жизненного цикла слова (см. выше), ожидалась ббльшая стилистическая отмеченность значений существительного, а не глагола или любой другой части речи. Совершенно очевидно, что существительное оказалось бы

Полисемические зоны
(логарифмический масштаб)

Рис. 3

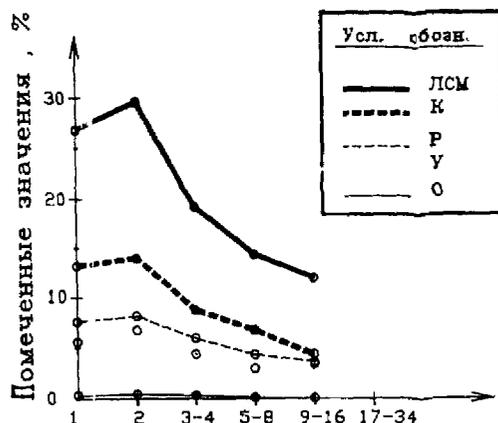
Рис. 3. Соотношение общей и разрядной стилистической помеченности ЛСВ существительных по разным полисемическим зонам словаря

Полисемические зоны
(логарифмический масштаб)

Рис. 4

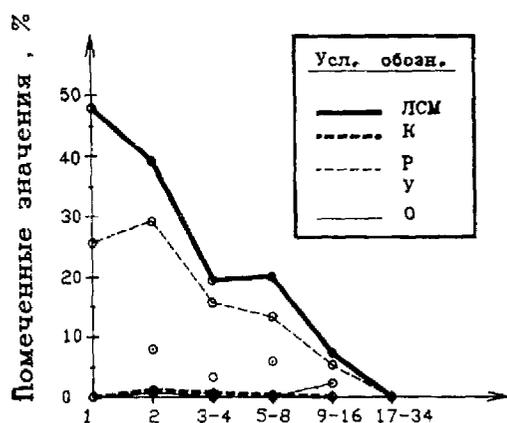
Рис. 4. Соотношение общей и разрядной стилистической помеченности ЛСВ глаголов по разным полисемическим зонам словаря

Полисемические зоны
(логарифмический масштаб)

Рис. 5

Рис. 5. Соотношение общей и разрядной стилистической помеченности ЛСВ прилагательных по разным полисемическим зонам словаря

Полисемические зоны
(логарифмический масштаб)

Рис. 6

Рис. 6. Соотношение общей и разрядной стилистической помеченности ЛСВ наречий по разным полисемическим зонам словаря

намного более маркированным в этом словаре, если бы эта категория русских слов была отображена в нем более полно (видимо, в основном за счет специальных слов и значений), чем это допустили, согласно своей концепции, составители словаря. При этом, видимо, не возникла бы такая странная ситуация, которая имеет место сейчас, когда ЛСВ однозначных существительных оказываются заметно менее маркированными любыми классами помет, чем ЛСВ многозначных существительных.

Это предположение очень вероятно, так как наибольшую долю книжно-специальных лексических единиц составляют во всех специальных областях (науки,

техники, ремесел и т.д.) именно обозначения предметов и различных "субстанций", т.е. существительные.

Графики, представленные на рис. 3—6, наглядно характеризуют явление функционально-стилистической помеченности лексики отдельно для разных частей речи по разным классам стилистических помет в различных полисемических зонах. Таблица и рисунки свидетельствуют о том, что наибольший вклад в общую книжно-специальную помеченность этого словаря — даже при их явно неполном отражении в нем — вносят значения существительных и прилагательных.

Если признать справедливым утверждение о достаточно слабом отражении в рассматриваемом словаре периферийных, но реально существующих в языке книжно-специальных ЛСВ (в первую очередь существительных), то при более полном отражении в подобном словаре этих категорий лексических единиц их вклад в общую помеченность всего лексического состава словаря стилистическими пометами мог бы существенно возрасть, а системные тенденции, связанные с распределением степени помеченности ЛСВ слов по разным полисемическим зонам, должны были бы проявиться в более явном, более чистом виде. Главное, можно полагать, что изменилось бы общее соотношение помеченности ЛСВ двумя полярными классами помет — разговорными и книжно-специальными. Сейчас в словаре (по-видимому, неправоммерно) доминируют разговорные пометы.

11. Итак, в настоящей работе была предпринята попытка дифференцированного рассмотрения стилистической помеченности ЛСВ разных грамматических категорий (частей речи) пометами четырех обобщенных стилистических классов по разным полисемическим зонам МАС'а. Это позволило обнаружить важные системные тенденции в организации этого словаря, и предположительно, языка в целом, а также некоторые отклонения от них, объяснимые определенными лексикографическими факторами. Экспериментальные данные в целом находятся в соответствии с теоретическими прогнозами, вытекающими из модели жизненного цикла слова, что позволяет считать проведенное исследование полезным для развития теоретических представлений о механизмах существования-развития языка (как объекта, находящегося постоянно в процессе становления, определенного динамического равновесия).

Проведенное исследование позволяет также сделать вывод о том, в каких аспектах анализируемый "Словарь русского языка" неполон как словарь среднего типа, как словарь, предназначенный для покрытия всего актуального литературного словаря общества (в том числе и периферийных, специальных его областей).

Одно из направлений дальнейшего углубления экспериментальной работы с материалом этого рода — изучение аналогичных фактов по краткому и большому словарям русского языка, их сопоставительный анализ и интерпретация его результатов под углом зрения соотношения пластов (сфер) словарного сознания русскоязычного общества, а также полноты и точности отображения этих пластов в словарях разного типа.

Еще более отдаленная перспектива — сопоставительный анализ стилистической помеченности лексики разных языков, в том числе и под углом зрения их типологической специфики, т.е. того, как особенности типа языка проявляются в особенностях его лексической подсистемы, в частности со стороны ее стилистической организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
2. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.
3. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1989.
4. Борода М.Г., Поликарпов А.А. Закон Ципфа-Мандельброта и единицы различных уровней организации текста // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1984. (Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 689).
5. Системный анализ значимых единиц русского языка. Парадигматика в лексике и словообразовании. Красноярск, 1987.

6. Тулдава Ю.А. Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики. Таллинн, 1987.
7. Поликарпов А.А. Логическое пространство единиц лексической подсистемы языка и квантификация соотношений между ними // Прикладная лингвистика и автоматический анализ текста: Тез. докл. науч. конф. 28—30 янв. 1988 г. Тарту, 1988.
8. Каримова Г.О., Поликарпов А.А. Принципы выделения гиперлексемы как единицы лексической системы языка // Дериационные типы и гнезда в синхронии и диахронии. Владивосток, 1989.
9. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Евгеньевой А.П. М., 1957—1961.
10. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Евгеньевой А.П. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981—1984.
11. Кустова Г.И., Поликарпов А.А. От предметности — к абстрактности // Эвристические возможности квантитативных методов исследования языка: Тез. докл. Всес. семинара в г. Смоленске 11—13 сент. 1991 г. Смоленск, 1991.
12. Polikarpov A.A. A model of the word life cycle / Ed. by Koehler, R., Rieger, B. // Contributions to quantitative linguistics. Dordrecht; London; Boston, 1993.
13. Поликарпов А.А. К теории жизненного цикла лексических единиц // Прикладная лингвистика и автоматический анализ текста. Тез. докл. науч. конф. 28—30 янв. 1988. Тарту, 1988.
14. Поликарпов А.А. Лексическая полисемия в эволюционном аспекте // Linguistica. Тарту, 1990 (Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 911).
15. Polikarpov A.A. On the hypothesis of word life cycle // First quantitative linguistics conference (QUALICO). Abstracts. September, 23—27, 1991. University of Trier, Germany. Trier, 1991.
16. Скляревская Г.Н. Заметки о лексикографической стилистике // Современность и словари. Л., 1978.
17. Скляревская Г.Н. Лексикографическая стилистика: состояние и проблемы // Словарные категории. М., 1988.
18. Скляревская Г.Н. Еще раз о лексикографической стилистике // ВЯ. 1988. № 3.
19. Скляревская Г.Н. Функционально-стилистическая характеристика лексики в новом академическом словаре // Материалы научно-практической конференции "Проблемы стилистики и лексикографии". 30 октября 1991 г. СПб, 1991.
20. Бабкин А.М. Устарелые слова в современном языке и словаре // Современная русская лексикография. 1981. Л., 1983.
21. Скляревская Г.Н. Полудиалектическая лексика в современном русском языке // Вопросы стилистики. Вып. 7. Саратов, 1974.
22. Балахонова Л.И. Лексика диалектного происхождения в современном русском литературном языке как объект лексикографии и лексикологии // Современная русская лексикография. 1981. Л., 1983.
23. Партенадзе М.Х. О статусе диалектной лексики в толковом словаре литературного языка. Тбилиси, 1984.
24. Денисов П.Н., Костомаров В.Г. Стилистическая дифференциация лексики и проблема разговорной речи // Русская разговорная речь. Саратов, 1970.
25. Скляревская Г.Н. О соотношении лексикографических понятий "разговорное" и "просторечное": Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973.
26. Скляревская Г.Н. Разговорная речь как объект лингвистического исследования // Лингвистические исследования. 1972. Ч. 1. М., 1973.
27. Бурцева В.В. Слово с пометой "специальное" в семнадцатитомном академическом "Словаре современного русского литературного языка" (1948—1965 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
28. Беркович Т.Л. Содержание и функции помет для терминологической лексики в общих словарях разных типов // Словарные категории. М., 1988.
29. Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч., Т. 7. М.; Л., 1952.
30. Ахманова О.С. О стилистической дифференциации слов // Сборник статей по языкознанию. Проф. МГУ akad. В.В. Виноградову. М., 1958.
31. Степанов Ю.С. Французская стилистика. М., 1965.
32. Винокур Т.Г. Употребление языка как основной предмет стилистики // Стилистика русского языка. М., 1987.
33. Петрищева Е.В. Функциональная и стилистическая дифференциация речи // Стилистика русского языка. М., 1987.
34. Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984.
35. Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // ВЯ. 1952. № 2.
36. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. М.; Л., 1948—1965.
37. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. // Под ред. Ушакова Д.Н. М., 1935—1940.
38. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. акад. Обнорского С.П. М., 1949; 9-е изд., испр. и доп. / Под ред. Шведовой Н.Ю. М., 1972; 21-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Шведовой Н.Ю. М., 1989.
39. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993.
40. Поликарпова А.О., Поликарпов А.А. Опыт изучения уровня и характера индивидуального знания русской лексики // Квантитативные аспекты системной организации текста: Материалы межвуз. семинара. Тбилиси, 1987.
41. Поликарпов А.А. Полисемия: системно-квантитативные аспекты // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1987. (Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 774).

42. *Поликарпов А.А., Крюкова О.С.* О системном соотношении краткого и среднего толковых словарей русского языка // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1989. (Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 872).
43. *Тулдава Ю.А.* Социальная дифференциация лексики эстонского языка с квантитативной точки зрения // Квантитативная лингвистика и стилистика. Труды по лингвостатистике. Тарту, 1983 (Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 658).
44. *Рогожникова Р.П.* Сводный словарь современной русской лексики. В 2-х т. М., 1991.

© 1994 г. ДЖАПАРИДЗЕ З.Н.

О МЕТОДАХ ИЗУЧЕНИЯ И ПРИРОДЕ СУБСЕНСОРНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Выявление субсенсорных фонетических единиц — достижение экспериментальных работ последнего времени. Оно стало возможным с формированием перцептивной фонетики и развитием методов ее исследования, что во многом стимулировалось стремлением найти ответы на вопросы, которые в классической фонологии не ставились или обходились молчанием.

1. Как известно, классическая фонология мельчайшими лингвистическими единицами считает различительные признаки фонем. До более мелких единиц она не дошла. Объявив различительные признаки элементарными универсальными единицами всех языковых систем, она фактически свела задачи фонологии к описанию того, как в отдельных языках эти элементы образуют разные фонетические системы.

Но первые же шаги в этом направлении натолкнулись на серьезные трудности. Попытки описать перцептивные корреляты различительных признаков оказались несостоятельными, и от них пришлось отказаться. Причина ясна: в отличие от артикуляционных и акустических форм существования различительных признаков, их перцептивные корреляты непосредственному наблюдению или аппаратурной регистрации не поддаются. Мы можем слышать диффузные и компактные фонемы /и/ и /а/, но не можем слышать признаков диффузности и компактности. Звучание фонемы неразложимо на части. В восприятии различительные признаки фонем представлены на подсознательном уровне слухового анализа, к исследованию же субсенсорных фонетических единиц классическая фонология не была готова.

Определенные трудности дали о себе знать и в понимании акустической формы различительных признаков. Согласно их описанию, отдельные признаки могут выражаться двумя (несколькими) физическими характеристиками, причем одна и та же характеристика встречается в описании разных признаков. Г. Фант отмечает, что длительность фрикативного шума, одна из характеристик признака "напряженный-ненапряженный", входит и в признак "резкий-нерезкий" [1, с. 216]. Увеличение (resp. уменьшение) общего количества звуковой энергии фигурирует в описании признака "напряженный-ненапряженный" и в то же самое время включается в характеристику "компактности-диффузности" [2, с. 261], подробнее [3, с. 100]. Это никак не вяжется с пониманием различительных признаков как элементарных, неделимых единиц. Очевидно, что мы имеем здесь дело или с неточным описанием признаков, или с тем, что они разложимы на более мелкие компоненты. Известна и другая точка зрения: компоненты различительных признаков, если они и выделяются каким-либо путем, но не методами сегментации или субституции, не могут быть признаны лингвистическими единицами [4, с. 436]. То, что субсенсорные фонетические единицы могут требовать иных методов изучения, во внимание не принималось, так как, видимо, вопрос о возможности существования таких единиц и не возникал.

2. Отказавшись от попыток описать перцептивные корреляты различительных признаков, классическая фонология отказалась и от изучения восприятия фонетических единиц. Это повлекло за собой и отход от поставленных задач. Вместо объяснения того, как человек различает в речевых актах звучания разных

слов, мы получили логическое описание дифференциальных признаков фонем. Оно хорошо объясняет, как могут различать разные фонемы и слова ученые-лингвисты, но не простые носители языка в беседе друг с другом. Ведь совершенно очевидно, что при различении звучаний речевых единиц люди так же не нуждаются в логическом описании фонем и их признаков, как не нуждаются они при различении кошки и собаки в классификации Карла Линнея или любой другой логической классификации животных.

В принципе не исключалось, что логическое описание различительных признаков фонем могло оказаться достаточно близким к действию языкового слуха. Однако предполагаемая теорией дифференциальных признаков картина довольно сильно отличается от того, что нам известно о восприятии речи.

Объявление различительных признаков элементарными, неразложимыми единицами предредило вопрос о реакциях слуха на них: возможными оказались лишь две реакции — "признак представлен" $+ /$ и "признак не представлен" $- /$. Измерение и отражение разной степени выраженности признака при таком понимании вопроса, понятно, исключается.

Но многое говорит о том, что при восприятии фонем происходит не просто констатация наличия или отсутствия (позитивного значения) различительного признака, но и измерение степени его выраженности. Еще дофонологической фонетике было известно, что для разных языков характерна разная степень звонкости. Отмечалось, что звонкий звук одного языка носителями другого языка может восприниматься глухим. Из этого, безусловно, следует, что различительный признак звонкости не только измеряется фонематическим слухом, но (впреки его предполагаемой элементарности и универсальности) предстает к тому же в разных языках в разном виде — имеет разные пределы допустимого изменения.

Опуская ряд вопросов, связанных с измерением различительного признака, остановимся лишь на одном из них. Даже если мы согласимся с гипотезой восприятия фонем, изложенной в теории различительных признаков, мы сможем объяснить лишь то, как воспринимается фонема, но восприятие сходства с ней останется совершенно непонятным. Определенные сочетания плюсов и минусов могут соответствовать только тем или иным фонемам, но не звукам, похожим на них в разной степени. А между тем способность фонематического слуха отразить степень сходства с фонемами чрезвычайно важна для его нормального функционирования. Без этой способности невозможно представить овладение как родным, так и неродными языками.

3. Описанная выше картина восприятия, создающая трудности для теории дифференциальных признаков, находит вполне удовлетворительное объяснение, если мы будем исходить из зонной природы фонетических единиц. Под зонной природой фонетических единиц подразумевается их свойство, позволяющее описать их в виде допустимой области (зоны) колебания характеристик. Изменение характеристик в пределах этой области для различения единиц значения не имеет — воспринимается все та же фонема, интонаема и т.д.

В свое время А. Мартине отмечал, что между областями двух соседних фонем может лежать "зона безопасности" [5, с. 70—71]. Фонемы произносятся так, чтобы попасть ближе к центру своей области, а не в данную зону. В норме это гарантирует восприятие того, что произнесено. Добавим, что, по нашему мнению, "зоны безопасности" не то что могут лежать между фонемными областями, а всегда разделяют зоны не только фонем, но и всех фонетических единиц.

Предполагается, что фонетическим единицам в памяти человека соответствуют "зонные эталоны сравнения" и "алгоритм работы с ними" (правила сличения с ними) [6, с. 47]. Можно выделить собственно "зону эталона" (зону идентичного восприятия) и прилегающую к ней "зону сходства с эталоном". Для единиц субсенсорного уровня соответственно выделяются "зона идентичных реакций"

и "зона близости к эталону [7, 8]. "Попадание" в любой (не только центральный) участок зоны эталона приводит к восприятию звучания соответствующей единицы сенсорного уровня (фонемы, интонымы и т.д.), так как все участки зоны равноценны. В отличие от этого, попадание в "зону сходства с эталоном" обуславливает восприятие разной степени сходства, разную степень близости с единицей, например, фонемой. Степень сходства зависит от расстояния до ближайшей границы зоны соответствующей фонемы. При этом возможно восприятие сходства одновременно с двумя или несколькими фонемами, так как зоны сходства с единицами (фонемами) в отличие от зон самих единиц (фонем) пересекаются друг с другом.

Выше изложено несколько возможных представлений о зонах единиц. Есть и другие, в достаточной степени отличающиеся от них (например, представления о фонемных областях, непосредственно примыкающих друг к другу). Можно спорить о достоинствах и слабых сторонах этих гипотез, но одно не вызывает сомнений: все они способствовали появлению фонетических работ нового типа. Оказалось, что наиболее удобным методом установления зон фонетических единиц является наблюдение над восприятием при изменении их физических характеристик. Именно такие исследования, в первую очередь, позволили делать определенные предположения о строении и природе фонетических единиц не только сенсорного, но и субсенсорного уровня.

4. Опыты с изменением значимых для фонематического слуха параметров связаны с трудностями разной сложности. В случае единиц сенсорного уровня задачи решаются сравнительно легко. В простейших случаях, например, при исследовании интонационных контуров, экспериментатор может проследить за связью между величиной изменения значимой характеристики и воспринятым звучанием той или иной семантики¹. Так, целенаправленно увеличивая в синтезированных грузинских словах подъем тона в конце нисходяще-восходящего контура, мы можем установить пределы, в которых должен оставаться тон, чтобы воспринимались контуры со значением: а) просьбы, б) общего вопроса, в) общего вопроса с удивлением. При этом чем выше подъем тона в третьем контуре, тем выше степень выражаемого и воспринимаемого удивления.

Сложнее обстоит дело тогда, когда воспринимаемое нерасчлененное звучание связано одновременно с несколькими разными характеристиками. Так, восприятие ударности (выделенности) слога в русском языке определяется, по крайней мере, тремя разными характеристиками, которые связаны с длительностями вокальных и консонантных частей, а также с силовыми значениями слогов. На уровне субсенсорного анализа слух объединяет в суммарном значении данные по всем характеристикам. На сенсорный уровень выдается лишь восприятие слогов в виде ударных и безударных. Это в основном зависит от того, превышает ли суммарное значение определенную пороговую величину. За счет чего же было достигнуто надпороговое суммарное значение, чем превосходил ударный слог других (долготой? силой?...), мы сказать не можем, так как это не ощущается. Это подобно случаю с восприятием температуры, когда прикоснувшись к предмету, мы можем определить, что он нагрет, но ничего не можем сказать о том, что его нагревали и в каком количестве применялось то или иное топливо.

В суммарном значении составного параметра таких единиц, как ударение, меньшая величина одной характеристики может компенсироваться большим значением другой (например, меньшая длительность гласного — большей его интенсивностью и наоборот). Здесь необходимо подчеркнуть следующее.

¹ Мы не обсуждаем здесь вопроса о том, насколько правомерно считать единицы, обладающие семантикой, фонетическими. Не рассматриваем, конечно, и разные типы фонетических единиц, выбирая лишь те, которые казались нам интереснее других с точки зрения методики исследования и выявляемых результатов.

1) Взаимная компенсация характеристик, входящих в суммарный параметр, возможна лишь тогда, когда они не воспринимаются как разные качества. Так, в параметре ударности интенсивность и длительность гласного могут компенсировать друг друга лишь в том случае, если они не слышатся как громкость и долгота. В противном случае будут восприняты именно эти качества гласного, а не его ударность.

2) Слагаемые суммарного параметра могут обладать разной компенсирующей силой, т.е. иметь разный "относительный вес" для фонематического слуха на субсенсорном уровне анализа. Например, определенный контраст гласных по интенсивности при восприятии удара может быть замещен меньшим контрастом по длительности (так же, как если продолжить нашу простую аналогию с теплом, одно топливо может быть замещено меньшим количеством другого при большей его калорийности).

Задача лингвиста состоит как в установлении возможных границ замещающих друг друга параметров, так и в определении их относительных весов. Надежным путем ее решения могут стать корректные эксперименты с применением так называемого "метода черного ящика". Рассматривая субсенсорную работу слуха как нечто скрытое в "черном ящике" от нашего наблюдения, мы тем не менее можем делать определенные предположения о неосознаваемых фонетических единицах и процессах, устанавливая причинно-следственные связи между тем, что мы имеем на "входе" и "выходе" ящика, т.е. между тем, что мы предъявляем испытуемому для прослушивания, и тем, что они слышат, между физическими характеристиками звуков и воспринятыми звучаниями.

В таких опытах особенно эффективно применение синтезированных речевых стимулов, когда экспериментатор может следить за изменением восприятия аудиторов в зависимости от точно регулируемого изменения тестовых отрезков. Именно такие опыты выявили дважды больший относительный вес долготных отношений гласных по сравнению с другими слагаемыми суммарного параметра при восприятии удара русскими аудиторами в синтезированных словах с фиксированным тоном и тембром гласных.

Ясным показателем правильного определения суммарного параметра фонетической единицы (т.е. определения его состава и относительных весов компонентов) является удовлетворительная (в пределах случайного отклонения) группировка точек, отражающих рост восприятия, вдоль кривой на графиках зависимости восприятия единицы от аргумента. Естественно, анализ должен отвечать обычным требованиям статистической обработки данных, но следует особо учитывать и некоторые специфические факторы, связанные с психологической установкой, вырабатываемой у аудиторов во время опыта.

Особенно часто в фонетических экспериментах возникает так называемая ассимилятивная иллюзия восприятия, обусловленная порядком предъявления аудиторами тестовых стимулов. Так, когда испытуемым друг за другом предъявляются синтезированные слова, в которых постепенно, малыми шагами ослабляются характеристики ударности определенного слога, некоторое время наблюдается продолжение его восприятия как ударного в таких стимулах, в которых при изолированном их предъявлении этот же слог слышится безударным. Здесь вырабатываемая в опыте установка как бы подтягивает предъявляемые стимулы к предшествующим, уподобляет их им, ассимилирует, отождествляет с ними. При обратном порядке предъявления стимулов, т.е. при постепенном переходе от безударности к ударности, соответственно, наблюдается обратная картина — затягивается восприятие безударности, раздвигаются лабильные границы уже зоны безударных гласных (слогов).

Как правило, в фонетических исследованиях влияние установки субъекта на восприятие не учитывается. А между тем в восприятие всегда вносятся отклонения, обусловленные ею. Это понятно, так как установка, как известно, не является чем-то таким, что может возникать в одних случаях и не возникать — в других.

Это — готовность человека к тому или иному акту, состояние, неосознаваемый настрой, с которым он встречает этот акт, и поэтому та или иная установка представлена в субъекте всегда. Исключить возникновение установки со связанными с нею отклонениями невозможно (по крайней мере, это так в норме). Зато вполне возможно определить направление изменений и их приблизительную величину. В ряде случаев имеет смысл управлять в эксперименте связанными с установкой процессами для уточнения областей рассеивания фонетических единиц, например, вызывать ассимилятивную иллюзию восприятия с преднамеренным расширением и сужением зоны единицы посредством изменения порядка предъявления стимулов и т.д. (подробнее об относительных весах субсенсорных характеристик единиц типа ударения см. например, в работах [8, 9]).

5. Для понимания природы и функционирования субсенсорных фонетических единиц сегментного ряда важное значение приобретает разница между дифференциальными признаками фонем с точки зрения отношения друг к другу и строения (разложимости — неразложимости). Одни признаки (такие, как звонкость, диффузность) не требуют от других, сосуществующих с ними в фонеме, каких-либо свойств. Звонкость (диффузность и т.п.) можно вводить в пучок фонемы или выводить из него, ничего в других признаках не изменяя. В отличие от этого такие признаки, как прерванность, протяженность, не присоединяются к другим признакам, входящим в пучок фонемы, а требуют от них, чтобы те обладали определенной динамикой, долготными или иными характеристиками. Так, например, прерванность или протяженность — это не нечто, существующее рядом со звонкостью, диффузностью и другими признаками фонемы, а прерванность или протяженность той же звонкости, диффузности и т.д. Если звонкость, диффузность и подобные им признаки просто присоединяются к другим признакам пучка, то прерванность, протяженность и т.п. реализуются в них.

Важно различать признаки, выражаемые одной характеристикой (например, звонкость — периодическими колебаниями, отражающими работу голосовых связок), и признаки, связанные одновременно с двумя или несколькими характеристиками (например, прерванность, протяженность, о которых подробнее см. ниже).

Удобным путем исследования субсенсорных единиц сегментного ряда (т.е. дифференциальных признаков и их компонентов), как и в случае ударения, является применение надежного и проверенного "метода черного ящика". В определенной мере это объясняется тем, что связь между компонентами различительных признаков во многом близка к взаимоотношению характеристик ударения. Однако следует помнить и о принципиальной разнице. Изменяя "на входе ящика" характеристики ударения, мы можем следить за образуемой ими картиной ударности. Что же касается компонентов различительных признаков фонем, то мы не можем слышать образуемые ими признаки — мы воспринимаем звучание как минимум фонем, стоящих на более высокой ступени в иерархии лингвистических единиц.

Описание строения всех дифференциальных признаков не может быть задачей краткого исследования. В этой статье мы ограничимся лишь примером, иллюстрирующим принципиальную разложимость дифференциального признака на более мелкие субсенсорные языковые единицы.

6. Характеристики, отличающие аффрикаты от соответствующих спирантов, объединены в признаке, носящем название "прерванный — непрерывный". Если бы это название отражало суть данного дифференциального признака, то задача различения здесь сводилась бы к установлению наличия или отсутствия прерывности, соответствующей смычке в артикуляции аффрикат. Эта прерывность может отражаться только на подсознательном уровне слухового анализа — при восприятии звучания слов фаза смычки аффрикат (и других смычных) никогда не сопровождается паузой, молчанием. Это, конечно, не может считаться

препятствием для того, чтобы считать наличие или отсутствие прерывности различительным признаком (и другие различительные признаки в восприятии представлены лишь на субсенсорном уровне). Но есть основание считать, что наличие прерывности не может являться ни единственной, ни основной характеристикой, отличающей аффрикаты от спирантов. Во-первых, даже неозвонченная фаза смычки аффрикат из-за неполного затвора часто не представлена паузой, прерывностью звука. Во-вторых, в некоторых позициях, в частности, в начале слова вслед за молчанием, фаза безупречной смычки не может быть обнаружена слухом. Поэтому основная тяжесть в противопоставлении "аффриката—спират" ("прерванный протяженный — непрерывный протяженный") ложится на разные характеристики специфического шума этих звуков, представленные при их реализации в любых нормальных условиях.

Опыты показали, что различение аффрикат и спирантов в основном связано с двумя компенсирующими друг друга характеристиками шума. Это — длительность шума и скорость его нарастания. Наблюдение над восприятием при постепенном изменении этих характеристик показало, что сокращение длительности шума переводит спират в аффрикату. Восприятие аффрикаты начинается раньше, если отсекаются не конечные участки шума, а начальные, т.е. происходит изменение и второй характеристики: плавное, спирантное нарастание шума постепенно приобретает большую крутизну, приближается к взрывоподобному (аффрикатному) началу. Иными словами, здесь, как и в случае ударения, параметры компенсируют друг друга: меньшее сокращение замещается увеличением скорости нарастания шума. Аудиторы при этом не ощущают отдельно ни длительности шума, ни скорости его нарастания. Просто воспринимается либо спират, либо аффриката, либо переходные между ними звучания.

Дальнейшее продолжение изменений, превращающих протяженный спират в протяженную же аффрикату, приводит к прохождению ими зоны аффрикат и к превращению их в мгновенно смычно-взрывные. В языках, где существуют тройки "спират — аффриката — смычно-взрывной", признаки шума, различающие члены троек, а следовательно, и компоненты этих признаков, должны оставаться в пределах трех соответствующих зон. Выход из зон приводит к искажению звучания членов троек и к переходу спиранта в аффрикату, аффрикаты в смычно-взрывной и наоборот. Ясно, что в языках типа французского, т.е. в языках, где нет аффрикат и представлены не тройки, а лишь пары "спират—смычно-взрывной", требования к зонам менее строги. В диапазоне изменений как признаков, так и их компонентов представлены уже не по три, а по две зоны. Зоны характеристик как спирантов, так и смычно-взрывных здесь могут быть расширены за счет отсутствия средней, аффрикатной, зоны.

Как указано выше, в разных языках не совпадают не только зоны различительных признаков фонем, но и зоны компонентов этих признаков (расширение и сужение зоны суммарного параметра невозможно представить без соответствующего изменения, по крайней мере, одного из его слагаемых). Пример с тройкой "спират—аффриката—смычно-взрывной", полагаем, подтверждает это. Отметим здесь же, что не имеет значения, как мы будем рассматривать эти звуки, — как члены тройки, как члены двух бинарных противопоставлений — "непрерывный-прерванный" и "протяженный-мгновенный" или как единицы, включенные в матрицу фонем в любом порядке, без выделения их групп и подгрупп. Речь идет о том, что дифференциальные признаки, различающие эти фонемы, распадаются в разных языках на характеристики с разными зонами допустимых изменений [3, 7].

То обстоятельство, что дифференциальные признаки фонем и их компоненты описываются в разных языках в виде разных зон рассеивания характеристик, говорит о том, что эти единицы следует считать специфическими единицами

Различных языковых систем². Разлагаемые на компоненты дифференциальные признаки фонем не могут пониматься ни как элементарные, ни как универсальные языковые единицы. Нет основания утверждать и то, что существуют какие-либо другие элементарные и универсальные лингвистические единицы.

Человеку даны общие для всех людей возможности звукообразования и восприятия звуков, но как только дело доходит до их реализации в языке, как только дело доходит до фонетики, мы на всех ее уровнях сталкиваемся со специфическими для каждого языка системами единиц. Это так же естественно, как и то, что способность человека к оперированию понятиями не привела к совпадению в разных языках ни исходных, ни производных лексических или любых других семантических единиц. (Понятно, что речь идет не об их близости, позволяющей делать переводы с одного языка на другой, а об идентичности).

Расхождения языков в элементах, из которых строятся грамматические, лексические или другие единицы семантического уровня, более или менее очевидны. Но признанию того же, когда речь идет о мельчайших фонетических элементах, видимо, мешает соблазнительная иллюзия возможности описать все разнообразие всех языков мира посредством десяти-двенадцати неделимых универсальных признаков. Полагаем, что данные перцептивной фонетики опровергают существование таких признаков, и что языки специфичны на всех ярусах своих систем, начиная с самого нижнего — уровня субсенсорных фонетических единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фант Г. Акустическая теория речеобразования. М., 1964.
2. Якобсон Р., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962.
3. Джапаридзе З.Н. О меризматическом уровне лингвистического анализа // Звуковой строй языка. М., 1979.
4. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Новое в лингвистике. М., Вып. IV, М., 1965.
5. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
6. Зимняя И.А. К вопросу о зонной природе восприятия изолированных звуков // Доклады АПН РСФСР. 1961. № 2.
7. Джапаридзе З.Н. Об эталонах перцептивной базы языка // Вопросы анализа речи. Вып. 4. Тбилиси, 1973.
8. Джапаридзе З.Н. Перцептивная фонетика. Тбилиси, 1985.
9. Джапаридзе З.Н. К определению границ зонных эталонов перцептивной базы языка // Вопросы анализа речи. Вып. 5. Тбилиси, 1974.

² Утверждение, согласно которому компоненты дифференциальных признаков фонем в разных языках отличаются друг от друга и относительными весами [9], требует отдельного рассмотрения.

© 1994 г. ЩЕКА Ю.В.

ГИПОТЕЗА О ВОЗМОЖНЫХ ЭТАПАХ ЯЗЫКОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ

(На материале интонологии турецкого языка)

Изучение интонологии турецкого языка выявляет существование системы ритмических уровней речи, на основании которых определяются соответствующие интонологические единицы: гармонема (ей соответствует гласная фонема или слог), тактема (слово), мелодема (словосочетание), интонема (предложение) и композема (текст), см. [1]. Интонология также позволяет представить эволюцию языка как процесс последовательного формирования ритмических уровней, начиная с нижнего (слогового) и кончая высшим уровнем текста, на котором происходит отход от принципа ритмической организации речи (= создание письменности). Этим вопросам посвящена статья [2, с. 118], однако в ней, во-первых, не рассматривалась эволюция фонологической системы (была лишь намечена) и, во-вторых, только указывались хронологические рамки выделяемых стадий языковой эволюции без описания методики их определения. Настоящая статья посвящена этим двум проблемам.

Этап отсутствия членораздельной речи характеризуется случайно-хаотичными реализациями положения органов артикуляции, с одной стороны, и распределения энергии в спектре звуков первобытной праречи, с другой. Современная членораздельная речь, наоборот, обладает достаточно строгим дискретным набором конечного числа реализаций как позиции артикуляторных органов, так и распределения энергии в спектрах фонем. В этой связи хотелось бы сделать два вводных замечания инодисциплинарного свойства, которые, строго говоря, не являются обязательно-необходимыми, но тем не менее служат важными аналогами и ориентирами в общем подходе к эволюции речи. Во многих волновых физических процессах (а язык, по нашему мнению, выступает как явление существенно волновое) концентрация энергии в определенных участках дискретного спектра происходит в результате интерференции соответствующего ансамбля волн. Так, при освещении узких близко расположенных щелей (дифракционной решетки) светом, состоящим из хаотического набора колебаний (= так называемый некогерентный свет), на экране наблюдается более или менее равномерная освещенность — этот случай как бы соответствует хаотичной реализации артикуляторных и спектрально-акустических параметров при нечленораздельной праречи. Если же дифракционную решетку осветить когерентным светом (= фазы колебаний строго согласованы), то на экране наблюдается концентрация световой энергии в узких областях (= интерференционная картина) — этот случай соответствует дискретности артикуляторных и спектрально-акустических параметров речи членораздельной [3]. Данный пример и проведенная аналогия иллюстрируют основополагающую роль интерференции волновых процессов при переходе от картины хаотически-сплошного распределения реализаций к картине конечного числа реализаций строго дискретного характера. Другое замечание связано с тем, что многие законы сохранения физических величин формулируются в так называемой интегральной форме, в которую входят величины, относящиеся к различным точкам пространства [4, 5]. Применительно к фонологии соответствующим аналогом может служить рассмотрение диффе-

рещионального признака фонемы (= факт, относящийся к данной точке речи) как проявления просодических свойств всего слога или даже слова (= факты, относящиеся к некоторому протяженному отрезку речи и имеющие место как до, так и после собственно звучания фонемы). Например, в русском языке различие между [и] и [ы] обусловлено соответственно мягкостью или твердостью предыдущего согласного, в связи с чем различие между, скажем, "ми" и "мы" можно записать соответственно как [П./ми] и [П-/ми], где буквой П обозначается наличие или отсутствие палатализации [6]. И так, если исходить из самых общих посылок, в эволюции фонологической системы определяющую роль должны играть, во-первых, процессы интерференции и, во-вторых, тесная взаимосвязь между параметрами протяженных речевых отрезков, с одной стороны, и качеством звука в данной точке речи, с другой.

Звуковое колебание, не образующее ритма слогового уровня (например, звук, издаваемый животным), относится к сфере биологии. Слоговой ритм образует первый социально значимый уровень. В физическом отношении всякая реализация слогового ритма (как, впрочем, и издаваемый животным звук) имеет сложную форму колебания, т.е. содержит наборы гармоник и обладает богатством тембра. Однако поскольку это богатство звучания вне чисто биологических факторов не выступает как социально значимая организация, представляется необходимым от него абстрагироваться и принять за социально значимую лишь модель синусоидального (лишенного гармоник, правильного) звукового колебания, модулированного по амплитуде с периодом, равным периоду слогового ритма. В анализировавшейся нами устной реализации письменного текста¹ средняя продолжительность слога (= средний период слогового ритма) составил 140 мс. Среднюю частоту основного тона (ЧОТ) можно оценить как 150 гц. Эти показатели отмечены на рис. 1.

Указанная модель равносильна взаимному наложению двух синусоидальных колебаний с небольшой разностью частот, отвечающей соотношению [7]:

$$v_1 - v_2 = \frac{1}{T} = \frac{1}{0,14 \text{ с}} = 7,14 \text{ гц}$$

Колебание (а) рис. 1, с одной стороны, и сумма колебаний (б) рис. 1, с другой, эквивалентны.

Следующим за слоговым уровнем социально значимого ритма является тактежный, с наложением которого особенно ярко начинают проявляться процессы интерференции. Средняя продолжительность тактемы (фонетического слова, = средний период тактежного ритма) в анализировавшемся тексте составила 455 мс. Отношение средней длительности тактемы к средней длительности слога составляет, таким образом, 3,25, что ближе всего к целому числу 3. Таким образом, строение тактемы из трех слогов является для турецкого языка некоторым средним случаем. Поэтому в модели тактежного ритма период ($T_{\text{ТАКТ}}$) принят в размере 420 мс (равен трем слогам по 140 мс). Эти показатели отмечены на рис. 2.

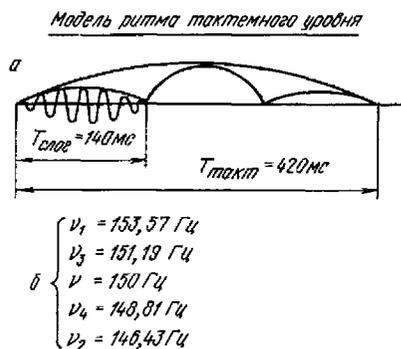
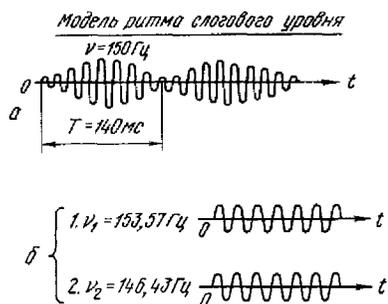
При частоте звука, равной 150 гц, разность частот:

$$v_3 - v_4 = \frac{1}{0,42 \text{ с}} = 2,38 \text{ гц}$$

дает $v_3 = 151,19$ гц и $v_4 = 148,81$ гц. Поэтому совмещение слогового и тактежного ритмов эквивалентно суперпозиции синусоид с частотами v, v_1, v_2, v_3, v_4 .

В реальной речи форма колебаний всегда будет сложной, т.е. представление

¹ Этот текст и относящиеся к нему данные содержатся в статье [2, с. 132].

в виде синусоид является абстракцией. Выпишем частоты гармоник пары волн, возникающих в связи с наложением тактемного ритма (т.е. волн частоты ν_3 и ν_4):

Номер гармоники	$n = 1 = \text{ЧОТ}$	$n = 2$	$n = 3$	$n = 4$...
Частота гармоник волны ν_3	151,19	302,38	453,57	604,76	...
Частота гармоник волны ν_4	148,81	297,62	446,43	595,24	...
Разность частот	2,38	4,76	7,14	9,52	...

Мы видим, что разность частот третьих гармоник, равная 7,14 гц, совпадает с разностью частот ν_1 и ν_2 , т.е. период слогового уровня, возникающий из-за наложения волн с частотой ν_1 и ν_2 , с одной стороны, и период, возникающий в связи с наложением третьих гармоник волн ν_3 и ν_4 , создающих ритм тактемного уровня, с другой стороны, совпадают. Указанное совпадение частот приводит к усилению третьих гармоник волн ν_3 и ν_4 , т.е. к перераспределению энергии в спектре, закономерно связанному с наложением второго социально значимого ритма тактемного уровня, и представляет собой не что иное, как зарождение области первой форманты гласного.

При возбуждении ЧОТ 100 гц, 150 гц и 200 гц в силу расщепления частот, вызванного двумя рассматриваемыми уровнями ритма, будут фактически возбуждаться звуки в диапазонах 95,24 гц — 104,76 гц, 145,24 гц — 154,76 гц и 195,24 гц — 204,76 гц. Третьи гармоники наименьшей (95,24 гц) и наибольшей (204,76 гц) из указанных частот составят диапазон от 285 гц до 615 гц, что в целом совпадает с диапазоном первых формант гласных (частоты 100 гц, 150 гц и 200 гц взяты лишь в качестве примера, фактически рассматриваемый диапазон шире указанных границ).

В голосовых складках существует два механизма возбуждения звука, причем свойства одного из них мало зависят от натяжения и напряжения голосовых складок, тогда как другой изменяет свои параметры в соответствии с активностью мышц гортани. Первый механизм дает в целом постоянную (и одинаковую как у мужчин, так и женщин) частоту вблизи 100 гц [8, с. 48]. Если учесть а) турбулентные явления в голосовых складках, вызывающие случайные изменения периода и амплитуды импульсов голосового источника величиной в несколько процентов (это равносильно появлению различных разностных частот в широком диапазоне) [8, с. 59], а также б) резкие снижения ЧОТ, обычно наблюдаемые в начальной и конечной частях слогаобразующего гласного, то становится очевидным, что звучание определенной ЧОТ при наличии слогового и тактемного ритма создает сплошную область энергетически более выделяемых (по сравнению с другими частями спектра) частот от примерно 285 гц до некоторой высшей границы, зависящей от величины данной ЧОТ. По данным К.И. Долотина и Б.В. Поспелова, частота формант существенно зависит от ЧОТ,

при этом оказывается возможным аппроксимировать зависимость высоты формант от ЧОТ в виде линейной функции вида: $F_1 = a \cdot F_{O.T.} + b$, где F_1 — частота первой форманты, $F_{O.T.}$ — частота основного тона, а и b — коэффициенты, зависящие от характера гласного [9]. Очевидно, что постоянная величина b (нижняя граница этого коэффициента для первых формант русских гласных равна 307 гц) связана с областью третьей гармоники источника фонации постоянной частоты в 100 гц (т.е. 300 гц), которая (область) в силу отмеченных выше процессов расширения и размывания частотных полос усиления смыкается и взаимно накладывается с областью третьих гармоник определенной ЧОТ. Повышение ЧОТ вызывает в связи с указанным механизмом пропорциональное повышение и одновременно расширение (ср. [10]) области первой форманты, однако с коэффициентом пропорциональности, меньшим единицы. Эта зависимость отражается коэффициентом a в приведенной выше формуле.

При отсутствии ритмов уровней, выше тактемого, говорить о собственно фонемах (в том виде, как они существуют в современном языке) невозможно, поскольку отсутствует еще разбиение совокупной области первых формант на несколько — для турецкого языка восемь — дискретных, регулярно и относительно четко реализующихся полос усиления, соответствующих каждой конкретной гласной фонеме. Поэтому выше речь шла об области первых формант лишь в целом, т.е. о неопределенном гласном звуке со случайно-хаотичной реализацией как конкретных полос усиления внутри указанной области, так и параметров артикуляции. Наличие полос формантного усиления гласных зависит от параметров артикуляторных резонаторов. Однако эти параметры сами по себе, если учитывать лишь их чисто биологическое устройство и функции, произвольно и случайно изменяются, реализуются в широком диапазоне. Возникновение слогового и тактемого ритмов и появление области первых формант, в той или иной части которой с той или иной вероятностью реализуется усиление третьих гармоник, оказывает влияние на характер конкретных реализаций параметров артикуляторных резонаторов и составляет первый шаг на пути социально значимой организации этих параметров, т.е. на пути становления собственно речевой артикуляции.

Следующим уровнем социально значимого ритма после тактемого является мелодемный. Средняя продолжительность мелодемы (синтагмы) (= средний период мелодемного ритма) в анализирувавшейся устной реализации письменного текста составила 1,64 с. Отношение средней длительности мелодемы к средней длительности тактемы, составившей в анализирувавшемся тексте, как указывалось, 455 мс, равно 3,6 (ближайшее целое число — 4). В качестве усредненной модели мелодемного ритма, содержащей целое число единиц ритмов тактемого и слогового уровней, выбираем наиболее близкие к средним значениям величины: длительность мелодемы 1680 мс, тактемы 420 мс, слога 140 мс. Расщепление частот, вызванное наложением мелодемного ритма, составит (на рис. 2 не выписано расщепление с разностью 2,38 гц для волн v_1 и v_2 , с учетом которого имеется всего 9 исходных частот):

$$v_{5k} - v_{6k} = \frac{1}{1,68 \text{ с}} = 0,6 \text{ гц}, \quad k = 1, 2, \dots, 9$$

Четвертые гармоники волн v_{5k} и v_{6k} с разностью частот 0,6 гц совпадут с периодом изменения (бисния) ЧОТ волн с разностью частот 2,38 гц ($v_{3k} - v_{4k}$, $k = 1, 2, 3$), и третьи гармоники этих последних волн (v_{3k} , v_{4k} , $k = 1, 2, 3$) совпадут с периодом изменения ЧОТ волн с разностью частот 7,14 гц (v_1 , v_2). Если взять частоты от 100 гц до 200 гц, то четвертые гармоники разместятся в диапазоне от 400 гц до 800 гц, что в целом также находится в области расположения первых формант гласных. Наложение мелодемного ритма, таким образом, увеличивает усиление в совокупной области первых формант. С другой

стороны, оно приводит к качественно новому результату — начальной стадии регулярной дифференциации реализаций первых формант внутри этой области, что становится очевидным из следующего.

Рассмотренная модель мелодемного ритма, как и модель тактемного ритма, является усредненной. Соотношение между средними длительностями мелодемы и тактемы в размере 3,6, близком как к 4, так и к 3, с одной стороны, и соотношение между средними длительностями тактемы и слога в размере 3,25, близком как к 3, так и к 4, с другой, говорит о том, что достаточно типичными будут и случаи мелодем, состоящих из трех тактем, а также тактем, состоящих из четырех слогов. При совпадениях — три и три или четыре и четыре — будет наблюдаться ярко выраженное усиление соответственно третьих или четвертых гармоник. Таким образом, наложение мелодемного ритма приводит к возникновению двух гласных фонем². У одной из них первая форманта находится в полосе частот от 300 гц ($100 \text{ гц} \times 3$) до $\text{ЧОТ} \times 3$ (например, $150 \text{ гц} \times 3 = 450 \text{ гц}$), а у другой в полосе от 400 гц ($100 \text{ гц} \times 4$) до $\text{ЧОТ} \times 4$ (например, $150 \text{ гц} \times 4 = 600 \text{ гц}$). Если в качестве общей оценки применить формулы К.И. Долотина и Б.В. Поспелова (хотя они и относятся к русским гласным), то первая фонема является узкой, она близка к [и], [ы], [у] (соответственно границы изменения первой форманты при подстановке в эти формулы $F_{0.1} = 100 \text{ гц}$ и 200 гц : 328 гц — 349 гц, 353 гц — 357 гц, 338 гц — 349 гц), а вторая фонема является широкой, она близка к [э], [о], [а] (соответственно аналогичные границы: 564 гц — 569 гц, 460 гц — 527 гц, 595 гц — 663 гц). Как и на современной стадии развития языка, в котором наблюдается редукция гласных в безударных слогах, на стадии мелодемного ритма (= отсутствие ритмических закономерностей более высокого уровня) обе гласные фонемы относительно четко реализуется лишь в некоторых слогах, которые обладают энергетическим максимумом (ударны), а также для которых имеет место необходимое соотношение ритмов в мелодеме и тактеме.

Отношение средней длительности мелодемы к средней длительности слога в модели мелодемного ритма равно 12 (1680:140). Поэтому двенадцатые гармоники будут образовывать период изменений (биений), равный периоду слогового ритма. Соответствующее усиление двенадцатых гармоник и перераспределение энергии в спектре составляет зарождение области вторых формант гласных в диапазоне от 1200 гц ($100 \text{ гц} \times 12$) до $\text{ЧОТ} \times 12$ (например, $150 \text{ гц} \times 12 = 1800 \text{ гц}$).

Проявление ритма на уровне, выше мелодемного, связано с наиболее выдающимися мелодемными максимумами, расстояние между которыми отличается регулярностью и составляет в анализированном нами тексте в среднем 4658 мс. Отношение этой величины к средней длительности мелодемы (1640 мс) равно 2,84 (ближайшее целое число 3). Рассуждая аналогично сказанному выше при рассмотрении предыдущих уровней ритма, мы получим, что в наиболее типичном случае третьи гармоники совпадут с периодом мелодемного, двенадцатые гармоники — тактемного и тридцать шестые гармоники — слогового ритма. Данную модель можно обозначить как (3, 4, 3). Здесь, как и в аналогичных обозначениях моделей ниже, первая цифра обозначает число мелодем в сверхмелодеме, вторая — число тактем в мелодеме, третья — число слогов в тактеме.

Наряду с наиболее типичной моделью (3, 4, 3) будут иметь место различные другие модели, из которых также сравнительно часто встретятся (3, 3, 3) и (3, 4, 4) (эти целые числа также близки к соответствующим значениям отношения средних длительностей). Наиболее типичные модели имеют тенденцию давать нейтральное качество гласного, что было видно, например, при рассмотрении мелодемного

² В сравнении с современными эти фонемы имеют еще весьма широкий вероятностно-случайный разброс реализаций, хотя эти реализации, одновременно, обладают большей регулярностью и четкостью, чем звуки неопределенного характера, соответствующие стадии тактемного ритма.

уровня ритма, где наиболее типичная модель (4, 3) приводила к широкой области возможных реализаций первой форманты в силу усиления как третьих, так и четвертых гармоник (= нейтральный звук). Что же касается двух прафоном, то их выделение было связано с менее типичными моделями (3, 3) (узкая прафонема) и (4, 4) (широкая прафонема). Аналогичным образом, при наложении сверхмелодемного ритма для достаточно четкой дифференциации формантных областей необходимо: 1) совпадение двух цифр модели — тогда в области первых формант будет наблюдаться соответствующее достаточно явное усиление и 2) равенство произведения первой пары цифр и произведения второй пары цифр, т.е. число тактов в сверхмелодеме (произведение первой пары цифр) должно совпасть с числом слогов в мелодеме, что даст достаточно четкое усиление определенной полосы частот в области второй форманты гласного.

Из возможных моделей (3, 3, 3) и (4, 4, 4) вторая соответствует более высокому положению как первой, так и второй формант. Признак диффузности-компактности гласного может обеспечиваться менее типичными моделями, например, диффузность: (2, 8, 2), где вторая гармоника влияет на низкое положение первой форманты, а величина произведения, равная 16, — на высокое положение второй форманты, и компактность: (4, 2, 4), где четвертая гармоника влияет, наоборот, на сравнительно высокое положение первой форманты, а произведение, равное 8, — на сравнительно более низкое положение второй форманты. Таким образом, наложение сверхмелодемного ритма обеспечивает появление регулярной дифференциации реализаций вторых формант и, тем самым, приобретение прафонемами признака ряда, а также признака диффузности-компактности.

Сверхмелодемный уровень ритма проявляется также в зарождении области (еще не расчлененной) третьих формант гласных, диапазон которой, если учесть наиболее типичные модели, находится в области 27, 36, 48 и 64-й гармоник [произведение трех чисел соответственно моделей (3, 3, 3), (3, 4, 3), (4, 3, 4), (4, 4, 4)].

Уровень ритма сложного предложения, который мы учтем добавлением четвертой цифры слева в модели ритма, равной числу сверхмелодем в сложном предложении, придает ритмическим сочетаниям большую гибкость, благодаря чему различные модели могут соответствовать одному и тому же (или близкому) качеству гласного. Ритм уровня сложного предложения порождает также область усиления в виде четвертой форманты (номер гармоник, равный произведению четырех цифр модели ритма).

В современной речи качество гласных наиболее выделяемых слогов и реализация соответствующих им артикуляторных параметров (= факт, относящийся к данной временной точке речи) содержат информацию о всем речевом отрезке и тесно связаны с ритмической организацией высказывания. В следующих ниже примерах мы учтем лишь три гласные: [i], [a] и [o], для которых имеются сравнительно непротиворечивые данные. По формантному составу других турецких гласных данные у различных исследователей часто противоречивы.

В первом предложении исследовавшегося текста: *Genel Kurmay Genel Sekreterliği Basın Yayın ve Halkla İlişkiler Şubesi, birliklerimizin Lefkoşe 'nin Güney Doğusundaki Timbu ilçesiyle hava alanını ve Meriç bölgesini ele geçirdiklerini Kıbrıs 'ın önemli yerleşme merkezlerinden biri olan Seydarlı 'nın da kurtarıldığını açıkladı* ("Отдел прессы, изданий и отношений с населением Аппарата главного секретаря Генерального штаба сообщил, что наши войска захватили волость Тимбу, находящуюся на юго-востоке от Никозии, аэродром и район Мерич и что освобождено Севдарлы, являющееся одним из важных населенных пунктов Кипра"), общей длительностью (с частью паузы, отделяющей его от второго предложения) в 16510 мс, длительность второй сверхмелодемы (выделена полужирным) составляет 4033 мс. Подчеркнута также фонема [i] в слогах *zin*, *nin* и *tim*, имеющих не только тактовое, но и мелодемное ударение. Подчеркнутая сверхмелодема состоит из

Целое число раз уложится 13-я гармоника: $\frac{910}{70} = 13$

(4, 4, 2, ?)

(4, 2, 2, 13)

(4, 5, 2, 2)

[2,(8)]³

[2, 20]³

или/и [2, (13)]

F₁ = 250 гц

[2, (16)]

F₂ = 2500 гц

F₁ = 250 гц, F₂ = 1000 гц

1750 гц

2000 гц

Таким образом, для слога *zin* ритмическая модель не дает определенного результата. Для слогов *nin* и *tin* (ЧОТ соответственно 143 гц и 160 гц, которые мы, однако, в целях упрощения подсчета приняли за 150 гц) частота первой форманты совпадает с экспериментальной (F₁ = 250 гц, см. 11]). Для второй форманты на слоге *nin* модель не вполне определена и дает несколько частот: F₂ = 1000 гц, 1750 гц, 2000 гц, а на слоге *tin* F₂ = 2500 гц. В работе В.В. Ховратовича для турецкого [i] получено F₂ = 1600 гц, F₃ = 2200 гц. В акустической классификации Лафона для французского [i] указано. F₁ = 250 гц, F₂ = 3000 гц [12]. В этой связи ритмические модели для слогов *nin* и *tin* описывают диффузный звук, близкий к [i].

Аналогичным образом были получены ритмические модели для гласной [a] в рассматриваемых ниже слогах. Слог *lan*: ...*biri olan Sevdarlı* из первого предложения текста, см. выше; длительность сверхмелодемы: ...*lerinden biri olan Sevdarlı 'nın da kurtarıldığını açıkladı* + 510 мс равна 3160 мс, начало этой сверхмелодемы на слоге *ler* определено в соответствии с минимумом интегральной интенсивности слогов; длительность мелодемы: ...*lerinden biri olan Sevdarlı 'nın da kurtar...*, равна 1810 мс; длительность тактемы. ...*ri olan* равна 360 мс; длительность слога *lan* равна 200 мс. В тех случаях, когда отношение отрезков не дает числа, достаточно близкого к целому (расхождение превышает 10%), например, 3160:1810 = 1,75 ≈ ?, берется половина, третья часть, две трети или четверть периода, на который производится деление, например, вместо 1810 берется 1810:4 = 452,5, тогда 3160:452,5 = 6,98 ~ 7. Это означает выбор гармоник, которая укладывается возможно точнее целое число раз в периоде, выраженном делителем. Для слога *lan* мы исходили из временных отрезков: 16510; 3160; 1810:4 = 452,5, 360:4 = 90; 200:2 = 100. Ритмическая модель этого слога: (5, 7, 5, 1) или [5, 7]⁴, F₁ = 625 гц, F₂ = 875 гц. Для слогов *lar* (*Rumlar*) и *lan* (*mayınlanan*) в четвертом предложении⁵ получены соответственно ритмические модели (7, 2, 4, 1) или [4, 7]⁶ или [4, 8], F₁ = 500 гц, F₂ = 875 гц или F₂ = 1000 гц, и (5, 1, 5, 7), или [5, 7], F₁ = 625 гц, F₂ = 875 гц.

³ В квадратных скобках дана другая запись ритмической модели, содержащая непосредственно номера усиливающихся гармоник. Для обеих данных моделей присутствует еще и четвертая гармоника, которую мы не выписываем, считая ее, по общей закономерности, слабее второй. Частота форманты, например, для 2-й гармоники $\frac{100 \text{ гц} \times 2 + 150 \text{ гц} \times 2}{2} = 250 \text{ гц}$

⁴ В этих моделях произведение 5 × 7 дает 35-ю гармонику, попадающую в область третьей форманты, поэтому к области второй форманты отнесена 7-я гармоника (другие близкие усиления гармоник отсутствуют, поэтому полоса 7-х гармоник должна быть относительно четкой).

⁵ | *Rum* | *lar* | *tarafından* | *tahkim edilen* | *ve mayın* | *lan* | *an sahaları* | *temizleyerek* | *geçen birliklerimiz* |
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
окончание четвертого предложения (его общая длительность вместе с частью пауз равна 10280 мс) и перевод см в приложении к [2, с 133–134], длительность между отмеченными границами 1–5 1490 мс, 1–4 770 мс; 1–3 300 мс, 2–3 190 мс, 5–10 (+ часть паузы 305 мс) 2955 мс, 5–9 1730 мс, 5–8 1050 мс, 6–7 150 мс.

⁶ Единица в ритмической модели означает непосредственную корреляцию с более высоким уровнями ритма, поэтому, в данном случае, 4 фигурирует два раза, как это следует и из формального подхода (4, 4 × 1 = 4)

Для турецкого [a] экспериментально получено $F_1 = 500$ гц, $F_2 = 1300$ гц [11]. Полученные по ритмическим моделям частоты первых формант либо совпадают с этими данными, либо близки к ним. Частоты вторых формант по сравнению с этими данными несколько занижены. Что же касается французского [a] [12], то относительно него частоты вторых формант занижены в меньшей степени. В целом рассмотренные модели описывают компактный звук, близкий к [a].

Модели для [o] в словах *yoksun* и *yokluklar* в седьмом предложении⁷: (8, 1, 4, 2), или [4, 8], $F_1 = 500$ гц, $F_2 = 1000$ гц, и (7, 4, 4, 1), или [4, 7], $F_1 = 500$ гц, $F_2 = 875$ гц. Для турецкого [o] экспериментально получено $F_1 = 350$ гц и $F_2 = 800$ гц. Относительно этих данных частоты обеих формант, полученные по ритмическим моделям, несколько завышены. Относительно французского [o] с формантами $F_1 = 450$ гц и $F_2 = 900$ гц [12] отклонения незначительны. В целом можно, очевидно, считать, что в обоих случаях ритмические модели описывают звук, близкий к [o], хотя в случае слога *lar (Rumlar)* (см. выше) ритмическая модель дала такой же результат, как и для рассмотренной гласной [o].

Поскольку формирование фонем связано с преобразованием областей сплошного (непрерывного) изменения параметров в их регулярные дискретные реализации, определение этих дискретных реализаций (уровней) можно назвать квантованием фонем, а цифры в моделях ритма — квантовыми числами. Информация о ритмической организации соответствующих отрезков речи, представляя собой не что иное, как само качество звуковых сочетаний в слоге, содержится как в формантном составе слогаобразующего гласного, так и в конкретном характере переходных процессов, имеющих место в момент звучания согласных. Взаимное наложение различных ритмических периодов проявляется в том, что в точках стыков между периодами-слогами, периодами-тактемами и т.д. звуковая энергия не всегда обращается в нуль, а имеет те или иные минимальные значения. В древнейших состояниях языка эти значения имели случайно-непрерывные реализации. Последовательное формирование ритмических уровней речи проявлялось в том, что характер просодических минимумов обретал все более развитый набор регулярных дискретных реализаций. В этом заключается суть эволюции системы консонантизма. Из сказанного следует принципиальная возможность квантования согласных на основании тех же ритмических моделей, которые были описаны применительно к гласным.

Рис 4

В наиболее древнем состоянии языка, характеризующемся наличием лишь слогового ритма, имеется только две прафонемы — гласная и согласная (соответствуют слоговому максимуму и межслоговому минимуму). Формирование тактемого уровня ритма сопряжено с выделением трех согласных звуков (если наблюдается полученное нами усредненное соотношения числа слогов в тактеме, равное трем), соответствующих различным типам межслоговых минимумов,

⁷ |Kıbrıs'taki her olayda yiyecekten, içecekten, ilaçtan, yoksun bırakılan, yokluklar içinde kendi
1 2 3 4 5 6 7 8 9
olanaklarıyla kendilerini savunan Sevdarlı; все седьмое предложение (общая длительность с частью пауз
10

равна 14380 мс) и перевод см [2, с 133—134], длительности между отмеченными границами: 1—6 (вместе с частью паузы) 5290 мс, 6—10 (вместе с частью паузы). 4210 мс, 2—6 1580 мс; 6—9 490 мс, 3—5 360 мс, 5—8 370 мс, 3—4 (+ часть s) 200 мс, 6—7 190 мс

которые обозначены на рис. 4 цифрами 1, 2, 3. Образование мелодемного уровня ведет к образованию шести согласных прафоном (см. рис. 5)⁸.

Из сути структурности, заключающейся в многоуровневом свертывании прошлого движения [2, с. 124], следует распространение принципа биогенетического закона ("онтогенез есть краткое и сжатое повторение филогенеза" [13]) на социальную сферу и язык⁹. Изучение становления языковой способности у детей и проецирование соответствующих временных отрезков на ось филогенеза позволяет определить хронологию эпох языковой эволюции. Для построения в

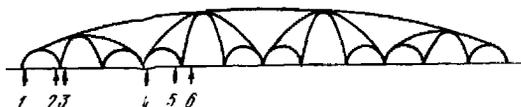

Рис. 5

первом приближении переводящей функции, описывающей соотношение между временами на осях филогенеза и онтогенеза, можно выбрать следующие шесть пар соотносительных точек: 1) 1,2 млрд. л. (зарождение жизни) и 30 л. (возраст, когда усредненный индивид в целом овладевает современным состоянием языка)¹⁰, 2) 570 млн. л. (начало палеозойской эры, переход от жизни в форме губок, моллюсков и червей к таким формам, как рыбы и земноводные) и 29,8466 л. (окончание зародышевого и начало плодного периода, конец восьмой и начало девятой недели)¹¹, 3) 245 млн. л. (начало мезозойской эры, активное развитие пресмыкающихся, постоянно обитающих на суше) и 29,2329 л. (сорок

⁸ Отсутствие мелодемного уровня ритма при инкорпорировании проявляется в виде отсутствия словосочетания как такового, с одной стороны, и отсутствия морфологического оформления словоформы, с другой, т.е. в виде отсутствия "расчлененных сочетаний слов, получающих свое морфологическое оформление" [14]. Развитие в соответствующих речевых сферах агглютинации показывает, что в инкорпорирующихся языках идет активный процесс формирования мелодемного и сверхмелодемного уровней ритма, сопряженных с формированием трех гласных и числа согласных фонем, близкого к 6 (в зависимости от усредненного числа слогов в такте). Так, например, в языке южноамериканских индейцев мура-пиракан имеется 10 фонем: 3 гласных ([i], [a], [o]) и 7 согласных [15].

⁹ Из данного подхода исходили многие ученые-психологи: "Эволюционно-биологический способ объяснения психического развития ребенка стал на рубеже XX в. господствующим" [16; с. 282]. С. Холл опирался "на теорию рекапитуляции, согласно которой ребенок в своем индивидуальном развитии повторяет вкратце главные этапы истории человеческого рода" [16, с. 280], хотя, с другой стороны, рассматриваемый подход подвергался одновременно критике (так, в книге М.Г. Ярошевского, взятой здесь в качестве источника, методика С. Холла называется "сомнительной" [16, с. 280]). Ср. также: "Ребенок в переходном состоянии обладает умственными свойствами, встречающимися в постоянном виде в первобытных цивилизациях, почти точно так же, как человеческий зародыш в переходном состоянии обладает физическими свойствами, встречающимися в постоянном виде у низших животных" [16, с. 281]; "П.П. Блонский находит параллели в переходе от одной ступени к другой как в истории культуры (филогенез), так и в индивидуальном развитии (онтогенез)" [16, с. 498]; "Употребление орудий ребенком напоминает орудийную деятельность обезьян только до тех пор, пока ребенок находится на доречевой стадии развития" [17]; "В первые годы постнатального развития каждый индивидуум из состояния человекообразного животного (при рождении) через стадию варварства (ребенок) переходит в человеческое состояние" [18, с. 433].

¹⁰ Выбор данной величины не является определяюще важным, т.е. другая величина существенно не повлияла бы на конечные результаты; мы исходили из усредненного возраста зрелости человека, после которого одни, продолжая развиваться, опережают свою эпоху, а другие, наоборот, двигаясь попятно, отстают от нее. Обе оси пересекаются в нулевой точке, условно соответствующей настоящему моменту в жизни 30-летнего индивида, при этом для получения указанных двух первых соотносительных точек по оси филогенеза (ось у) откладываем 1,2 млрд. л., а по оси онтогенеза (ось х) откладываем 30 л.

¹¹ Исходим из того, что 1 год = 365 дней, 1 день = 0,0027397 года, 8 нед. = 56 дн. = 0,1534 года, 30 — 0,1534 = 29,8466 года.

неделя, рождение), 4) 2,5 млн. л. (переход человекообразных обезьян к двуногой локомоции) и 28,2329 л. (возраст одного года), 5) 1,2 тыс. л. назад (начало письменности у тюрков)¹² и 22,2329 л. (семилетний возраст)¹³, 6) нули на обеих осях (настоящий момент) [20, с. 111—112; 21, с. 20, 50; 22, с. 329]. При единице измерения по оси у, равной 1 тыс. л., по оси х — 1 году, искомую зависимость приближенно описывают следующая функция (переводящая функция)¹⁴:

$$y = \exp [\exp (0,3047x - 6,43) - 1] - 0,3679$$

I стадия характеризуется праречевой аритмией. Ее окончание, т.е. начало II стадии (см. [2, с. 122], появление слогового ритма и прагармонемы) соответствует возрасту шести месяцев (первые попытки произносить слоги), начало III стадии (появление тактемого ритма и пратактеры) соответствует возрасту в один год (произносит отдельные слова), начало IV стадии (появление мелодемного ритма и завершение первой свертки пратактеры в тактему, праслова в слово) соответствует возрасту в 2 года (владеет словарным запасом около 300 слов) [22, с. 274]. На этой же стадии (III—IV) происходит формирование основ словообразования. Фоновая информация в высказываниях турецких детей появляется только в возрасте 4,5—5 лет (в более раннем возрасте детские высказывания ограничиваются лишь непосредственной передачей главной информации) [23]. В этой связи стадия IV—V (начало стадии V — появление интонемного для простого предложения, т.е. сверхмелодемного ритма), характеризуемая формированием словоизменения, соответствует возрасту от 2 до 4,5—5 лет. В этом возрасте (указан ниже в скобках рядом с примером) турецкие дети испытывают еще значительные трудности при выражении категорий аспекта, времени, падежа, притяжательности, проявление этих трудностей свидетельствует о процессах активного освоения данных категорий: (2.0) *Al-ami* вм. *alamıyorum* (Я не могу взять) [24, с. 262]; (2.0) *Geler misin?* вм. *gelebilir misin?* (Можешь ли ты прийти?); (Взрослый) — "*Kırmızı şapkalı kız*" anlat — (3.0) *Ben onu anlatmam da annem anlatıyor* вм. *anlatacak* (— Расскажи "Красную шапочку"! — Я не расскажу ее, мама расскажет) [25, с. 216]; (2, 4) *Bu açtım ben* вм. *bunu* (Я открою это) [25, с. 221]; (4, 9) *Ben güneş bakmak hoşlanıyorum* вм. *güneşe, bakmaktan* (Мне нравится смотреть на солнце) [24, с. 252]; (Взрослый) — *Yarın annenle parka gitmek ister misin?* — (3, 2) *Annem götürmez ki baban götürür* вм. *annem, babam* (— Ты хочешь завтра пойти с мамой в парк? — Мама не поведет же, поведет папа) [24, с. 262]. Стадия V—VI соответствует возрасту от 4,5—5 до 7 лет, когда происходит активное овладение правильным употреблением причастных и деепричастных оборотов, полипредикативных высказываний.

Таким образом, для оси онтогенеза имеем: $x_{II} = 28,7329(29,2329 - 0,5)$, $x_{III} = 28,2329$, $x_{IV} = 27,2329$, $x_V = 24,7329$ и $x_{VI} = 22,2329$, откуда начала стадий:

¹² Орхонские надписи, остальные центральноазиатские памятники и енисейские надписи относятся приближенно к VIII в. [19, с. 352].

¹³ Семилетний возраст как начало освоения ребенком грамоты является также усредненно-условным.

¹⁴ При подстановке указанных выше значений x эта функция дает следующие значения y :

	1	2	3	4	5	6
x (в годах)	30	29,8466	29,2329	28,2329	22,2329	0
y (в тыс. л.)	$1,24 \cdot 10^6$	$5,97 \cdot 10^5$	$0,56 \cdot 10^5$	$2,4 \cdot 10^3$	1,14	0

Данные значения в целом соответствуют требуемым величинам, кроме третьей точки, для которой значение, даваемое функцией ($0,56 \cdot 10^5$ тыс.л. или 56 млн.л.), меньше соответствующего требуемого значения (245 млн.л.) в 4,4 раза, что, однако, в качестве первого приближения, ориентированного в ряде случаев лишь на порядок искомых величин, мы сочли допустимым.

II — 10,7 млн.л., III — 2,4 млн.л., IV — 240 тыс.л., V — 7,6 тыс.л., VI — 1,1 тыс.л. назад.

Полученные данные удовлетворительно соотносятся с периодизациями антропогенеза и первобытного общества. Стадия I аритмии и прамеждометий наблюдается у человекообразных и даже низших обезьян [18, с. 427]. Возникновение слогового ритма (II стадия) характеризует появление антропоидов, приближенно датируемое как 10 млн.л. назад [18, с. 432] (= первая стадия антропогенеза, или стадия антропоидных предков человека): человекообразный дриопитек, рамапитек (Индия, 14 — 10 млн.л. назад), частично австралопитек [26, с. 27]. Признается "наличие нечленораздельной речи на первой стадии" [26, с. 34]. Биосоциальное объединение: наиболее примитивные формы первобытного человеческого стада. Эпоха формирования тактемы (слова) и предсловообразования (III—IV, охватывает период от 2,4 млн. до 240 тыс.л. назад) приходится на ранний палеолит и соотносится со стадией древнейших и древних людей (= вторая стадия, или стадия формирующихся людей): питекантроп, синантроп и др. [26, с. 29]. Признается существование "членораздельной речи на второй стадии" [26, с. 34]. Биосоциальная общность: праобщина, которая в конце данной эпохи (или в начале следующей) постепенно переходит в большую праобщину (неандертальская праобщина, 50—100 чел.) [26, с. 47]. Эпоха формирования словоизменения и собственно простого предложения (IV—V, 240 тыс. — 7,6 тыс.л. назад, датировка окончания этой стадии относится к тюркским языкам) охватывает третью стадию антропогенеза, связанную с зарождением человека разумного (неоантропа): кроманьонец (европеоид), грибальдийец (негроид) и найденный близ Красноярска монголоид [26, с. 30—33]. В данную эпоху зарождается род, который, по некоторым данным, приходит на смену праобщине в мустьерское время (100 тыс. — 40 тыс.л. назад) [26, с. 57; 21, с. 38]. Образование форм полипредикативности, сложного предложения и собственно устного текста (фольклор) (V—VI, у тюрков начинается 7,6—5 тыс.л. назад,¹⁵ или 5,6—3 тыс.л. до н.э. и заканчивается 1,2 тыс.л. назад, или приближенно в VIII в.н.э.) отмечает эпоху неолита у тюрков¹⁶. Развивается племя как новая этносоциальная общность [26, с. 61]. Начало VI стадии (письменность, у тюрков VIII в.) соотносится с раннеклассовым обществом [19, с. 375].

Структура языка является существенно открытой. Ее открытость не сводится к языковым контактам в узком смысле слова (= прежде всего различные заимствования), за ними стоят языковые контакты в широком и собственном смысле — организованное языком само взаимодействие социумов, сама социальная жизнь. В этой связи первоисточником формирования более высоких уровней языковой структуры является указанное взаимодействие между социумами (каждый данный уровень и есть не что иное, как само это взаимодействие, перешедшее в структуру). Единство синхронии и диахронии проявляется в том, что первая выступает схемой эволюции языка: "Синхрония — это застывшая диахрония" [28], ср. также [29]. Порядок расположения грамматических категорий в словоформе непосредственно воспроизводит порядок их формирования в диахронии.

¹⁵ Данная "вилка" соответствует подстановке в переводящую функцию возраста соответственно 4,5 и 5 лет.

¹⁶ Для сравнения можно добавить, что зарождение фольклора у шумеров в форме шаманства датируется 20—25 тыс.л. назад (возникновение письменности — 3 тыс.л. до н.э.) [27].

II	III	IV	V
10	2,4	240	7,6
млн.	млн.	тыс.	тыс.
л.	л.	л.	л.
s ö y	l e	r i l m e y e s e k s i n i z ¹⁷	
а)	б)	в) г) д) е)	
d a l	g a	l a r ı n d a ¹⁷	
а)	б)	ж) з) и)	
	слово-	словоизменение	
	обра-		
	зова-		
	вание		

Праязык есть система любого из восходящих к нему современных языков, но с отсеченным наивысшим уровнем структуры и соответствующим понижением ступени свертывания всех лежащих ниже уровней на единицу. При анализе разговорной речи указанное понижение сверток всех уровней остается, как представляется, незамеченным¹⁸, поэтому остается незамеченным и праязык, который можно обнаружить в разговорной речи, так сказать, в живом и чистом виде¹⁹. Именно на это указывает то, что носители родственных языков могут

¹⁷ Данную схему не следует понимать так, что, например, корень *söy* (*söz*) функционировал на стадии II—III в указанном виде. Его функционирование на названной стадии дается снятием шести ступеней свертывания (в соответствии с числом основных стадий эволюции), снятие каждой из которых равносильно качественному скачкообразному уменьшению четкости и дискретности реализаций его формальных черт. При снятии двух низших ступеней свертывания корень принимает (в обратном порядке) соответственно вид местоимения и, наконец, междометия (стадии II—III и III—IV характеризуются грамматикой междометий и местоимений соответственно, см. [2, с. 124]).

Söyletmeceksiniz (Вас не будут расспрашивать), *dalgalarında* (в его волнах): а) корень, б) словообразовательный аффикс, в) аффиксы залога, г) отрицание (аспект), д) наклонение-время, е) лицо-число, ж) множественное число, з) аффикс принадлежности, и) падеж. В целом данный порядок категорий наблюдается во всех тюркских языках. Для сравнения отметим, что в монгольском языке имеют место схемы. 1) корень + словообразование + залог (пассив, медиопассив, характер протекания действия) + наклонение-время + отрицание и 2) корень + словообразование + число + падеж + притяжательный аффикс [30, 31]; в финском языке: 1) корень + словообразование + залог (пассив, медиопассив) + наклонение-время + лицо-число и 2) корень + словообразование + число + падеж + притяжательный аффикс [32]. Различия между тюркскими, с одной стороны, и монгольским и финским языками, с другой, связаны с местом отрицания (в монгольском находится в конце или выражается аналитически, в финском выражается аналитически), а также с различным порядком следования падежного и притяжательного аффиксов. Сравнение схем словоформ показывает, что в целом (за отмеченными исключениями) становление структур этих языков происходило в одинаковой последовательности, при этом общность их эволюции нарушалась на этапах формирования: а) категории аспекта (отрицания) и б) категорий падежа и принадлежности. Относительно категорий падежа и принадлежности следует отметить, что в тюркских языках наблюдается "перекрещивание этих двух категорий" в виде наличия особых парадигм для склонения имен с аффиксами принадлежности [33], что указывает если не на одновременность, то на близость и непосредственную взаимосвязь эпох их формирования в тюркских языках.

¹⁸ Например, нечеткость произнесения отдельных звуков, частые отступления от норм в разговорной речи относят к случайным речевым отклонениям, ее "неорганизованности" [2, с. 125]. Эти речевые отклонения на самом деле случайны, но они отражают случайно-вероятностное подвижное инобытие того, что в дискретной форме дано в соответствующем уровне структуры, т.е. выступают понижением степени свертывания и потому вполне закономерны.

¹⁹ Реальную современную данность, например, тюркского праязыка можно представить в виде той массы речевых произведений, которые порождаются на всей территории проживания тюркских народов в строго определенных сферах разговорной речи и очищены от смешения с реализациями структур соответствующего наивысшего уровня (с исключением, разумеется, и всех общепонятных неисконных элементов, например, современных интернационализмов). Эта масса речевых произведений будет одинаково понятна всем представителям тюркского социума, а (всегда неизбежные) случаи недопонимания, неопознания некоторых исконно тюркских элементов (несмотря на поддержку разговорно-речевых реализаций данностью конкретной ситуации общения) и некоторые побочные эффекты (например, кажущаяся коммуникантам комичность некоторых выражений) будут в принципе точно отражать то, что имело место в общении двух тюрков в прошлом вследствие скачкообразно более широких (по сравнению с современным состоянием) случайно-вероятностных отклонений в речи каждого из них.

легко договориться в сфере обыденной речи, а определенные возгласы и речения понятны людям всего мира.

Как отмечалось, каждый уровень выступает структурной схемой (переходом в структуру) определенного этапа взаимодействия между социумами. В период, предшествующий данному этапу контактов, в совокупности еще разрозненных социумов в полном объеме присутствуют те моменты, которые в будущем проявятся в квантованно-дискретной форме конкретных языковых различий, но они присутствуют еще лишь как вероятностно-определенные реализации, постоянно пробегающие весь диапазон вариантов, т.е. в виде некоторого подвижно-аморфного единства. Исходя из этого, в противоположность языковым контактам в узком смысле, влияющим на "возникновение у нескольких языков... общих структурных свойств" [19, с. 234], собственно языковые контакты (в широком смысле) приводят к структурному отграничению и разграничению того аморфного единства (= единообразия), которым обязательно обладает множество социумов в разрозненном состоянии (= отсутствие контактов между ними)²⁰. Аморфное единообразие разрозненного лежит в основе, как представляется, моногенеза языков, понимаемого, однако, вовсе не в смысле их происхождения из одного источника, мыслимого в виде той или иной (какой бы то ни было) одной структуры. Язык произошел не из структуры, а из движения. Из сказанного следует, что стадия II—III (10 млн. — 2,3 млн.л. назад) описывает праязык, единый для всех народов мира. Это подтверждает справедливость слов о том, что у человека "был один язык — голос" (идея, отраженная в ветхозаветном рассказе о вавилонском смещении языков и в древнегреческой загадке Эдипа, см. [19, с. 308]). Из сказанного одновременно следует также общая хронология праязыков, так как главные разделы классификации языков [19, с. 97] и есть не что иное, как основные стадии их эволюции.

II	III	IV	V	VI
10 млн.	2,4 млн.	240 тыс.	7,6 тыс.	1,1 тыс.л. назад
праязык	восточная ветвь, урало- алтайский	алтайский	тюркский	современные языки

С учетом выводов некоторых ученых о возможности выделения двух глобальных языковых ветвей на основе анализа типов личных местоимений 1 и 2 л. ед. числа в языках мира (см. [2, с. 126]), а также сходства этих местоимений в алтайских и уральских языках [34, с. 113], урало-алтайской гипотезы [19, с. 527] и принципиальной общности порядка грамматических категорий в словоформе этих языков (ср. выше) урало-алтайский праязык включен в стадию III—IV, которую можно охарактеризовать как стадию местоимений [2, с. 124].

Рассмотренная хронология праязыков выступает лишь принципиальным ориентиром, на который должна быть наложена более конкретная периодизация. Так, современные тюркские языки образовались в новотюркскую эпоху (XV—XX вв [35]). Переход от алтайского праязыка к тюркскому (выделение последнего из первого) происходил весьма долгое время. Важной конкретизацией при этом служат отмечавшиеся выше особенности структуры словоформы. Наличие аффикса аспекта (отрицания) в позиции после аффикса залога как отличительная

²⁰ Собственно языковые контакты не сглаживают различия, а наоборот, выявляют их. Если бы суть языковых контактов состояла в снятии полагаемых ранее существующими различий, то в современном мире не было бы структур (государств, языков и пр.). Общая схема, на наш взгляд, такова: аморфное единообразие (= случайно-вероятностные реализации во всем диапазоне возможного) — структурное отграничение и разъединение — единство, возможное лишь как единство различного.

особенность тюркской глагольной словоформы указывает на первое структурное проявление зарождающегося собственно тюркского праязыка. Если период формирования языковой способности, охватывающий возраст от 2 до 4,5 лет (ориентировочно-последовательное овладение категориями залога, аспекта, времени-наклонения, лица-числа), условно разделить на четыре части, то с аспектом соотносится примерно возраст 3 лет ($x = 26,2329$ л). Переводящая функция дает 40 тыс.л. назад ($y = 42,9$ тыс.л.), т.е. упомянутое первое проявление приходится примерно на это время.

Выводы данной работы позволяют добавить линию эволюции фонологической системы к схеме статьи [2, с. 122] (указанные особенности считаются сложившимися на начало соответствующей данной стадии): III (2,4 млн.л. назад) — образование области первых формант, 1 прагласная, 3 прасогласных; IV (240 тыс.л. назад) — образование области вторых формант, дифференциация первых формант (узкие-широкие), 2 прагласные, 6 прасогласных; V (7,6 тыс.л. назад) — образование области третьих формант, дифференциация вторых формант и дальнейшая дифференциация первых формант, ряд, компактность-диффузность (конкретное число фонем для данной стадии в настоящей работе не рассматривалось); VI (1,1 тыс.л. назад, VIII в. н.э.) — буква, 8 гласных, 21 согласная фонемы (для современного турецкого языка).

В заключение необходимо сделать следующие замечания. Излагаемая теория опирается на два исходных принципа: 1) единство синхронии (= языковой структуры и диахронии (= языкового движения) и 2) распространение пользующегося в той или иной степени всеобщим признанием в сфере биологии [18, с. 372] биогенетического закона на сферу социальную и язык. Эти принципы сами по себе в данной работе не рассматриваются, но принимаются как истинные, поэтому вполне естественно, что в заголовке настоящей статьи фигурирует слово "гипотеза".

Вместе с тем, однако, говоря о гипотетичности моделей эволюции, следует подчеркнуть и другой — намечающийся принципиально иной подход к проблемам глоттогенеза, который связывается с "диалектическим снятием дихотомии временного хода и разреза (диахронии и синхронии)" [36]. При этом, как нам представляется, речь должна идти о преодолении фактического отчуждения между трактовками названных аспектов, находящего свое выражение в весьма распространенных представлениях о том, что проблемы глоттогенеза относятся якобы к вещам принципиально недоказуемым (не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты) и все соответствующие концепции обречены быть лишь умозрительными гипотезами. В основе подобных представлений, как кажется, лежит имплицитная подмена требования доказательности требованием, так сказать, непосредственной наблюдаемости, т.е. абсолютизация традиционных методов сравнительно-исторического языкознания, при котором под фактическим материалом понимаются лишь письменно зафиксированные факты прошлых состояний языка. Такая подмена и отмеченные представления в целом являются по сути не чем иным, как лингвистическим агностицизмом, поскольку невозможность доказательного изучения языковой эволюции неизбежно означала бы и невозможность познания языка вообще (без знания прошлого невозможно и адекватное познание настоящего). Доказательность не может сводиться к требованию непосредственной наблюдаемости. Во-первых, всякое доказательство опирается на определенные основания (аргументы), которые "принимаются (разрядка наша. — *Щ.Ю.*) за истинные", во-вторых, "возможны доказательства, устанавливающие истинность тезиса не с достоверностью, а с некоторой вероятностью" [37]. Лингвистика, стремясь к развитию своих методов, не может не учитывать общих подходов к доказательности, принятых в других науках, и в частности в физике, где доказанными считаются многие фундаментальные положения, которые не только принципиально ненаблюдаемы (аналогично большинству фактов языковой эволюции), но и вообще не поддаются сколько-

нибудь наглядной репрезентации: «Механические законы "инерции" и "силы", законы Ньютона — все они оказались непригодными в мире атомов... Поведение малых телц совершенно "неестественно"; оно противоречит нашему опыту, оно вообще ни на что не похоже и его нельзя описать никаким иным путем, кроме аналитического» [38].

В свете сказанного следует иметь в виду, что в основе полученной в настоящей работе переводящей функции лежат не просто те или иные аналогии между становлением языковой способности у детей и этапами глоттогенеза. Данная функция выражает соответствующий строгий закон, ожидающий своего доказательства. Принципиально возможна и доказательная верификация глоттогенетической теории на основе изучения рекапитуляционных (отражающих древние состояния языка) особенностей функционирования как интонологических, так и традиционно-языковых единиц в различных сферах речи, а также изучения преломления стадий языковой эволюции в типологически различных языках (например стадии формирующегося словоизменения в инкорпорирующих языках, о чем уже упоминалось в данной статье).

Итак, изложенная теория названа гипотезой не потому, что в ней рассматриваются проблемы глоттогенеза, но исключительно лишь в силу сознательного отграничения материала, связанного с необходимостью обоснования некоторых исходных посылок отдельно в других работах, а также с необходимостью верификации изложенных положений, их развития и дальнейшего уточнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Щека Ю.В.* Гармонема и тактема как интонологические единицы и их особенности в турецкой разговорной речи // ВЯ. 1989. № 5. С. 68.
2. *Щека Ю.В.* Элементы теории синтаксической связи и интонологии в синхроническом и диахроническом освещении // ВЯ. 1992. № 5.
3. *Ландсберг Г.С.* Оптика. М., 1976. С. 198—204.
4. *Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М.* Фейнмановские лекции по физике. Т. 5. М., 1977. С. 56.
5. *Калашников Э.Г.* Электричество. М., 1977. С. 35.
6. *Либерман А.С.* Исландская просодика. Л., 1971. С. 6.
7. *Стрелков С.П.* Механика. М., 1975. С. 463.
8. *Сорокин В.Н.* Теория речеобразования. М., 1985.
9. *Долотин К.И., Поспелов Б.В.* К вопросу линейной аппроксимации зависимости формантных частот гласных от частоты основного тона // Вестн. МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 1988. № 4. С. 65.
10. *Поспелов Б.В., Долотин К.И., Казаков А.Э.* Экспериментальное исследование влияния частоты основного тона на ширину и амплитуду формант гласных звуков // Вестн. МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 1989. № 4. С. 65.
11. *Ховратович В.В.* Спектральный анализ гласных турецкого языка // СТ. 1986. № 2. С. 93.
12. *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. М., 1975. С. 67.
13. *Психологический словарь.* М., 1983. С. 315.
14. *Мецианинов И.И.* Глагол. Л., 1982. С. 21.
15. *Иванов Вяч.Вс.* Современные проблемы типологии // ВЯ. 1988. № 1. С. 118.
16. *Ярошевский М.Г.* История психологии. М., 1985.
17. *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т. 6. М., 1984. С. 22.
18. *Грант В.* Эволюционный процесс. М., 1991.
19. *Лингвистический энциклопедический словарь.* М., 1990.
20. *Алексеев В.П., Першиц А.И.* История первобытного общества. М., 1990.
21. *Всемирная история.* Т. 1. М., 1955.
22. *Большая медицинская энциклопедия.* Т. 6. М., 1977.
23. *Кос А.* Role of transitivity in acquisition // Türk dilbilimi konferansı bildirileri. Istanbul, 1984. P. 244.
24. *Ekmakçi Ö.* The developmental errors in the pre-school Turkish children's speech // Türk dilbilimi konferansı bildirileri. Istanbul, 1984.
25. *Slobin D., Talay A.* Development of pragmatic use of subject pronouns in Turkish child language // Türk dilbilimi konferansı bildirileri. Istanbul, 1984.
26. *Федер Д.Г., Черкасова Е.А.* История древнего мира. Ч. 1. М., 1985.
27. *Hassan Ü.* Eski Türk toplumu üzerine incelemeler. Istanbul, 1985. S. 71.
28. *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 162.

29. *Щека Ю.В.* Принципы истории языка // Тюркология-88. Фрунзе, 1988. С. 75.
30. *Галсан С., Грабарь И.А.* Учебник монгольского языка для иностранцев. Улаанбаатар, 1989.
31. *Roppe N.* Khalkha-mongolische Grammatik. Wiesbaden, 1951. S. 53, 56.
32. *Collinder V.* Survey of the Uralic languages. Uppsala, 1957. P. 26, 33, 36.
33. *Благова Г.Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. М., 1982. С. 33.
34. *Баскаков Н.А.* Тюркские языки. М., 1990. С. 61.
36. *Якобсон Р.О.* Предисловие // Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. I. Тбилиси, 1984. С. XIV.
37. *Философский словарь.* М., 1991. С. 126—127.
38. *Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М.* Фейнмановские лекции по физике. Т. I. М., 1977. С. 46.

© 1994 г. ЗЕЛИКОВ М.В.

ЭЛЛИПТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ЯЗЫКАХ ИСПАНИИ

(Ареальные черты, происхождение и функционирование)

Понятие эллипсиса (сокращения) той или иной языковой единицы в речи или тексте как грамматической фигуры восходит к трактату "Об ораторском искусстве" Квинтиллиана из васконского города Калагура (совр. Калаорра) в Тараконской Испании. Несмотря на то, что изучение настоящей фигуры признается важным этапом для развития синтаксиса [1, с. 74], исследователей в основном занимал риторический аспект проблемы. Так, в комментариях к художественным текстам эллипсис оценивался как языковая неправильность того или иного автора и рассматривается в одном ряду с отсутствием согласования и анаколютом, а также как экспрессивное средство, придающее тексту динамичность, выразительность и повышающее силу эстетического воздействия на читателя [2, с. 64]. С античных времен эллипсис воспринимается как разумное и здоровое сокращение, способствующее быстрой доходчивости фразы. Следствием отнесения эллипсиса к стилистическим ресурсам языка было практически полное исключение его из традиционных грамматик, ориентированных, как правило, на изучение литературного стиля.

Опущение или пропуск элемента, направленное на снятие избыточности, так или иначе непосредственно связано с грамматическими возможностями того или иного языка — один из приемов, находящихся в арсенале говорящих в процессе коммуникации. Тем не менее можно констатировать, что единственной фигурой сокращения, хорошо исследованной в грамматиках древних и современных и.-е. языков, является зевгма, в основном интересовавшая исследователей как риторический прием [3], — "окказиональное сочинение как пропуск одного из компонентов высказывания, легко восстанавливаемого из контекста, при котором смысловая ясность обычно обеспечивается смысловым и/или синтаксическим параллелизмом" [4]. Сведение к зевгме практически всей проблематики эллипсиса объясняется литературной спецификой текстов, послуживших основным материалом при написании грамматик, в которых она является наиболее частотной эллиптической единицей. В наибольшей степени это относится к ранним памятникам и.-е. языков [5]. По признанию основателя структурного направления в исследовании синтаксиса П. Лемана, "модели эллипсиса еще только требуют своего более детального изучения" [6].

В большинстве случаев под обозначением "эллипсис" имеется в виду исключительно зевгма. Так, в комментариях к произведениям Святой Тересии Авильской указывается, что проза ее помимо зевгмы содержит большое количество разнообразных эллиптических моделей [2, с. 63], которые, в отличие от зевгмы, требуют специального изучения. Именно они составляют специфику структуры конкретных языков. При переводе диалогического фрагмента кастильского говора из Сеспелоса де Тормес *A'ndæ vais? — A garbanzos (← a comer garbanzos)* [7] зевгматическая структура ответной реплики сохраняется, в то время как эллиптическая специфика (опущение инфинитива глагола *comer*) не передается: "Куда идете? — (Идем) есть бобы".

Подобное положение не может считаться удовлетворительным уже потому, что внушительный регистр грамматических (синтаксических) моделей с пропущенным

компонентом отражает необходимую для функционирования любого языка тенденцию к компрессии высказывания, связанную с объективным законом к языковой экономии или принципом наименьшего усилия, противопоставленную тенденции к избыточности (А. Мартине), (плеоназм, перифраза или специальные модели синтаксической эмфазы [8]). На две важные, противопоставленные "антагонистические" тенденции разговорного языка — "убывающую" и "замедляющую" указывает В. Байнхауэр [9]. Компрессия, как и суперсегментация (= пресуппозиция), обуславливаемые стремлением к передаче большего количества информации в единицу времени, являются двумя способами, осуществляющими тенденцию языкового развития [10].

«Если возможность невербального мышления заложена в самой природе человеческого мозга, — отмечает А.Т. Кривоносов, — то это свойство мозга не может не отразиться и действительно отражается в структуре языковых построений в тексте. Мысль о возможности невербального мышления возникает в языке в связи с изучением различного рода эллиптических, одночленных, односоставных предложений и в связи с проблемой "подтекста". Отметим, что и полные, распространенные предложения содержат в себе смыслы, непосредственно не представленные в единицах этих предложений, т.е. являются трансформом нескольких предложений с такой глубинной структурой, которая представляет собой "спрессованный" вариант нескольких предложений: они выступают лишь в "свернутом виде" в качестве второстепенных членов данного предложения» [11, с. 73]. И далее: «Число предложений в тексте всегда меньше их пропозиционных содержаний (нет компрессии содержания, а есть лишь компрессия языковой формы — номинализация, свертывание структур). Поэтому явление компрессии, уплотнения вербального состава текста (*Verdichtung*) — одна из существенных характеристик текста, который представляет не только линейное следование предложений, но и линейное следование свернутых пропозиций. Если раньше мы полагали, что только в видимых и слышимых формах языка реализуется мышление, то сейчас должны признать, что мышление реализуется не только непосредственно в формах языка, но и опосредованно, косвенно, "между строк", между строго определенными словами и строго определенными предложениями» [11, с. 74].

Компрессия, являясь одним из грамматических средств, обуславливающих прагматику высказывания, определяет многие известные характеристики в области синтаксиса разговорной речи, особенно ярко проявляющиеся в условиях диалога. В их числе — фрагментарность, "лоскутность" конструкций, краткость и неразвернутость предложений, возможность недосказанности, обрыва [12].

Кроме того, как отметил Е.Д. Поливанов, «в сущности все, что мы говорим, нуждается в слушателе, понимающем "в чем дело". Если бы все, что мы желаем высказать, заключалось бы в формальных значениях употребляемых нами слов, нам нужно было бы употреблять для высказывания каждой отдельной мысли гораздо более слов, чем это делается в действительности. Мы говорим только необходимыми намеками» [11, с. 75]. Экспериментальные исследования позволили психологам также установить, что свертывание речевых высказываний происходит за счет выпадения достаточно усвоенных общих положений по типу логических энтимем [13].

Известно, что на уровне текста существует как бы два "этажа": мысль, выраженная явно, и мысль, выраженная неявно. Отсюда понятно, почему в последние годы столь пристальный интерес лингвистов обращен к когнитивной лингвистике, к лингвистике смыслов [11, с. 74]. В положении о двух "этажах", вполне применимом и к диалогической речи, тем не менее, важно, на наш взгляд, подчеркнуть, что исчерпывающее предварительное исследование ресурсов первого "этажа" (способы явного выражения мысли) явится необходимым условием для успешного перехода к исследованию второго "этажа" (способы неявного выражения мысли). В числе ресурсов первого "этажа", относящихся к компрессии, имеются совершенно

устойчивые, регулярные модели и стереотипы предложений, которые выкристаллизовались в естественном языке и своей семантико-синтаксической формой уже отражают такую закономерность человеческого мышления, как способность элиминировать некоторые промежуточные мысли, служащие отражением наиболее общих положений, добытых человечеством ("общим фондом знаний" собеседника, их "общей апперцепционной массой") [11, с. 79].

Первостепенной задачей ближайших исследований должно стать выявление конкретного набора сверхфразовых единств, синтаксических построений, словосочетаний, сложных и простых слов, равно как и семантического наполнения этих единиц языка, дающих богатейшие возможности элиминации (компрессии) языковых форм для выражения различных форм мысли [11, с. 81].

Стремление к возможно более полному исследованию синтаксического арсенала диалогической речи обуславливает необходимость считать методически оправданной точку зрения об эллипсисе как о высказывании, в котором отсутствует любой компонент, обязательный для правильных с позиции универсальной грамматики конструкций. Универсальная грамматика восходит к учению великого испанского грамматиста XVI в. Франсиско Санчеса де лас Бросас (Бросенсе), развившего идеи своего предшественника и соотечественника Квинтилиана: эллипсису посвящена четвертая часть его универсальной грамматики "Минерва" (1562 г.) Обращение к проблеме эллипсиса актуально и в настоящее время и по отношению к современным языкам. После десятилетий игнорирования настоящего явления в традиционных грамматиках и извлечения его из забвения в XX в. последователями Н. Хомского изучение происходит в русле рассмотрения других, как правило, глобальных проблем общего языкознания. На материале французского языка эллипсис хорошо исследован как стилистическое явление [14; 15, с. 196] и рассматривается в теоретических грамматиках [16].

Тем не менее необходимо описание и изучение всей шкалы эллиптических возможностей. Выявление конкретного набора компрессивных моделей на материале современных романских языков в принципе осуществимо. Отметим при этом, что в зарубежной испанистике исследование эллиптических моделей все еще носит фрагментарный характер [17, 18]. Кроме того, отдельные компрессивные эллиптические модели, зачастую как эллиптические не определяемые, рассматриваются в исследованиях, посвященных изучению целого комплекса проблем разговорного языка [19, 20], а также отрывочно указываются как конкретные языковые проявления различных психолингвистических факторов [21]. В отечественной испанистике внимание эллипсису уделяется только в известной монографии Н.Д. Арутюновой [22]. Не ставился до настоящего времени и вопрос о совокупности факторов, повлиявших на происхождение конкретных эллиптических моделей.

В настоящей работе как эллиптические рассматриваются все компрессивные усеченные и неполные модели испанского языка. Принцип компрессии — опущение [силепсис, или отсутствие согласования или умолчание (эллипсис *par excellence*)] какого-либо элемента. Таким образом, к эллиптическим мы относим все конструкции с легко восстанавливаемыми из конкретной ситуации элементами, а также конструкции с нулевой связкой, в роли которой выступает либо экзистенциальный, либо активный глагол. Обязательным критерием эллиптичности является требование к наличию полного коррелята той или иной модели в современном языке.

В ряде работ испанских авторов 70—80-х годов в числе явлений разговорного синтаксиса приводятся некоторые неполные модели диалогической речи. Однако систематическое изучение компрессии их структуры до настоящего времени не проводилось [23, 24].

Как мы предполагаем, все основные случаи синтаксического эллипсиса (т.е. определяемые критерием наличия полных коррелятов в современном языке и легко восстанавливающие недостающие элементы из ближайшего контекста) можно

объединить в следующие группы: 1) конструкции с недостающим элементом позиции; 2) конструкции с опущением части периода (включающие модели с имплицитным модусом и инфинитивные предложения, утратившие управляемый глагол, описанные Ф. Санчесом). К конструкциям первой группы мы относим: а) модели эллипсиса существительного, узнаваемого по наличию различных детерминативов (в их числе определенный и неопределенный артикль, определение, глагол); б) модели эллипсиса определения (в свою очередь распознаваемые по именному и глагольному детерминативам); в) модели эллипсиса глагола (здесь можно отметить полное опущение глагольной формы, модели эллипсиса первого или второго компонента аналитического сказуемого и модели эллипсиса неличных форм глагола); г) модели эллипсиса служебных частей речи — предлогов, союзов, артикля.

К конструкциям второй группы мы относим: а) эллипсис предложения в пословицах и поговорках, представляющих сложный период; б) эллипсис главного предложения (полный или частичный); в) эллипсис придаточного предложения (полный или частичный).

В числе моделей эллипсиса главного предложения — конструкции с имплицитным модусом, имеющие место при опущении глагола главного предложения и изучавшиеся Санчесом для объяснения отдельных случаев латинского конъюнктива. С ними смыкаются модели так называемого независимого инфинитива, непротиворечиво объясненные Санчесом, ибо они также имеют эллиптическую природу [1, с. 90]. Отметим, что предпринятые в отдельных работах [23, с. 23] попытки объяснения последних в связи с особой предикативностью инфинитива, дающей ему возможность функционировать вместо личных форм, несостоятельны. То же следует отнести и к герундию, "независимые" модели которого образуются в результате опущения первого компонента составного сказуемого. Особую группу эллиптических конструкций составляют модели трансформации по цели высказывания и по структуре и смежные инверсионно-эллиптические и эмфатическо-эллиптические модели. Не вызывает никакого сомнения, что трансформационному эффекту в них сопутствует опущение различных компонентов. Вопрос о конкретном семантическом наполнении моделей всех приведенных групп эллиптических конструкций рассматривается особо [26].

Основным назначением настоящей работы является акцентуация роли компрессии в процессе диалога как важнейшего фрагмента теории речевых актов, что в свою очередь помогает прояснению сложных явлений структуры предложения. Высокую функциональную нагрузку в разговорном испанском имеют модели трансформации вопросительных условных предложений в восклицательные: *¡Si él es tranquilo y bueno!* (Киньонес) — *¡Cómo puede hacerlo si es tranquilo y bueno?* "Он же такой спокойный и добрый!" Ср. исходный вариант рассматриваемой модели, представляющий в полном виде сложноподчиненное (с придаточным условным) вопросительное предложение в переводе "Селестины", осуществленном К.Х. Селой: *Cómo has pensado hacerlo, si es un traidor?* [27, с. 73] "Как ты могла подумать сделать это, коли он предатель?" Примечательно, что в оригинале в настоящей диалогической реплике вместо *si* — релятивный союз *que* (*¡Cómo has pensado hazerlo, que es un traidor?*), несомненно, сообщающий высказыванию большую экспрессию (*si* в этом плане = *que* только в компрессивной модели).

Настоящие модели неоднократно привлекали внимание грамматистов. Л. Контрерас рассматривает их как независимые эмфатические предложения [28]. А. Нарбона Хименес считает, что о них нельзя говорить как о "прерванных" структурах, полагая, что они "находятся в одном шаге" от моделей типа *si tú supieras!* "если бы ты знал..." и *si tú vieras lo grande que está!* "если бы знал, какой он большой", поскольку конкретное наполнение их затруднительно ("toda suspensión indefinida deja abierta la posibilidad de una significación elativa" [24, с. 250]). Отметим, что подобное уподобление не может рассматриваться как правомерное по нескольким причинам. Дело в том, что модели *¡si las tengo!*; *no, ¡si me gusta!* и *¡si es*

que no dices más que cosas raras! в отличие от предыдущих восклицательными становятся только в результате трансформации вопросительных предложений. Зачастую это ответные реплики в диалогах, которые, если исходить из коммуникативной характеристики, являются рематическими [15, с. 197]. При этом следует иметь в виду, что, как это отмечал М.М. Бахтин, "диалогические отношения возможны и к своему собственному высказыванию в целом, к отдельным его частям и к отдельному слову в нем" [29]. Тематический характер, несмотря на отдельные трудные для восстановления примеры, при этом имеют опускаемые главные предложения вопросительного условного периода, смысл которых точно угадывается из ближайшего контекста диалога или эксплицируется в вопросительном предложении непосредственно компрессивной модели с *si*. Ср.: *¿Usted no sabe donde está la Mina Rica? Pero, hombre de Dios, si mi pueblo es famosísimo* (Самора Висенте) — ... *¿Cómo no lo sabe, si mi pueblo es famosísimo* "Вы не знаете, где находится Мина Рика? Но, мил человек, ведь мое селение такое известное!"

Приведенные примеры убеждают в том, что опущение в настоящих моделях носит характер по существу зевгматический. Оно обусловлено стремлением к экономии в условиях полного понимания того, о чем идет речь. Особенность подобных пропозиций, представляющих акт речи, состоящий в произнесении говорящим предложения в ситуации непосредственного общения со слушающим, и является объектом исследования теории речевых актов [30, с. 11]. Возможность опущения главной части, влекущая за собой трансформацию цели высказывания, всегда обусловлена здесь иллокутивной зависимостью их в конкретном отрезке диалога, сама структура которого опирается на иллокутивное вынуждение, подобно тому, как структура предложения формируется на основе синтаксической связи (подробнее об этом [31, с. 87—88]). Конкретный состав настоящих синтаксических структур вызывается характером (иллокутивным назначением) реплик из предшествующего речевого отрезка — интенции (намерения, речевого замысла), [30, с. 15], в свою очередь представляющего иллокутивно независимый речевой акт [31, с. 87].

В независимых восклицательных моделях типа *¡si tú supieras...!* конкретное наполнение исключается. В отличие от трансформированных моделей вопросительных предложений, опущенный аподосис которых всегда повторяет предшествующую вопросительную фразу, в полном виде они могут восходить к условному периоду с разнообразной структурой. Набор недостающих компонентов дополнения (или группы дополнений) произволен. В процессе коммуникации они неизвестны адресату и не могут быть конкретизированы самим говорящим (Ср. *¡si tú supieras eso!*; *¡si tú supieras lo que valen!*; *¡si tú supieras que podría hacer!* и т.д.). Примечательно и то, что характер аподосиса в них может быть различным и связанным с различными причинами [51, с. 202] никогда не является зевгматическим. Ср.: *¡Si tú supieras eso nunca se lo dirías!*

Трансформация повествовательных моделей в восклицательные может иметь место и в случае опущения главного предложения, придаточные которых, вводимые союзом "como", имеют сложный статус условно-уступительных в диалогической речи. Восстановление, как и конкретный смысл эксплицированного придаточного, обязательно связано с широким контекстом. Ср.: *¿Cómo no se nos lleve a la cocina!* (Самора Висенте) "Отвел бы он нас на кухню!", букв.: "А то он не ответит нас на кухню!" Ср. полный вариант с настоящей моделью: *...aquí no escarba nadie como no venga la reina* (Делибес) "...копать здесь никто не будет, пусть хоть сама королева приезжает" (= ..если только сама королева не приедет").

Практически только начинается изучение моделей трансформации структуры,

¹ Ср. эффект шутки: *Стой, стрелять буду!* *Стреляю*, основанный на обыгрывании намеренного невосстановления аподосиса в первом предложении, необходимого для его обычного понимания. Фраза, лишенная своего истинного значения (*Стой, если не остановишься, стрелять буду!*) приобретает анекдотическое и императивное. Ср. возможные варианты переводов на испанский: *¡Alto!* *¡Si disparo!* (= *¿Cómo no te paras si disparo?*) *Dispare* (условный) и *¡Alto!* *¡Voy a disparar!* *Disparo* (императивный).

представляющих смешанные инверсионно-эллиптические и эмфатико-эллиптические конструкции. Связь инверсии и эллипсиса, отмечаемая в некоторых исследованиях [32], обусловлена тем, что языковая структура всегда представляет собой систему взаимосвязанных элементов, явлений и процессов. Так, в тексте радиорепортажа о соревнованиях по боксу эллиптические именные фразы подаются в инвертированном порядке (сперва действие а затем деятель, а не наоборот, как обычно) [33].

В ряде случаев можно предположить, что инверсионное изменение структуры предложения является следствием эллипсиса одного из компонентов. Ср. при опущении существительного: *A poco llegaste tú* (Делибес) — *Al poco tiempo llegaste tú* — *Tú llegaste a poco tiempo* "Скоро пришел ты" (ср. изменение значения в случае *Tú llegaste al poco* "Ты пришел к немногому"). При опущении глагола: *¡Y eso qué?* — *Y eso qué es?* — *Y qué es eso?* "А это что?"; *Buena carrera esa* — *Buena carrera tiene ese* — *Ese tiene buena carrera*. "Хороша карьера у этого" (ср. изменение значения в случае *Esa buena carrera* "Это хорошая карьера").

Очень часто изменение порядка слов является следствием опущения связочного глагола: *¡Míralo! Guapoéll!* (Фернандос Сантос) — *El es guapo* "Глянь на него! Красив!" (инверсия как необходимость избежать совпадения с субстантивированной моделью *el guapo* "красавчик").

В эмфатико-эллиптических моделях имеет место столкновение двух антагонистических тенденций. Хорошо известные эмфатические модели с опорным *ser* "быть", вопреки мнению авторов стилистики испанского языка, не являются "паразитическими" [34, с. 87]. Это производные, неполные варианты, восходящие к эмфатическим предложениям типа *lo que pasa (ocurre, sucede* и т.д.) *¡La cosa (el caso)!* *La fetén es que* "Дело в том, что...". Эллипсис первоначально расширенной структуры является экспликацией хорошо известной тенденции к одновременному расширению и компрессии в процессе спонтанной речи. Ср. аналогичные модели с *Lo que* (— *Lo que pasa es que*); *¡Lo que has tardado!* "Ты ведь опоздал!". Ср. также инверсионную трансформацию в рамках настоящей компрессивно-расширительной модели: *Pasa que son muchas horas de ir y de venir* (Гроссо) — *Lo que pasa es que son...* "Дело в том, что он уже много часов ходит туда-обратно". Инверсия при трансформации можно отметить и в предложениях с эллиптическо-эмфатическим *sí (que) guapa sí (que) lo es* — *ella sí que es guapa* "Красива она действительно", отличающихся от экспрессивных эллиптических моделей с *si* (см. выше), которые, однако, могут функционировать в составе эмфатических конструкций с опорным *ser*: *¡Si es que la gente estaba deseando llamarlo...!* В основе этого предложения две модели — компрессивная: *Si la gente estaba deseando llamarlo* (— *¡Cómo puedes dudarle si...?*), которая является компонентом расширительной: *si que la gente...* "Дело в том, что люди ведь хотели позвать его...!" Несомненно компрессивной является эмфатическая модель всего предложения, относящаяся к типу *cuando...* [35], в исходном варианте восходящей к временному придаточному сложноподчиненного предложения, восстановление главной части которого затруднительно. Ср.: *cuando yo digo* "я же говорю" (о других типах эллиптическо-эмфатических моделей см. [35]).

Анализ компрессивных структур с имплицитным модусом в сложноподчиненных предложениях позволяет выявить закономерность употребления "неправильных" с точки зрения универсальной грамматики времен и наклонений. Так, опущение глагола *hacer* в главном предложении эксплицирует употребление субхунтива: *Uno de los remedios... fue (hacer) que murasen...* (Сервантес) "Одним из средств... было закрыть его...". Восстановление глагола, опущенного в главном предложении, позволяет объяснить необычное функционирование имперфекта в *Mañana se iba Jorge a Chile* "Завтра Хорхе уезжает в Чили"; *Me dijeron que mañana se iba Jorge a Chile* [36] "Мне сказали...". С таким же "нетипичным" имперфектом мы сталкиваемся при опущении рематического придаточного: *Venía con nosotros* (Санчес Ферлосьо) "Она приехала с нами" — *Cuando sucedió esto venía con nosotros*.

Весьма актуальным представляется и вопрос о происхождении эллиптических моделей в испанском. Полная неразработанность его приводит к ошибочной интерпретации многочисленных явлений, так или иначе связанных с компрессией структуры испанского предложения. В числе их — совершенно неоправданное стремление объяснить как следствие влияния португальского языка употребление так называемого неличного "предикативного" инфинитива [25, с. 23], на самом деле также объясняющегося имплицитным модусом.

Известно, что целый ряд конструкций, будучи по происхождению латинскими, широко развиваются и становятся характерными именно для романских языков. В их числе конструкции, использующие инфинитив в значении личной формы [37]. Так, инфинитив в функции императива, хорошо известный в и.-е. языках и отмечаемый у Апулея: [*proeliare, inquit, et fortiter proeliare* (L.A.M.L.П., 17.2), букв. "сражаться, говорит, и крепко сражаться], на Пиренейском п-ове, помимо испанского, хорошо известен в каталонском: *Bon dia tingui... Descansar!* [38, с. 131] "Добрый день! Желаю вам отдохнуть!"; ср. также в других романских языках: итал. *non cantare* "не пой(пойте)!", франц.: *ne pas m'écrire des cartes* "писем мне не писать!"; сардин.: *allegãre!* (< лат. *allegãre*) "говорите!" [39, с. 53]. Ср. также модели полемического и тематического инфинитива в португальском: *E conta que ele faça isso? — Contar eu?* (Ондина Брага, 154) — *...Posso contar eu?* "И ты полагаешь, что он это сделает? — Я полагаю!"; *E não ligas a isso? — Ligar, ligo* [40, 41] "А ты не присоединяешься? — Присоединиться-то я присоединяюсь..." (ср. также во французском [42]). Автор упоминаемой работы предполагает, что настоящая конструкция существует только во французском языке. Несомненно, что в этом случае следует учитывать мнение Й. Йордана, отмечавшего, что схождения между романскими языками в области синтаксиса не могут быть объяснены ни генеалогией, ни влиянием одного языка на другой и что они зародились отдельно в каждом языке под влиянием совершенно идентичных условий [43].

В языках Западной Романии помимо моделей с имплицитным модусом можно отметить множество параллелей и других эллиптических моделей с испанским. В их числе — конструкции с недостающим элементом пропозиции (эллипсис существительного, глагола, предлога), конструкции с опущением части периода и модели трансформации.

М. Каррера, основываясь на отсутствии в испанском некоторых моделей эллипсиса, имеющих в итальянском (опущение частицы *se* в протасисе условных предложений, опущение вспомогательных глаголов *essere* и *avere*), делает вывод о "бóльшей гибкости" итальянского языка по сравнению с испанским [44]. Подобное заключение вряд ли является правомерным: опущение глагольных вспомогателей имеет место и в испанском и отмечается уже в языке Св. Тересии и Сервантеса. Ср. *Perdone que no me levante — Perdonado* (← *Está perdonado*) "Простите, что не встаю. — Прощаю."; *aunque me divertido* (Св. Тересия) — *aunque me he divertido* — "хоть я и очень отвлеклась" и др. Кроме того, многочисленные примеры опущений других первых и вторых компонентов аналитического сказуемого присущи исключительно структуре испанского предложения. И таковых в испанском содержится намного больше. Не имеют параллелей в итальянском и примеры эллипсиса активных глаголов *hacer, tener, poner* и др. Ср.: *Eso vosotros — Eso haceis vosotros* "Это (делаете) вы"; *Yo con él una amistad — Yo tengo con él una amistad* "У меня с ним дружба". Ср. также опущение *tener* в составе аналитического предиката V+N: *Suertel ← Tengas suertel* "Удачи тебе!" О других моделях см. [26, с 26—27]. Следует также иметь в виду, что некоторым итальянским эллиптическим специфизмам соответствуют эллиптические специфизмы в испанском, ср. итал. *già fatto* = *ucn. ya está*.

Наибольшее количество параллелей испанских эллиптических моделей содержится, по вполне понятным причинам, в романских языках Пиренейского п-ова. К последним, например, помимо моделей "независимого" инфинитива, относят конструкции "de+Adj в испанском, португальском и румынском. Ср. португ. *A*

criança salta de contente "Ребенок прыгает от радости" [45, с. 23]. Отметим аналогичную конструкцию и в другом языке Ибероромании — каталонском: *Van veure d'aquelles pellicules que no entén ningú de tan enreessades* "Они посмотрели один из тех фильмов, которые никто не понимает из-за того, что они такие запутанные".

В каталонском содержатся самые разнообразные аналоги испанских компрессионных моделей.

Ср. опущение существительных: *classe* [*Et mereixes el titol de pilot de primera!* (Карбо) "Ты достоин титула первоклассного пилота!"]; *treball* [(= исп. *trabajo*): *em costa reconèixer que m'he equivocat...* (Карбо) "мне трудно признать, что я ошибся..."].

Опущение глагола: *...a casa seva volen que el parli ja de petit* "...у него в семье хотят, чтобы он говорил (по-каталонски) уже с детства".

Опущение аподосиса: *Me'l deixes una mica? — Pero si és teu! Tè, agafa'l fort!* (Карбо) — "Ты мне его дашь ненадолго?" — "Да, он твой! Держи его крепко!".

Опущение главного предложения при трансформации повествовательных структур в восклицательные: *Quines amànides que farien, tant com els agraden* (= исп. *Qué ensaladas harían, con lo que les gustan*) "Какие салаты они бы готовили: ведь они им так нравятся!".

Опущение предлога: *el vestit sastre* [38, с. 130] — *el vestit de sastre* "костюм портного".

В числе эллиптических моделей каталонского, которые до настоящего времени практически в специальной литературе не рассматривались, можно отметить и конструкции, не имеющие структурных соответствий в испанском. В их числе — опущение глагола в словосочетании типа *tenir ganes de broma*: *En Ri-ri i L'Eriçó, que tenien ganes de broma, van començar a cridar* (Карбо) "Ри-ри и Эрисо, которые были расположены пошутить, начали кричать". Ср. в испанском: *tenían ganas de bromear/estaban de broma*.

Много эллиптических моделей в ближайших каталонскому пиренейских языках Южной Франции — гасконском и провансальском. Ср. опущение существительного со значением "вещь" (= исп. *cosa*) в устойчивых гасконских словосочетаниях "*so de+N*" (*so < asso* "это"): *so de la may* = франц. *ce (les choses) de la mère* = исп. *son las cosas de la madre*; [46, с. 129]. Опущение существительных *caso*, *ostau* в гасконском (= исп. *casa*) в **a(ta)+Pr.: a(ta)bòsto, a(ta) boste* — "у вас" = франц. *chez vous*; В провансальском имеется необычное опущение предлога *de*: *raia lou rieu* "бег ручья" [47, с. 25] = исп. *el transcórrer del arroyo*.

Примеры отдельных параллелей специфических эллиптических моделей испанского можно отметить в латыни. Так, помимо материала, содержащегося в "Минерве" Ф. Санчеса, ср. опущение существительного после адъективного детерминатива *diarium* (= исп. *diario*) в "Сатириконе": *Post asellum diarium non sumo* "После дорогой рыбы я не ем ежедневного (пайка)".

Исчерпывающее исследование эллиптических конструкций в латыни представляется затруднительным прежде всего в связи с тем, что сферой функционирования последних является живая разговорная речь. С другой стороны, очевидное разнообразие и высокая частотность использования компрессионных моделей в испанском ставят вопрос о возможных местных причинах образования специфики эллиптических структур пиренейского ареала, с учетом данных каталонского языка и диалектов Южной Франции.

Весьма перспективным представляется и исследование материала неиндоевропейского языка басков, многочисленные особенности которого легли в основу формирования романских языков Пиренейского ареала. Большинство несомненных субстратных автохтонных баскских характеристик сохранилось не в нормативном литературном испанском, а в отдельных говорах и диалектах [8, с. 353—354], в которых и отмечается львиная доля фонетических, лексических и даже морфологических "баскизмов".

Сферой обнаружения исконных (субстратных) явлений синтаксического уровня, помимо говоров и диалектов, является разговорный язык, недостаточным

вниманием к исследованию которого, возможно, и объясняется полное отсутствие систематических сопоставлений со сходными структурными моделями в баскском. Характерной особенностью синтаксических испано-баскских параллелей при этом является то, что разговорным романским структурам в баскском соответствуют нормативные.

Компрессивность — в большинстве случаев также вполне нормативная — одна из характерных (для типичного романского восприятия) синтаксических особенностей баскского языка. Так, стиль бискайца — одного из персонажей "Третьей Селестины" Гаспара де Гомеса — определяется как "прерывистый", что вместе с финальной позицией глагола является типичной характеристикой баскской фразы [48]. Ср. одну из таких моделей *nik erran bezala* "как я это сказал" [49], в которой совсем не требуется восстановление прямого дополнения: (букв. 'мною сказано как').

Так, нормативными и устойчивыми для баскского являются словосочетания с частью *bait(h)a* "дом" (= исп. *casa*) в значениях "у кого-то", "к кому-то": *amaren baitharik* "идти от матери", *ene baithara* "ко мне", отмеченные еще Л. Бонапартом. Они соответствуют не только беспредложным французскому *chez le mari* и итальянскому *in casa il marito* "у мужа", но и кастильскому *en la casa (ca) el marido* [50, с. 126]. Ср. также в каталонском: *a cal notari* "у нотариуса"; *a cal baster* "у шорника" [38, с. 129] и в разговорном испанском: *Ni idea. A casa Pepe fuimos después* (Састре) "Без понятия. К Пеле мы пошли потом." О естественности настоящей модели, характеризующейся также опущением предлога *de* в пиренейском регионе, свидетельствует отрывок из "Путешествия в Лериду в Пиренеях" К.Х. Селья: *Al hostal de la Golodrina, la gente le dice casa de la Dolores, ca la Dulores, que es manera de senñalar más viva y auténtica* [78] «Постоялый двор "Ласточка" народ называет *casa de la Dolores, ca la Dulores*. Это способ более живого и аутентичного наименования». Р. Менендес Пидаль отметил распространение этой модели "в вульгарной речи" для всей Испании, ср. астур. *la casa'l cura; en ca Ramiro* [51, с. 10].

Отметим в этой связи вполне устойчивые компрессивные модели с опущенным существительным со значением "дом" в "Laguneneko sua" — исп. *el fuego de (casa) del compañero* "огонь (дома) друга"* Andresenera: исп. *a(casa) de Andrés* "к Андресу"; *Andresenetik* = исп. *de(casa) de Andrés* "от Андреса" [50, с. 491], соответствующих испанским разговорным *Hoy estoy* (= *hoy estoy en casa*) "Сегодня я дома".

Обычно и отсутствие управления в *Urkixobaita* "дом Уркишо", букв. "Уркишо дом" (ср. наличие показателя генитива в сходном *Goikoetxea*, букв. "высоты дом") = исп. *morada de Urkixo* и эллиптическое разговорное *morada (casa) Urkixo* [50, с. 26]. Вообще в баскском словосложение типа N+N при отсутствии показателя управления (*-ren, -ko* = исп. *de*), как одного из показателей аналитизма — явление органическое. Ср. *Antzumea* "козленок": *Antzaren umea* = исп. *la cría de la cabra* [50, с. 259] "детеныш козы". Ср. также *Hauk guziak dolore — hatzeak dirade* = исп. *Todas estas (cosas) son comienzos de dolores* [50, с. 98] "Все это — начало горестей"; *Udan astare egun gutsi egoten da. En verano suele haber pocos días de humedad* [50, с. 91] "Летом обычно мало влажных дней". По модели N+N образуются и многие аналитические существительные, соответствующие испанским словосочетаниям с предлогом *de*: *begieri* "болезнь глаз" = исп. *mal de ojos; begi kosko, begi-zilo* "глазная впадина" = исп. *cuenca del ojo* [50, с. 143]. В существительном *beilegi* "коровий (бычий) цвет" [*bei* "корова" + *legi* (← *ille* "волосы" + *gi*)], как мы предполагаем, имеет место опущение компонента со значением "цвет" (ср. разговорные эллиптические модели с опущением *color*): *Daukaguz buztar idi bi, baita beilegia bestea zuria — Tenemos dos bueyes de yugo el uno de color vaca, el otro blanco* [50, с. 145] — букв. *vaca (color) pelo — (de)pelo (color) vaca* "У нас два быка под ярмом — один коровьего цвета, другой белый". Ср. другие модели с опущенными существительными, которые не требуют в баскском восполнения: *Emerandeko yai batzuten yoan ziran mutil gazte bi Artiketakoak erromerire Karmenetik bera* "Во время некоторых праздников в Эмеранде двое молодых людей из Артигеты/ отпраздновали на

ярмарку вниз от (церкви) Кармен” = исп. *de (la iglesia) Carmen* [52, с. 221] (ср. опущения существительных типа *cine, hotel, carcel, teatro* в испанском) *Asi zan danan zitike eta danan artien emon eutsien ederrak — Empezó a provocar y entre le dieron palizas* [52, с. 209] “Он начал приставать, и они надавали ему хороших (палок)”. То же и в отношении прилагательных: *Solomon bain o baingoa hemen da Aquí esta uno más (grande) que Solomón* “Здесь находится человек, более великий, чем Соломон” [50, с. 125].

Необычайно частотны в баскском нормативно-компрессивные образования, имеющие разнообразные испанские параллели предложений с эллипсисом глагола.

В числе несомненных параллелей с испанским — устойчивая модель (*eta*) *ezperere(n)*, точно соответствующая зевгматическому обороту (*y*) *si no*, которая, как отмечает Л. Вильясанте, представляет вариант условного предложения в “эллиптической форме (без последующего развития)”: *Jangoikoa sinetsi, onetsi ta adoratu: ezperen, obe ezpazina mundaratu* [53, с. 189]. “Верить, любить и обожать Бога; если нет, то лучше бы ты не родился”. Многие зевгматические обороты обуславливают оригинальность и изящество баскского синтаксиса. Ср. использование частички *ote-* и ответных (безглагольных) реплик в диалогической речи: гипуск. *Aberastuta berealañe Ameriketatik etšeratuko zaigu anaia — ¡Baote! — исп. El hermano, en cuanto se enriquezca, vendrá de América a casa. — ¡Será verdad! (букв. ¡si sí) [50, с. 144]* “Брат, как только разбогатеет, из Америки домой приедет. Это правда! (букв. “да если!”); гипуск. *Elitzake etoriko, adarra autsi balezakio ere. ¡Ezote! — исп. No se caería aunque se lo rompiera la rama. (букв. ¡si no!) [50, с. 144]* “Он не упадет, даже если у него сломается рама” (букв. “если нет”).

В большинстве таких случаев в баскских примерах отсутствует связочный глагол (= исп. *ser/estar*). В связи с этим, как отмечают отдельные исследователи, употребление таких эллиптических испанских моделей, как *estoy donde Paco* “я у Пако”, известное также в старокастильском: *¿do la mi ventura?* “где моя удача?”) и в леонском: *¿u la casa?* “где дом?”), наиболее характерно именно для северных районов Кастилии [54, с. 117]. Ср. также типичное для баскского отсутствие глагола экзистенции в пословицах и поговорках, зачастую имеющих прямое соответствие в испанских аналогах: *Astoak eunetan = el burro tejiendo lienzo* “осел, ткущий холст” (букв. “осел в холсте”) [50, с. 92]; *Astoak nolako, zamukak alako = Según (sean) los burros, así (son) los aparejos* [50, с. 92] “Каковы ослы, такова и сбруя”; *Bei tšikarra beti bigantša = La vaca pequeña (es) siempre becerra* [50, с. 144] “Маленькая корова — всегда теленок” (ср. “Маленькая собачка — до старости щенок”). Ср. в кастильском Наварры: *Tantas casas buenas, como mujeres (amas de casa) buenas*, имеющую точную безглагольную параллель в баскском: *Ambeste etche on, ambeste andreon* [55] букв. “Сколько домов хороших, столько женщин хороших”. Как отметил Р. Лафон, в баскском в литературных текстах и обыденной речи используются предложения, которые не содержат никакой глагольной формы, а также предложения, которые содержат неличные глагольные формы, т.е. глагольные формы, не включающие вспомогательного глагола в личной форме и состоящие либо из отглагольного существительного инессиве (= и.-е. инфинитиву), либо причастия прошедшего или будущего времени, либо же просто из глагольной основы. Опущение при всех этих именных формах вспомогательного глагола придает предложению больше лаконизма и энергии [56, с. 84]. Аналогичное явление можно отметить и в кельтских языках. Ср. в др.-ирл. *Cochubur dano i sudiu inna chariot* “Conchobar then (is) sitting in the chariot” [57]. Ср. примеры предложений, в которых отсутствует “обязательный” глагол движения: *Emendik ainbeste mesede auzoera gustiarentzat = De aquí (vienen) tantos favores para todo el barrio* [50, с. 267] “Отсюда (идет) столько преимуществ для всего района”. Как правило, глагол движения отсутствует в моделях, соответствующих придаточным относительным в испанском: *Niganaiñoko bat — uno (que llega) hasta mí* [50, с. 491] “приходящий ко мне”, букв. “ко мне некто”; *aitaganozko bat — uno (que va) hacia el padre* [50, с. 491] “идуший к отцу”, букв. “к отцу некто”; *Amaganikakoa det au — Esta*

es cosa (que me viene) de la madre [50, с. 491] "Это у меня от матери", букв. "от матери это — имею я это". Как мы предполагаем, в определенной зависимости от этого явления находится частое опущение глаголов движения в испанском, имеющих тенденцию в разговорном языке к употреблению как связки вместо глаголов экзистенции, а в некоторых говорах Испании даже заменяющих глаголы *ser* и *haber* в моделях *plusquamperfecto de indicativo/subjuntivo*. Ср.: *si la fuera terminado* (= *si la hubiera terminado*) "если бы я ее закончил"; *El ya iba venido* (= *El ya había venido*) "Он уже пришел" [24, с. 237].

В прямой связи с компрессией баскской структуры, по-видимому, находится и специфическое функционирование в испанском эллиптических моделей с редукцией активного глагола. Отсутствие последнего в баскском, как мы предполагаем, обусловлено эргативным строением баскского нормативного предложения: наличие маркера эргативности (*-ka*) уже само по себе обуславливает предикативность, и использование глагола становится избыточным. Так, возможность *azkena ni-k* (см. *azkena ni-k pagatu dut*) "последний (заплатил) я" в разговорном баскском отмечает Х. Вагнер [58]. Ср. также отсутствие других активных глаголов в баскских эргативных предложениях: *Eman* (= исп. *dar*): *Bearra diona-k, saintiuer otoiak on — El que tiene necesidad (dirige, da) buenas oraciones a los Santos* [50, с. 140]; *Eskatu* (= исп. *pedir*); *Ahuntza-k ardiari ilhe — la cabra a la oveja (pide) lana* [50, с. 259], букв. *La cabra a la oveja le (pide) lana* "Коза у овцы (просит) шерсть"; *Mintzatu* (= исп. *hablar*): *Astoa-k asto-elhe — El burro habla como burro* [50, с. 92], букв. "Осел ослиные слова (говорит)". Наиболее часто в баскском встречаются эргативные предложения без глагола *edun* (= исп. *tener*), ср. его отсутствие как вспомогательного в моделях составного сказуемого: *ene atabak liburiak maitetu — ...liburiak maitetu du* "моя дочь любит книги" [59]. Ср. эллипсис *edun* как личной формы активного глагола: *Euskaldunak izaitte berezia (dute)* "У басков — бытие особенное", букв.: "баски бытие особенное (имеют)".

Очень часто глагол со значением "обладания" отсутствует, как и глаголы экзистенции (о взаимосвязи посессивных глаголов с глаголами экзистенции в пиренейском ареале подробнее см. [60, с. 114], в пословицах и поговорках: *Gaba-k begia beltz — La noche (tiene) el ojo negro* (= *es triste*) [50, с. 312] "У ночи черный глаз" (т.е. "ночь грустна").

О глубоко структурном характере компрессии глагола обладания в баскском свидетельствует его отсутствие после отрицательной частицы: *Gaba-k begirik ez — La noche no (tiene) ojos* [50, с. 312] — *Gaba-k begirik ez du* "У ночи нет глаз", букв. "ночь глаз не". Ср. также отсутствие *edun* в моделях, соответствующих придаточным относительным в функции атрибута и представляющих тип номинативных предложений в испанском языке, аналогичных моделям с \emptyset глагола движения, о которых речь шла выше: *Niganako aitatasuna = La Paternidad (que tiene) respecto a mí* [50, с. 491] = *su paternidad respecto a mí* "его ко мне отцовские чувства" [*Niganako aitatasuna du*, букв. "для меня отцовское чувство (которое имеет)"]].

Отсутствие составного сказуемого (выражающего долженствование) можно отметить и в синонимической эргативной-инструментальной конструкции предложения [60]. *Ohaidea ederariaz, ezkontidea zuhurariaz-(debes escorger) la concubina con motivo de su hermosura, la esposa por su prudencia* "Любовницу (выбирай) по красоте, а жену — по благоразумию". Ср. также \emptyset причастной формы глагола *egin* (= исп. *hacer*) в инструментальной модели *urre-z-ko zirziluak-zarcillos (hechos) de oro* [50, с. 491] "золотые серьги" (= из золота (сделанные) серьги). Активный глагол *egin*, играющий большую роль в образовании аналитических моделей баскской глагольной системы, часто отсутствует как один из "необходимых" компонентов составного сказуемого. Ср. в баск.: *Are-k barre andiyek (egin) entxoien — El mucha risa se rió* (= *risa grande hizo*) *de ellos* [52 с. 194] "Он громко над ними рассмеялся" [букв.: "он смех большой (сделавши) от них"]].

Чаще всего отмечается \emptyset вспомогательного глагола *izan* = исп. *ser/tener* в "посессивной" или "экзистенциальной" форме: *Muthilek gure zerbitzutan deramate*

urthia, soldata aphur bategatik hartzen pena handia "Слуги проводят у нас год на службе, они выполняют большую работу за маленькую оплату" (*hartzen* употреблено вм. *hartzen dute*, букв. "во взятие имеют").

Органично в баском и отсутствие связки в предложных моделях с существительным, которые соответствуют испанским моделям эллипсиса предложного инфинитива: *Ez har astoa lagun, ezpaduk behar zamadun* = *No tomes al burro por (ser) ompañero, si no lo necesitas para (ser) cargador* [50, с. 92] "Не бери осла в приятели, если он тебе не нужен как носильщик".

Форма *har* в последнем примере представляет основу, которая выражает глагольную идею наиболее неопределенным образом. Она может употребляться без вспомогательного глагола со значением императива, индикатива или повествовательного инфинитива [56; 60, с. 112—113]. Эллипсис управляемого глагола (= исп. *hay que* "нужно") можно отметить и в вышеприведенном предложении с тремя глагольными формами в функции повелительного наклонения: *Jaingoikoa sinetsi, onetsi ta adoratu...* (= исп. *hay que*) *creer, amar y adorar a Dios...*) [53, с. 109] "(Надо) верить, любить и обожать Бога...".

В связи с функционированием в испанском инфинитивных форм в функции повелительного наклонения отметим, что О. Апрайс, приводя форму *sentarsus* "садитесь" в кастильском языке в исторически баскоязычной провинции Алава, указывает, что в баском также возможно употребление причастной формы, соответствующей романскому инфинитиву в функции повелительного наклонения.

Показательно, что при этом *etorri* "пришедший" заменяет не только флективную форму 2 л. ед. числа; *Ator mutilla* "Приходи, юноша!", но и обе формы для 3 л.: *Zatoz jauna* "Приходите, сеньор!", *Zatozte mutillak!* "Приходите, юноши!" [61]. Исходная компрессивность, присущая структуре предложения, является одной из многочисленных трудностей при восприятии устной и письменной баскской речи и связана с явлением "непредсказуемости" баскского высказывания, поразительным для специалистов. Так, испанское предложение *Allí donde uno tiene el bien* (= *la hacienda*) "Там, где у меня имение" в баском сокращается до двух компонентов: *non huna*, букв. *donde el bien* "где имение" [50, с. 360].

Особенно показательна компрессивность, связанная с отсутствием глаголов в обеих частях сложного периода. Так, *lau baietz* соответствует сложноподчиненному предложению в испанском с глаголами в главном и зависимом предложениях: *Apuesto a que sí hay cuatro* "Держу пари, что (там) действительно четыре". Баскская модель, буквально соответствующая испанскому *cuatro que sí* [50, с. 124], является эмфатической и инверсионной, представляя один из аналогов многочисленных конструкций эллипсиса в результате трансформации. Ср. также опущение главного предложения при одновременной эмфатизации главного придаточного: *Vai ezpalleukok erruria ta aapixo* = *Sí (que lo hiciera), si es que no tuviera ruta y apio* [53, с. 186] "Я действительно бы это сделала, если бы у меня не было руты и сельдерея".

Прерывистый характер баскской речи обусловлен преимущественно высказываниями, компрессивная структура которых — следствие отсутствия компонентов, легко восстанавливаемых из контекста самого предложения. Особенности их в том, что они вполне органичны и полных коррелятов не имеют. В прерывистых (неэллиптических) моделях испанского восстановление недостающих компонентов невозможно или гадательно. Отмеченные аналоги баскских прерывистых моделей, имея полные корреляты, составляют корпус истинно эллиптических конструкций в испанском языке. Ярко выраженная тенденция к функционированию последних в разговорном языке является одной из отличительных особенностей структуры иберо-романского предложения и была обусловлена диглоссией в пиренейском регионе, которая, как отметил на IV коллоквиуме по языкам и культурам Пиренейского п-ова С. Маринер, имела место с самого начала васконо-латинских контактов [62].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Малявина Л.А.* У истоков языкознания нового времени. М., 1985.
2. *Chicharro O.* Santa Teresa en su torno histórico y social / Santa Teresa de Jesús. Libro de la vida. Madrid, 1990.
3. *Береговская Э.М.* Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры // ВЯ. 1985. № 5.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 592.
5. *Дресслер В.У.* К проблеме индоевропейской эллиптической анафоры // ВЯ. 1971. № 1.
6. *Леман В.П.* Протоиндоевропейский синтаксис // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1988.
7. *Sánchez Sevilla P.* El habla de Cespedosa de Tormes // RFE. 1928. T. 28.
8. *Зеликов М.В.* Типологические и субстратные параллели к синтаксической эмфазе в испанском языке // ИАН СЛЯ. 1989. № 4.
9. *Beinhauer W.* Dos tendencias antagónicas en el lenguaje coloquial español // Español actual. 1965. № 6.
10. *Николаева Т.М.* Дихотомия или эволюция? // ВЯ. 1992. № 2. С. 16—17.
11. *Кривоносов А.Т.* Мышление — без языка? Экономия языковой материи — закон процесса мышления // ВЯ. 1992. № 2.
12. *Девкин В.Д.* Особенности немецкой разговорной речи. М., 1965. С. 10.
13. *Дресслер В.* Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978.
14. *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961. С. 303.
15. *Долинин К.А.* Стилистика французского языка. М., 1978.
16. *Реферовская Е.А., Васильева А.К.* Теоретическая грамматика современного французского языка. Ч. 2. Л., 1973. С. 56—76.
17. *Barrenechea A.M.* A propósito de la elipsis en la coordinación / Estudios lingüísticos y dialectológicos: temas Hispánicos. Buenos Aires, 1979.
18. *Lozano M.C., Pinkham J.* Spanish comparatives without ellipses // PCLS. 1984. T. 20.
19. *Beinhauer W.* El español coloquial. Gredos. М., 1966.
20. *Lorenzo E.* Español de hoy. La lengua en ebullición. Madrid, 1966.
21. *Herrero G.* La lengua coloquial. Concepto y factores que la caracterizan // Anuario lingüístico hispánico. 1990. V. 6. P. 268—269.
22. *Арутюнова Н.Д.* Трудности перевода с испанского языка на русский. М., 1965.
23. *Cortes Rodriguez L.* Hacia unas posibles variantes sintácticas en el campo sociolingüístico // RSEL. 1982. № 12/1. P. 94.
24. *Narbona Jiménez A.* Problemas de sintaxis coloquial andaluza // RSEL. 1986. № 10/2.
25. *Бессарабова Г.А.* Об информативных предложениях в испанском языке // Тез. докл. Всесоюз. конф. по романскому языкознанию. Т. 1. Воронеж, 1991.
26. *Зеликов М.В.* Синтаксис простого предложения (Разговорный аспект предложений по структуре. Эллиптические предложения в испанском языке). Л., 1989.
27. *Fernando de Rojas, Camilo Jose Cela.* La Celestina. Barcelona, 1989.
28. *Contreras L.* Oraciones independientes introducidas por si // BFUCh. 1960. № 12.
29. *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 315.
30. *Кобозева И.М.* "Теория речевых актов" как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
31. *Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // ВЯ 1992. № 2.
32. *Касевич В.Б.* Типология правил и эллипсис // Тез. докл. Всесоюз. конф. по лингвистической типологии. АН СССР. М., 1990. С. 67.
33. *Швейцер А.Д.* Проблемы контрастивной стилистики (К сопоставительному анализу функциональных стилей) // ВЯ. 1991. № 4. С. 38.
34. *Shishkova T.N., Popok J.C.L.* Estilística de la lengua española. Minsk, 1989.
35. *Зеликов М.В.* Синтаксическая эмфаза в испанском языке. Л., 1987. С. 60—61.
36. *Reyes G.* Tiempo, modo, aspecto e intertextualidad // RSEL. 1990. № 20/1. P. 17.
37. *Григорьев В.П.* Становление языка испанской национальной литературы. Л., 1975. С. 53.
38. *Giese W.* Syntaktisches und Stilistisches in Josep Pla's "Coses vistes" // Syntactica und Stylistica. Festschrift E. Gamillscheg. Tübingen 1957.
39. *Blasco Ferrer E.* Il latino e la romanizzazione della Sardegna. Vecchie e nuove ipotesi // AGL. 1989. V. 74.
40. *Неустроева Г.К.* Об одной типизированной конструкции испанского разговорного языка // Тез. докл. I Всесоюз. конф. по испанской филологии. Л., 1970. С. 79.
41. *Gabinsky M.A.* As antinomias do infinitivo românico e a sua resolução // Boletim de Trabalhos históricos. 1959. P. 115.
42. *Buysens E.* Tautologies // La linguistique. 1960. № 6.
43. *Jordan J.* Quelques parallèles syntaxiques // Recueil d'études romanes. 1959. P. 115.
44. *Carrera M.* Italiano y español: elementos para una comparación / Italiano y español. Estudios lingüísticos // Publ. [de] Univ. [de] Sevilla. 1984. № 74.
45. *Арутюнова Н.Д., Вольф Е.М., Карулин Ю.А., Лухт Л.И.* О сопоставительном синтаксисе романских языков // Вопросы романского языкознания: Материалы I Всесоюз. совещ. по романскому языкознанию. Кишинев, 1963.

46. *Rohlf's G.* Le gascon // ZRPh. 1935. Hf. 85.
47. *Bayle L.* Provençale. Grammaire. L'Astrado, 1967. P. 25.
48. *Baranda Leturio C.* Las hablas de negros. Orígenes de un personaje literario // RFE. 1989. T. 19. № 3—4. P. 332.
49. *Lafon R.* L'expression de l'action en basque // BSLP. 1960. T. 55. P. 184.
50. *Agud M., Tovar A.* Diccionario etimológico vasco // Anejos del Anuario del Seminario de Filología Vasca "Julio de Urquijo". 1989. T. 1; 1990. T. 2.
51. *Menéndez Pidal R.* El dialecto leonés. Oviedo, 1962.
52. *Holmer N.M., Holmer V.A.* Apuntes vizcaínos // Anuario del Seminario de Filología vasca "Julio de Urquijo". 1969. T. 3.
53. *Villasante L.* Sintaxis de la oración compuesta. Oñate, 1976.
54. *Зеликов М.В.* Испано-баскские параллели в произведениях Сервантеса / Сервантесовские чтения. Л., 1988. С. 129.
55. *Ollaquindia R.* Selección de Vocabulario navarro / Navarra. Temas de cultura popular. Pamplona, 1984. P. 26.
56. *Lafon R.* Principes de rôle syntaxique du verbe en basque de Basse-Navarre orientale // BSLP. 1967. T. 62.
57. *Robbins D.M.* The h'ppomorphik goddess and her offspring // JIES. 1990. № 18. P. 299.
58. *Wagner H.* The typological background of the ergative construction // Proc. RIA. 1978. 3. P. 43.
59. *Moutard N.* Une gémination expressive en basque // La linguistique. 1970. V. 6. № 1. P. 85.
60. *Зеликов М.В.* Эргативные параллели в баскском и иберо-романском предложении // ВЯ. 1990. № 4.
61. *Apraiz O.* de Bibliografía // RJEV. 1933. T. 24. / 1. P. 113.
62. *Mariner Bigorra S.* Latín y paleohispánicas lenguas en contacto / Studia Paleohispanica: Actas IV Coloquio sobre lenguas y cultura paleohispánicas. Vitoria, 1985-1986. P. 138.

© 1994 г. РУДНИЦКАЯ Е.Л.

**НЕКОТОРЫЕ КЛАССЫ СЕНТЕНЦИАЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.
СЕМАНТИКА. СИНТАКСИС. ЛЕКСИКОГРАФИЯ**

1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

1.1. Данная статья посвящается одному классу наречий в русском языке, который до сих пор систематически почти не изучался, — наречиям, относящимся ко всему предложению.

Мы будем исходить из того, что такое наречие не является компонентом пропозиции предложения, а, выступая в роли обстоятельства, представляет собой самостоятельную, свернутую пропозицию. Как предикат оно имеет семантическую валентность на ситуацию и характеризует главную пропозицию предложения, выраженную глаголом и его актантами (далее главная пропозиция обозначается через Р). Валентность Р является синтаксически пассивной (см., например [1]).

Нас будет интересовать одна из групп оценочных наречий, относящихся ко всему предложению. Как нам представляется, такие наречия входят в класс детерминантов ("детерминант" — термин Н.Ю. Шведовой [2]). Детерминанты определяются как слова, синтаксически относящиеся ко всему предложению). Наречия-детерминанты в дальнейшем будут обозначаться термином "сентенциальные наречия". Наглядными примерами сентенциальных наречий (или наречных выражений) являются обстоятельства места и времени:

- (1) *На улице ребята играли в футбол.*
- (2) *Вчера мы ходили в кино.*

Другая группа сентенциальных наречий — оценочные наречия, о которых речь пойдет ниже, например, *опрометчиво*:

- (3) *Я опрометчиво пообещал достать им билеты.*

Для предложений с сентенциальными наречиями многих типов возможна следующая перифраза, где через Q обозначается наречие:

- (4) Р. И это есть Q.

Например:

- (1а) *Ребята играли в футбол (Р). И это было на улице (Q);*
- (2а) *Мы ходили в кино (Р). И это было вчера (Q).*

Предложение с оценочным наречием также можно представить с помощью перифразы (4). При этом возможны разные точки зрения на то, к какой части речи относится Q в перифразе. Мы придерживаемся той точки зрения, что Q является здесь прилагательным, а не наречием; ср. также синонимичное (3б), где Q стоит в той же синтаксической позиции и морфологически является полной формой прилагательного в твор. падеже:

- (3а) *Я пообещал достать им билеты (Р). И это было опрометчиво (Q);*
- (3б) *Я пообещал достать им билеты (Р). И это было опрометчивым (Q).*

Специфика оценочных наречий состоит в том, что они дают характеристику пропозиции Р как факта (в понимании [3, с. 101—105]; также [4]). Факт в этих работах определяется как абстрактное, принадлежащее сознанию, представление о ситуации; ему противопоставлено событие как ситуация, относящееся не к сознанию, а к самому миру.

Факт, кроме того, — это пропозиция, в которой уже задано актуальное членение. Так, "я обратился с этим вопросом к директору" и "я обратился к

директору с этим вопросом” — одно событие, но разные факты. Первый из них можно более эксплицитно представить как “тот, к кому я обратился с этим вопросом, — директор”; второй — как “то, с чем я обратился к директору, — этот вопрос”. В предложениях (4а) и (4б) наречие *легкомысленно* оценивает разные факты — первый и второй из упомянутых соответственно:

(4а) *Я легкомысленно обратился с этим вопросом к директору;*

(4б) *Я легкомысленно обратился к директору с этим вопросом.*

Сентенциальные наречия места и времени противопоставлены оценочным тем, что характеризуют Р как событие (см. [3, 4]. Для события актуальное членение не существенно (см. [3, с. 189]); в (5а) и (5б) наречие *вчера* характеризует одно и то же событие:

(5а) *Вчера я обратился с этим вопросом к директору;*

(5б) *Вчера я обратился к директору с этим вопросом.*

К сентенциальным наречиям также относятся вводные слова и обороты, очень разнородные по своим свойствам. В настоящей работе они не рассматриваются.

1.2. Многие сентенциальные наречия могут также выступать в другой функции — функции наречий образа действия (см. указание на это в [4-6]). Так, в (3) *опрометчиво* — сентенциальное наречие, а в (6) — наречие образа действия.

(6) *Он выбрал место работы опрометчиво.*

Ср. следующее двузначное предложение:

(7) *Он правильно выступил на собрании.*

Это предложение имеет две трактовки:

(7а) “он выступил на собрании, и это (то, что он выступил) правильно” [ср. перифразу (4)];

(7б) “он выступил на собрании, и содержание его выступления правильно”.

Два данных типа употребления можно описывать как одно значение (единую лексему) или как два разных значения (две разных лексемы одной наречной вокабулы). В настоящей работе предпринимается попытка описания двух данных типов употребления как одного значения. При этом различия в интерпретации предложений с сентенциальным наречием или наречием образа действия описываются через различия в семантической сфере действия наречия.

Мы считаем, что описание данного класса наречий должно быть аналогично описанию неоднозначности предложений типа (8), предложенному в [7]:

(8) *Петя хорошо охарактеризовал своих однокурсников.*

(8) может иметь две трактовки:

(8а) “Петя хорошо справился с характеристикой своих однокурсников”;

(8б) “Петя охарактеризовал своих однокурсников как хороших”.

В двух данных трактовках представлено одно значение *хорошо*, но *хорошо* присоединяется к *охарактеризовать* двумя разными синтаксическими отношениями: в случае (8а) — обстоятельственным, а в случае (8б) — вторым комплетивным отношением. Соответственно, сферы действия *хорошо* в (8а) и (8б) разные — в первом случае весь глагол, а во втором — вторая валентность глагола. По нашему мнению, рассматриваемые в статье наречия также присоединяются к глаголу разными синтаксическими отношениями. Сентенциальное наречие присоединяется к глаголу детерминантным отношением — как в (3) и в (7а), а наречие образа действия — обстоятельственным — как в (6) и (7б). Ср. аналогичную пару примеров с наречием *здесь*, присоединяемым к глаголу детерминантным и обстоятельственным отношением (устный пример И.М. Богуславского):

(9а) *Здесь солнце садится рано;*

(9б) *Солнце садится здесь.*

В (9а—б) представлено одно значение наречия *здесь*; то, что данные предложения не синонимичны, объясняется различием синтаксических отношений и, соответственно, сфер действия *здесь*.

Приведем еще примеры употребления наречий как *сентенциальных* (а) и как *наречий образа действия* (б):

(10а) *Я легкомысленно оставил дома все теплые вещи;*

(10б) *На этот важный вопрос ты ответил легкомысленно;*

(11а) *Он неосторожно упомянул имя брата в присутствии отца;*

(11б) *Я резал хлеб неосторожно и чуть не порезался.*

В случаях (а) семантической сферой действия наречий *опрометчиво* и *неосторожно* является вся пропозиция (они выступают как детерминанты). В случаях (б) в сферу действия наречий входит только глагол. Обычно наречие воздействует не на все значение, а на какой-либо компонент глагола. Так, в (7б) сферой действия *правильно* является компонент значения глагола *выступить* "содержание выступления". Похвалы удостоивается именно содержание того, что сказал выступавший.

Важно заметить, что наречие образа действия может воздействовать не только на компоненты глагола, но и на часть значения определенного актанта глагола. Так, Г.Г. Яровая приводит пример, где наречие выражает признак первого или второго актанта глагола. В (12) наречие обозначает параметр объекта глагола, тем самым воздействуя не только на глагол, но и на его объект (пример из [8]):

(12) *Х вчерне закончил книгу ≈ Х закончил черновик, который имеет книга.*

Необходимо отметить другое описание различия предложений с *сентенциальными* наречиями и *наречиями образа действия*, принятое в [4]. В этой работе считается, что оба типа наречий имеют сферой действия целую пропозицию, но эта пропозиция может выступать в разных видах — *сентенциальное* наречие имеет сферой действия пропозицию-факт (здесь тракторка [4] совпадает с нашей), а *наречие образа действия* — пропозицию-процесс. Ср. также описание наречий образа действия как определяющих "то, как Р" в [9].

Важно отметить некоторые свойства предложения с оценочным *сентенциальным* наречием. Утверждение "Р" [из перифразы (4)] может образовывать предложение независимо от наличия в нем наречия, ср. (3) и (13):

(3) *Я опрометчиво пообещал достать им билеты;*

(13) *Я пообещал достать им билеты.*

Утверждение "И это есть Q" вносится в предложение наречием.

Два данных утверждения имеют разный коммуникативный статус — "Р" является *ассерцией*, а "Q" — *модальной рамкой* (ассерция — утверждение предложения, которое может отрицаться; кроме *ассерции*, в предложении содержатся *неассертивные утверждения*, которые не могут отрицаться, в том числе *модальная рамка*, выражающая точку зрения говорящего на сообщаемые факты).

Предложение с оценочным *сентенциальным* наречием в норме относится к *реальной модальности* (например, по [10]). Утверждение "Р" как факт (уже совершившееся событие) плохо сочетается с другими модальностями, ср. (14а) и (14б):

(14а) *После первой же тройки он опрометчиво забрал документы;*

(14б) *После первой же тройки он, возможно, опрометчиво забрал документы.*

Заметим, что возможно предложение с оценочным наречием в *ирреальной модальности*, но при этом на наречие падает *контрастное ударение* (/); утверждение "Р" находится в теме и относится к *прагматической презумпции*, так что его реальность не подвергается сомнению:

(14в) *Возможно, я опрoмeтчивo забрал документы.*

Рассмотрим *валентностную* структуру оценочных *сентенциальных* наречий. Эти наречия дают такую характеристику Р, которая определенным способом связана с субъектом Р, указывает на его (предполагаемое) состояние, действие, мнение и т.п. Поэтому мы считаем правильным рассматривать эти наречия как *двухвалентные*, имеющие, кроме валентности на Р, валентность Х (субъект Р). Таким образом,

данные наречия относятся к субъектным (ср. каноническое субъектное наречие *молча*, [11], см. также [12]).

Существуют сентенциальные наречия, которые не имеют валентности на какие-либо актанты ситуации, например:

(15) *Неожиданно директор изменил свое решение;*

(16) *Традиционно праздник проходит в городском саду.*

Некоторые наречия дают действию характеристику, связанную не только с его субъектом, но и с другими актантами. Например, у *бережно* (наречия образа действия) есть валентность У "объект бережного отношения", заполняемая объектом глагола Р (см. об этом [13]):

(17) *Он бережно развернул (Р) подарок (У).*

Приведем примеры различных групп оценочных наречий: *тактично, бес- тактно, любезно* (оценка с точки зрения культуры поведения); *благородно, великодушно, подло* (оценка с точки зрения этики).

Ниже мы рассмотрим одну из групп оценочных сентенциальных наречий — группу со значением "обдуманность/необдуманность поступка".

2. НАРЕЧИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ "ОБДУМАННОСТЬ/НЕОБДУМАННОСТЬ ПОСТУПКА"

Мы рассмотрим шесть следующих русских наречий: *легкомысленно, неосторожно, неосмотрительно, опрометчиво, благоразумно, предусмотрительно*. Проанализируем эти наречия с лексикографической точки зрения и с точки зрения их места в коммуникативной организации предложения. Данные наречия относятся к группе наречий, обозначающих обдуманность/необдуманность поступка. В эту же группу входят такие наречия, как *бездумно, безрассудно, расчетливо*, которые в настоящей статье не рассматриваются.

2.1. Лексикографические аспекты анализа наречий.

2.1.1. Общая характеристика.

С лексикографической точки зрения, как уже говорилось, данные наречия рассматриваются как имеющие одно значение (относящиеся к одной лексеме). Но в функции сентенциальных наречий и наречий образа действия они имеют разные сферы действия. В дальнейшем для ясности будем различать сентенциальные наречия и наречия образа действия индексами *с* и *од* соответственно.

Примеры употребления наречий в двух данных функциях:

(18а) *Все говорили о близкой войне и, сколько помню, довольно легко-мысленно_{од}* (Пушкин, Рославлев);

(18б) *Он... не может быть одним из прежних товарищей... это может быть только знакомый, с которым ты легкомысленно_с подружился в каком-нибудь городском кабаке* (Ф. Кафка, Америка);

(19а) *Увидя мои упражнения в географии, батюшка дернул меня за ухо, потом подбежал к Бодре, разбудил его очень неосторожно_{од} и стал осыпать укоризнами* (Пушкин, Капитанская дочка);

(19б) *Она неосторожно_с сказала, что мы могли бы штурмовать Лубянку* (устная речь из телепередачи);

(20а) *Кагуя-Химе ответила: боюсь я вступить в брак опрометчиво_{од}...* ("Повесть о старике Такстоне", старинная японская литература);

(20б) *Так и пережила я его смерть, опрометчиво_с сказав ему когда-то, что я не переживу ее* (Бунин, У истока дней).

Важно заметить, что как сентенциальные выступают не все наречия с семантическим компонентом "степень обдуманности поступка". Иногда один из членов антонимической пары может выступать как сентенциальное наречие, а другой — нет. Если наречие не может быть сентенциальным, то это выражается и в неправильности предложения с данным наречием, и в невозможности перифразы

типа (4), см. (21а), (22а), (23а). Так, *неосторожно* может выступать как сентенциальное наречие, а *осторожно* нет:

(21) *Он неосторожно*_с *завел разговор об отпуске раньше времени;*

(21а) *Он завел разговор об отпуске раньше времени. И это было неосторожно;*

(22) **Он осторожно*_с *воздержался от вопроса об отпуске;*

(22а) **Он воздержался от вопроса об отпуске. И это было осторожно;*

(23) **Он осторожно*_с *промолчал;*

(23а) **Он промолчал. И это было осторожно.*

Рассмотрим более подробно сочетаемость наречий в обеих функциях.

Наречия образа действия имеют очень узкую сочетаемость. Перечислим действия, которые сочетаются с данными наречиями, не давая четкой формулировки сочетаемостных ограничений как трудно формулируемых.

*Опрометчиво*_{од} можно выбрать место работы (учебы), институт, факультет, второй язык; вступить в брак (выйти замуж, жениться); дать совет. В то же время нельзя *говорить о чем-л. опрометчиво*; *вести свои (финансовые) дела опрометчиво*.

*Легкомысленно*_{од} сочетается со следующими действиями: *одеваться, распорядиться (наследством), отвечать, давать совет, говорить о чем-л.* Менее естественны следующие сочетания: *писать сочинение легкомысленно, питаться легкомысленно, выйти замуж легкомысленно.*

Наиболее широкой сочетаемостью характеризуется *неосторожно*_{од}. *Неосторожно* сочетается как с физическими, так и с более сложными действиями: *идти неосторожно, наливать чай неосторожно, работать неосторожно, пользоваться лекарствами неосторожно, высказывать свои взгляды неосторожно.*

Неосмотрительно, предусмотрительно и *благоразумно* выступают как наречия образа действия только при глаголах *поступать, вести себя, действовать*, т.е. заполняя синтаксически обязательную валентность mod (способ) [14, с. 126], ср. неправильные:

(24) **Он поступил*; (25) **Он вел себя.*

Примеры употребления наречий при указанных глаголах:

(26) Г. Броневицкий, *укоряющий меня в каких-то поэтических вымыслах, сам поступил неосмотрительно*_{од}, *повторив в своей "Истории" вымыслы столь нелепые* (Пушкин, История Пугачева);

(27) *В остроге он [арестант] вел себя, не пьяный, весьма благоразумно*_{од}. *Был всегда тих, ни с кем никогда не ссорился и избегал ссор* (Достоевский, БАС).

Для других наречий рассматриваемой группы контекст этих глаголов тоже возможен:

(28) *Юлия поступила легкомысленно*_{од}, *отказавши богатому человеку* (Чехов, МАС);

(29) *Я опрометчиво*_{од} *поступила; однако сама посуду, ведь он ждет. Не надо упускать жениха* (Лермонтов, БАС);

(30) *И вообще вы ведете себя очень неосторожно*_{од}... *Вы такой дуэлянт, вы такой задир!* (А. и Б. Стругацкие, Трудно быть богом). Будем считать рассматриваемый тип употребления модификацией основного значения наречий, при которой в толкование вместо переменной Р входит предикат "вести себя" ("действовать", "поступать") — подробнее см. ниже п. 2.1.2.

Сентенциальные наречия сочетаются только с предикатами, обозначающими контролируемые ситуации:

(31а) *Он благоразумно*_с *остался дома;*

(31б) **Он благоразумно*_с *почувствовал себя лучше;*

(32а) *Он неосторожно*_с *вставил несколько колких замечаний;*

(32б) **Он неосторожно*_с *упал в обморок.*

Термин "контролируемость" введен в [9]; см. также, например [17].

В случае неканонической трактовки действий *почувствовать себя лучше* и *упасть в обморок* примеры (31б) и (32б) правильны. Так, (31—32б) правильны, если

почувствовать себя лучше значит, например, "перестать притворяться, что чувствуешь себя плохо", а *упасть в обморок* — "притвориться, что упал в обморок". Здесь значение исходного предиката модифицируется компонентом "притворство".

Признак "контролируемость" близок к признаку "намеренность субъекта ситуации", введенному в [15, 16]. Так, Дж. Лакофф [15] приводит пример ситуации, которую можно понять в двух смыслах: (а) действие "разбить окно" является результатом намерения субъекта и (б) действие не является результатом намерения:

(33) *Я разбил окно битой.*

Дж. Лакофф приводит контексты, допускающие только интерпретацию, при которой действие намеренное; например, императив:

(34) *Разбей окно битой!*

К таким контекстам относится и контекст некоторых оценочных наречий:

(35) *Я благоразумно_c разбил окно битой.*

Мы будем использовать термин "контролируемость" как более широкий. Если ситуация контролируемая, то она не обязательно является результатом намерения субъекта, но субъект несет за нее ответственность. Наиболее приемлема здесь формулировка: ситуация Р зависит от ее субъекта. В (36) действие "разбить окно" не обязательно намеренное, но оно оценивается как зависящее от субъекта:

(36) *Я неосторожно_c разбил окно битой.*

Что касается наречий образа действия, то они воздействуют на те компоненты глагола, которые являются контролируемыми. Во-первых, многие действия полностью контролируемы: отвечать, резать (хлеб), одеваться, распоряжаться (деньгами). У некоторых действий способ совершения не полностью контролируем; такие действия описаны в [17]. Например, у действия *прыгать* контролируема только первая фаза, когда субъект отталкивается ногами от твердой поверхности. Наречие *неосторожно* в сочетании *прыгать неосторожно* воздействует только на компонент значения, описывающий первую фазу прыжка.

2.1.2. Толкования.

Рассмотрим теперь сами толкования указанных слов. Приводимые после входа толкования примеры относятся к сентенциальному употреблению, после толкований также приводятся примеры с сентенциальным употреблением.

Х легкомысленно Р (Я легкомысленно оставил все деньги в номере) ≈ "по мнению говорящего, в Р проявляется то, что Х, совершая Р, не думал или недостаточно думал о последствиях Р. Говорящий считает, что Р может иметь нежелательные последствия. От Х-а зависит Р".

Примеры: *Собравшись в дорогу, вместо пирогов и холодной телятины я решил запастись книгой, понадеясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь разговоров с почтовыми товарищами* (Пушкин, БАС); *История должна опровергнуть клевету, легкомысленно повторенную Советом* (Пушкин, История Пугачева).

Х неосторожно Р (Он неосторожно заговорил с шефом о зарплате) ≈ "по мнению говорящего, в Р проявляется то, что Х, совершая Р, не придавал достаточного значения возможным последствиям Р. Говорящий считает, что Р может иметь нежелательные или опасные последствия. От Х-а зависит Р".

Примеры: *В лагере — не как на воле. На воле каждый неосторожно старается подчеркнуть и выразить себя внешне* (Солженицын, Архипелаг ГУЛаг); *Пассия доня Рэбы, фрейлина Оксана, неосторожно наступила королю на большую ногу* (А. и Б. Стругацкие, Трудно быть богом); *Конвой был как конвой,... и не о чем было бы с ним спорить, если б этот паренек не бросил неосторожно, да даже и без злости совсем, что мы — враги народа* (Солженицын, Архипелаг ГУЛаг); *Забылся я неосторожно, Теперь плачу безумства дань* (Пушкин, Полтава); *Коля неосторожно выбежал — пуста ли догора? — и тут его заметил парень* (Солженицын, Архипелаг ГУЛаг).

Х неосмотрительно Р (Он неосмотрительно рассказал эту историю на новогоднем банкете) ≈ "по мнению говорящего, в Р проявляется то, что Х, совершая Р, не придавал достаточного значения возможной реакции на Р окружающих. Говорящий считает, что из-за этой реакции на Р окружающих Р может иметь нежелательные последствия. От Х-а зависит наличие Р".

Пример: Один редактор, неосмотрительно опубликовавший несколько оскорбительных строк по поводу женщин, был приговорен к 10 тысячам фунтов стерлингов штрафа (Короленко, БАС).

Х опрометчиво Р (Я опрометчиво отправил ребят домой, и теперь некому мыть окна) ≈ "по мнению говорящего, в Р проявляется то, что Х, совершая Р, имел определенные основания для Р, считал Р достаточно обоснованным и при этом не учитывал некоторых других факторов. Говорящий считает, что при учете всех факторов не-Р более обосновано, чем Р. От Х-а зависит Р". Примеры: ...у кого-то в камере даже есть карандаш — и... неразборчивыми каракулями пишутся строки, от которых потом пролягут лад или разлад семей. Безумные женщины иногда по такому письму опрометчиво едут еще застигнуть мужа на пересылке — хотя свидания им никогда не дадут, и только можно обременить его вещами (Солженицын, Архипелаг ГУЛаг); Так прошел я восемь лет заключения, три года ссылки, еще шесть лет подпольного писательства, ничуть не менее опасных — и все семнадцать лет опрометчиво открывался десяткам людей — и не оступился ни разу (Солженицын, Архипелаг ГУЛаг).

Х благоразумно Р (Я благоразумно прекратил этот разговор) ≈ "по мнению говорящего, в Р проявляется то, что Х, совершая Р, сопоставил Р и другие возможности, альтернативные Р, и выбрал Р, считая, что Р не может иметь некоторых нежелательных последствий, возможных при альтернативных решениях. От Х-а зависит Р" [в данном толковании имеются в виду положительные альтернативы: не бинарное противопоставление "Р" и "не-Р", а противопоставление "Р", "Q", "R",... (в принципе неограниченного числа альтернатив)].

Примеры: Мелькают миллионные обороты — и, хотя я благоразумно успел выпросить помощника для заведования чисто коммерческой частью, однако и его мало (И. Хургин — Огонек, 1989, № 42); Он [Чикмеев] благоразумно отодвинулся на расстояние, на котором не могла его достичь Митькина рука (Леонов, БАС); Путник в ясный день отдыхает под тенью дуба, но во время грозы от него благоразумно удаляется, страшась удара молнии (Пушкин, Повесть из римской жизни)

Х предусмотрительно Р (Я предусмотрительно взяла с собой кошелек) ≈ "по мнению говорящего, в Р проявляется то, что Х, совершая Р, хотел избежать нежелательной ситуации, когорая может иметь место в будущем при отсутствии Р. От Х-а зависит Р".

Примеры: ...[Сердюк] категорически запретил ему выходить из убежища и даже предусмотрительно отобрал пистолет (А. Попов, БАС); И все же Карла к ней [Кларе] ни капли не тянуло, и он предпочел бы не ходить в ее комнаты, а открыл вместо этого дверь террасы, на ручку которой он предусмотрительно положил ладонь, сесть в автомобиль или, если шофер уже спит, в одиночку прогуляться до Нью-Йорка (Ф. Кафка, Америка); Уже зная, что меня ждет в сцене "Царство ночи", я предусмотрительно спрятался под стул, но страшные звуки, воображение и реакция зала все равно привели меня к уже известному преступлению (Н. Каретников, Темы и вариации).

Все данные наречия сообщают о некотором состоянии или поступке Х-а: "не думать о последствиях Р", "не придавать достаточного значения реакции на Р окружающих" и т.п. Сообщения о данном состоянии имеют статус предположения. Источником этого предположения является Р, причем Р имеет разную интерпретацию в зависимости от того, какова сфера действия наречия. У интенционального наречия Р обозначает всю пропозицию. Источником для предположения о действии или состоянии является факт наличия Р — то, что Р имеет место

(см. п. 1.1). У наречия образа действия Р обозначает только глагол, причем источником предположения является некоторый компонент действия Р.

Так, в (10а) источником для оценки действия Р "я оставил дома все теплые вещи" как легкомысленного служит наличие этого действия, а в (10б) (здесь Р — "ответить") — то, каково содержание действия (ответа).

(10а) *Я легкомысленно оставил дома все теплые вещи;*

(10б) *На этот важный вопрос ты ответил легкомысленно.*

Таким образом, исходя из наличия ситуации Р или из какого-то компонента ситуации, обозначаемой глаголом Р, говорящий дает определенную оценку Р как такому, при котором могло бы иметь место данное состояние (действие).

То, что сообщение о данном состоянии (действии) имеет статус предположения, в толковании выражено словами "по мнению говорящего". Ср. наречие *намеренно*, где утверждение о внутреннем состоянии Х-а ("Х имел намерение совершить Р") не имеет статуса предположения (оценки) и регистрируется независимо от того, какова ситуация Р: *Витя намеренно сел рядом с Катей* ≈ "Витя сел рядом с Катей" и "Витя имел намерение сесть рядом с Катей"; а не "Витя сел рядом с Катей" и "по мнению говорящего, в этом действии проявилось то, что Витя имел намерение сесть рядом с Катей".

Выражаемое наречием состояние (действие) Х-а получено путем умозаключения. В толковании это фиксируется с помощью глагола *проявляться*.

Теперь мы можем "вывести" общую схему толкования. Она следующая: "по мнению говорящего, в Р проявляется внутреннее состояние Х-а, выраженное наречием". Важно заметить, что эта схема охватывает и другие семантические группы оценочных наречий, в частности приведенные в конце пункта 1.2.

Кроме главного компонента, в толкованиях всех наречий входят следующие компоненты: 1) указание на то, что данное состояние или действие имеет место в момент совершения Р. Так, в предложениях (10а) и (10б) нет компонента «Х обладает качеством "легкомысленный"». Х был легкомысленен, когда оставлял дома теплые вещи (10а) и когда отвечал (10б), но в другие моменты времени Х может и не быть легкомысленным. Данное указание выражается компонентом "(Х), совершая Р, (не думает...)"; 2) указание на контролируемость ситуации Р выражается компонентом "от Х-а зависит Р"; 3) компонент "положительная или отрицательная оценка Р говорящим". У одних наречий существует отрезок толкования, в котором эксплицитно выражается оценка, — *легкомысленно, неосторожно, опрометчиво* — "Говорящий считает, что Р может иметь нежелательные последствия". В толкованиях других наречий нет такого отрезка, но оценка выводится из текста толкования (например, *благоразумно*).

Необходимо сказать несколько слов о том, на какие именно компоненты ситуации может воздействовать наречие образа действия. Как уже говорилось, в сочетаниях *выступить правильно* и *отвечать легкомысленно* наречие воздействует на компонент "содержание выступления (ответа)". Ср. сочетания *выступать торопливо, отвечать торопливо*, в которых наречие воздействует на компонент "способ совершения действия". В ситуации *одеться легкомысленно* наречие воздействует на компонент "надеваемая одежда", т.е. характеризует одежду, надетую в процессе действия (ср. сочетание *одеваться торопливо*, где *торопливо* определяет образ действия *одеваться*). В сочетании *пользоваться лекарствами неосторожно* наречие характеризует параметр объекта действия "состав или дозировка принимаемых лекарств". В сочетании *наливать чай неосторожно* наречие дает характеристику способу совершения действия — движениям субъекта при совершении действия; так, эти движения могут быть слишком резкими, поспешными и т.д.

Теперь рассмотрим толкования данных наречий в контексте предикатов *поступать, вести себя, действовать*. Мы считаем, что следует толковать отдельно каждое из выражений *вести себя неосторожно (опробетчиво...), поступать неосторожно (опробетчиво...)* и т.д. как фразеологически связанные сочетания.

Вместо валентности Р во вход толкования вводится предикат *вести себя* (*действовать, поступать*), а в само толкование — те же предикаты и однокоренные им слова *поведение, действие, поступок*. Например:

Х поступает благоразумно ≈ "по мнению говорящего, в поступке Х-а проявляется то, что Х, поступая таким образом, сопоставляет совершаемый поступок и другие возможности, альтернативные данной, и выбирает данный поступок, считая, что он не может иметь некоторых нежелательных последствий, возможных при альтернативных решениях. От Х-а зависит его поступок".

Пример: *Я подозреваю, что ты поступил не совсем благоразумно.*

Х поступает неосторожно ≈ "по мнению говорящего, в поступке Х-а проявляется то, что Х, поступая таким образом, не придает достаточного значения последствиям данного поступка. Говорящий считает, что совершаемый поступок может иметь нежелательные последствия".

Пример: *А счастье было так возможно / Так близко, но судьба моя / Уж решена. Неосторожно / Быть может, поступила я* (Пушкин, Евгений Онегин).

Таким образом, рассматриваемая группа наречий была проанализирована с семантической и лексикографической точек зрения. Теперь перейдем к описанию коммуникативных характеристик этой группы.

2.2. Коммуникативная характеристика наречий.

В настоящем пункте рассматривается место наречий описываемой группы в тема-рематической структуре предложения. Как отмечалось во многих отечественных и зарубежных работах [18, 19, 6], для оценочных сентенциальных наречий (и вводных слов) рематическая позиция в предложении не характерна. Это также свойство многих других детерминантов (см. [2]).

Для русского языка основным признаком ремы является интонационная характеристика: рема несет главное фразовое ударение (см.: например, [20, с. 10; 21, 22]). Нормальной для ремы является конечная позиция в предложении. Однако возможны и другие позиции ремы — в этом случае она выделяется более сильным (контрастным) ударением. Так, и в (37), и в (38) *Петр* — рема; в (37) рема в конечной позиции, а в (38) — в начале предложения, она маркируется контрастным ударением:

(37) *Мую статью редактировал Петр;*

(38) *Пётр редактировал мою статью.*

Рассмотрим интонационные характеристики сентенциального наречия (как критерий его отнесенности к теме или реме) и его позиционные характеристики по отдельности.

2.2.1. Стандартные интонационные и позиционные характеристики.

Как уже говорилось, для сентенциальных наречий в нейтральном контексте не характерна рематическая позиция. С одной стороны, помещение их в конечную позицию (характерную для ремы) затруднено (в особенности если речь идет об изолированном наречии). Ср. нормальные (39), (40) и неправильные (39а), (40а) с конечным наречием:

(39) *Я опрометчиво согласился участвовать в организации юбилея;*

(39а) *Я согласился участвовать в организации юбилея опрометчиво;*

(40) *Она легкомысленно оставила кошелек в пальто;*

(40а) *Она оставила кошелек в пальто легкомысленно.*

С другой стороны, предложение, в котором наречие стоит на своем обычном месте и несет контрастное ударение, вне специфического контекста также неправильно (для некоторых сентенциальных наречий, например, *напрасно* (42), такая ситуация возможна).

(39б) *Я опрометчиво согласился участвовать в организации юбилея;*

(40б) *Она легкомысленно оставила кошелек в пальто.*

В некоторых контекстах, например, в сфере действия предиката мнения, наречие может нести контрастное ударение и быть ремой [см. (39в) и (40в)].

(39в) Я думаю, что я опрометчиво согласился участвовать в организации концерта — это слишком большая нагрузка для меня.

(40в) Мне кажется, что Маша легкомысленно оставила кошелек в пальто — она не у себя дома.

Перечислим позиционные характеристики синтаксического наречия без синтаксических зависимых.

Нормальной для такого наречия является непосредственная препозиция по отношению к глаголу. Так, в (41а—г) *опрометчиво* не относится к реме. Однако из-за ограничений на позицию наречия нормальным является только (41а), а (41б—г) в разной степени неправильны; (41б) неприемлемо независимо от того, несет ли наречие главное фразовое ударение:

(41а) *Вчера Олег опрометчиво пообещал достать им билеты в Большой театр;*

(41б) **Вчера Олег пообещал достать им билеты в Большой театр опрометчиво;*

(41в) **Вчера опрометчиво Олег пообещал достать им билеты в Большой театр;*

(41г) **Опрометчиво вчера Олег пообещал достать им билеты в Большой театр.*

Из сравнения (41а) и (41б) видно, что более приемлемой для наречия является препозиция по отношению к глагольной группе, чем постпозиция. (41а) и (41в—г) показывают, что место наречия в теме предложения жестко фиксировано.

В независимом предложении синтаксическое наречие образует независимую интонационную группу — одну из тем, в соответствии с концепцией многоступенчатости тема-рематического членения [20, с. 53; 23, 24] и близкой ей концепцией коммуникативного динамизма [25]. Синтаксическое наречие может быть только последней темой в предложении (41а); не может быть первой темой (41г); не может стоять перед подлежащим, которое тоже является темой (41в). (Перечисленные здесь свойства характерны для одиночного наречия, у наречия с зависимыми не такие жесткие ограничения на позицию, см. далее.)

Указанные свойства наречий рассматриваемой группы в разной степени разделяются синтаксическими наречиями других групп. Например, *напрасно* имеет интонационные характеристики, отличные от наречий данной группы: оно обычно образует ремю предложения. Однако *напрасно* разделяет часть проиллюстрированных в (41) позиционных ограничений. Так, для *напрасно* нормальна препозиция в глагольной группе (хотя не обязательно непосредственная) и не характерна постпозиция (ср. (42а—б) и (42в)). Поэтому *напрасно* всегда несет контрастное ударение — (42а—б):

(42а) *Ты напрасно разрешил им пользоваться конспектами;*

(42б) *Напрасно ты разрешил им пользоваться конспектами;*

(42в) **Ты разрешил им пользоваться конспектами напрасно.*

Неожиданно, в отличие от *напрасно*, обычно является темой, а не ремой; ср. неправильные (43в—д). Таким образом, *неожиданно* разделяет интонационные характеристики наречий описываемой группы. Также для *неожиданно* затруднено помещение в постпозицию по отношению к глаголу, (43в) неправильно независимо от того, несет или нет *неожиданно* главное фразовое ударение. Однако для *неожиданно* не обязательна непосредственная препозиция к глаголу. Как и *напрасно*, *неожиданно* может стоять в начале предложения, но при этом оно является не ремой, а первой темой (43б). В препозиции к глаголу контрастное ударение для *неожиданно* не характерно; ср. (43г—д).

(43а) *Накануне концерта он неожиданно отказался принимать в нем участие;*

(43б) *Неожиданно он накануне концерта отказался принимать в нем участие;*

(43в) **Он накануне концерта отказался принимать в нем участие неожиданно;*

(43г) **Накануне концерта он неожиданно отказался принимать в нем участие;*

(43д) *Неожиданно он накануне концерта отказался принимать в нем участие.

Можно было бы привести еще примеры, показывающие, что препозиция к глагольной группе — свойство довольно большого числа сентенциальных наречий.

2.2.2. Возможность постпозиции относительно глагольной группы.

При некоторых условиях возможна также постпозиция наречия по отношению к глагольной группе. Рассмотрим эти условия на примере описываемой группы (их можно распространить и на другие типы сентенциальных наречий). Проиллюстрируем два случая постпозиции: 1) наречие стоит в конце предложения и образует его ремю; 2) наречие стоит после глагола, но перед каким-либо дополнением глагола — т.е. в середине глагольной группы; при этом наречие находится в постпозиции по отношению к глаголу, но не в рематической позиции.

Основным фактором, при котором возможна постпозиция, является наличие у наречия зависимого со значением степени, которое как бы "информационно утяжеляет" его. Примеры подобных зависимых — слова и выражения *довольно, очень, весьма, в высшей степени, так, по меньшей мере*, а также непосредственно следующие за наречием усиливающие выражения типа *...если не сказать...* Так, сравним менее приемлемые (44а)—(47а) и более приемлемые (44б)—(47б). В этих примерах наречие или группа наречия находится в постпозиции к глагольной группе. Наречие без зависимых не может стоять в этой позиции [примеры (а)]; с зависимым может стоять в ней и образует ремю [примеры (б)]:

(44а) ?Он пропустил прошлое заседание кафедры легкомысленно;

(44б) Он пропустил прошлое заседание кафедры в высшей степени легкомысленно;

(45а) ?Она оставила деньги дома благоразумно;

(45б) Она оставила деньги дома весьма благоразумно;

(46а) ?Ты сказал ему об этом неосторожно;

(46б) Ты сказал ему об этом по меньшей мере неосторожно;

(47а) ?Она взяла с собой дорожную аптечку предусмотрительно;

(47б) Она взяла с собой дорожную аптечку в высшей степени предусмотрительно.

Теперь рассмотрим случай, когда наречие с зависимым стоит после глагола, но перед каким-либо его дополнением. Это дополнение образует ремю предложения, а наречие не относится к реме, ср. (48а—б)—(50а—б).

(48а) ?Я понадеялся легкомысленно на помощь домашних;

(48б) Я понадеялся довольно легкомысленно на помощь домашних.

(49а) ?В своей статье он допустил неосмотрительно несколько небрежных слов по поводу женщин;

(49б) В своей статье он допустил весьма неосмотрительно несколько небрежных слов по поводу женщин;

(50а) ?Я посоветовал ему опрометчиво забрать документы;

(50б) Я посоветовал ему весьма опрометчиво забрать документы.

Примечание: (50а) неправильно в обеих трактовках: когда *опрометчиво* относится к *посоветовал* и когда оно относится к *забрать*; (50б) правильно только в первой трактовке, когда *весьма опрометчиво* определяет *посоветовал*.

Постановка наречия и его зависимого внутри глагольной группы возможна только при некоторых типах дополнения, следующего за наречием. Так, в (48б)—(50б) после группы наречия стоит дополнение, выражающее семантическую роль "содержание" [14, с. 125]. Группа наречия не может стоять между глаголом и дополнением, выражающим определенные семантические роли, например, "объект". Так, (51б) столь же неправилен, как (51а):

(51а) *Он пропустил легкомысленно заседание кафедры;

(51б) *Он пропустил весьма легкомысленно заседание кафедры.

Важно заметить, что наречие с синтаксическими зависимыми в препозиции к

глаголу допускает большую свободу расположения, чем одиночное наречие, ср. (41в) и более приемлемое (41д):

(41д) *(Вчера) очень опрометчиво Олег пообещал достать им билеты.*

Кроме фактора "утяжеления" наречия зависимыми степени, существует еще один фактор, делающий возможной постпозицию наречия по отношению к глаголу. Постпозиция возможна, если пропозиция Р выражается очень коротким высказыванием, состоящим из одного-двух слов:

(52а) *Он отказался благоразумно;*

(52б) *Он согласился опрометчиво.*

Таким образом, для сентенциального наречия данной группы нормальной позицией в предложении является позиция в теме, причем наречие должно стоять непосредственно перед глаголом. При определенных условиях наречие может быть в постпозиции к глаголу, и в частности в рематической позиции. При этих условиях (степенных зависимых у наречия или малой длине Р) происходит изменение соотношения информационной нагруженности Р и группы наречия в пользу последней (по сравнению со стандартным соотношением). Некоторые из указанных закономерностей (препозиция по отношению к глаголу, тематическая позиция) могут быть распространены на другие группы русских сентенциальных наречий*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985. С. 13.
2. Шведова Н.Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // ВЯ. 1964. № 6.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
4. Bartsch R. The grammar of adverbials. A study in the semantics and syntax of adverbial constructions. Amsterdam, 1976.
5. Jackendoff R. Semantic interpretation in generative grammar. Cambridge (Mass.); London, 1972.
6. Коклюва Е. Sentence adverbials in a functional description. Amsterdam, 1986.
7. Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл — Текст" // Wiener Slavistischer Almanach. 1980. Bd 1. S. 182—185.
8. Яровая Л.Л. Мнимые наречия и коммуникативная перспектива высказывания // Тез. конф. молодых сотрудников и аспирантов. Языкознание. М., 1988.
9. Dik S.C. The semantic interpretation of manner adverbials // Linguistics in the Netherlands. 1972. N 1.
10. Падучева Е.В. О референции языковых выражений с непредметным значением // НТИ. Сер. 2. 1986. № 1.
11. Апресян Ю.Д. Понятие субъекта и особенности его выражения в английском, русском и французском языках // Функционально-типологические проблемы грамматики. Вологда, 1986.
12. Яровая Г.Г. Наречия, характеризующие деятеля // V Всесоюзная школа молодых востоковедов: Тез. докл. Т. 2: Языкознание. М., 1989.
13. Пеньковский А.Б. Категориальные признаки наречий и их отражение в словаре: I. Субъектно-объектная ориентация // Сочетание лингвистической и внешнелингвистической информации в автоматическом словаре: Материалы Всесоюзной школы-семинара. Ереван, 1987.
14. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
15. Lakoff J. Instrumental adverbs and the concept of deep structure // Foundations of language: Intern. journal of language and philosophy. 1968. V. 4. N 1. P. 8.
16. Fillmore Ch.J. Types of lexical information // Foundations of language: Intern. journal for language and philosophy. 1968. V. 4. N 4.
17. Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Заметки о контроле // Речь: восприятие и семантика. М., 1988.
18. Jackobson S. Adverbial positions in English. Stockholm, 1964.
19. Greenbaum S. Studies in English adverbial usage. London; Harlow, 1969.
20. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение. М., 1976.
21. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977. С. 150.
22. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С. 295.
23. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл — Текст". М., 1974. С. 65—66.
24. Boguslavsky A. Problems of the thematic-rhematic structure of sentences. Warsaw, 1977. P. 299—302.
25. Firbas J. On defining the theme in functional sentence analysis // Travaux linguistiques de Prague. Praha, 1966. P. 280—282.

* Автор выражает свою искреннюю признательность Ю.Д. Апресяну, И.М. Богуславскому и Л.Л. Иомдину за помощь и консультации и благодарит А.Е. Кибрика за ценные замечания.

© 1994 г. ИТКИН И.Б.

ЕЩЕ РАЗ О ЧЕРЕДОВАНИИ *e* ~ *o*
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Альтернатива *e* ~ *o* (в дальнейшем обозначается [*e* ~ *o*] с опущением знаков ударения, а иногда и слов "чередование" или "альтернатива"), объединяющая случаи типа *сельский* — *сёла*, *ель* — *ёлка*, *дремлет* — *дрёма*, *мёртвый* — *смертный* и др., — одно из самых интересных и сложных морфонологических чередований русского языка. Оно охватывает 70—90 корней и ряд суффиксов; среди чередований гласных с ним могут сравниться по распространенности только так называемый "неустойчивый вокализм" (*собрать* — *соберу* — *собираю* — *собрать* — *собрать*; *рыть* — *ров* — *рва*) — около 80 корней — и, в меньшей степени, — различные случаи сосуществования полногласных и неполногласных форм (*здоровый* — *здравный*; *влечь* — *волочь* — *влачить*) — примерно 45 корней и 3 приставки. Предварительные замечания по [*e* ~ *o*] можно найти у Н.С. Трубецкого [1] и С.П. Обнорского [2]; весьма интересный подход к описанию этой альтернативы предложен А.К. Поливановой [3, с. 17—18]; наконец, один из частных ее аспектов рассмотрен в сравнительно недавней статье Р. Блатной [4]. А самым развернутым и обстоятельным остается на данный момент исследование, выполненное Т.М. Лайтнером, к 25-летию выхода статьи которого [5] и приурочена настоящая заметка. Во всех этих работах представлен богатый фактический материал и предложены пути разрешения целого ряда проблем, возникающих в связи с альтернативой *e* и *o*, но наиболее эффективный и адекватный способ ее описания, на наш взгляд, не найден. Связано это с тем, что морфонологические исследования русского и других языков, пик которых пришелся на 70-е годы, ко второй половине 80-х почти прекратились под влиянием общего сдвига интересов лингвистов в сторону синтаксиса и семантики и не были доведены до конца.

Рассмотрим сначала проблему морфонологического представления единиц, участвующих в чередовании [*e* ~ *o*]. Перед обеими его ступенями выступают мягкие согласные, но в ряде случаев может быть продемонстрирована их исходная твердость, ср. *течь* — *истёк* — *исток*, *спасение* — *спасённый* — *спасу*, *вертит* — *отвёртка* — *ворот*. Мы будем считать в этой связи, что альтернативой морфеме {*e*} является здесь морфема {*o*}, перед которой заднеязычные и *ц* переходят в шипящие, а другие твердые — в парные им мягкие. Данное решение поддерживается требованиями системы — наличием в русском морфонологическом инвентаре таких единиц, как {*y*} и {*a*}, начинающих суф. {*ук(а)*}, {*уг(а)*}, {*ан*} и др., ср. *гад* — *гадюка*, *вор* — *ворюга*, *кольцо* — *кольчуга*, *трава* — *травяной*.

Далее, необходимо определить, какая из ступеней чередования является исходной. На возникающие при этом сложности указывает А.К. Поливанова: "...Если рассматривать направление *e* → *o*, то мы должны либо признать это чередование нестандартным либо различать на глубинном уровне две единицы, отражающие древнее фонологическое различие между *e* и *ǝ*¹. Выбор же

¹ Отметим, что указанная здесь альтернатива является мнимой. Если две фонологически тождественные единицы ведут себя по-разному относительно некоторого чередования, то такое чередование, безусловно, нестандартно. Но, постулируя между данными двумя единицами глубинное различие, мы не отрицаем, а лишь механически устраняем эту нестандартность. Отличие [*e* ~ *o*] от многих других нестандартных чередований, имеющихся, наверно, в любом языке с развитой морфонологией (например, от русск. *n* ~ *ш*: *олень* — *олешек*, *но окунь* — *окунёк*), лишь в наличии хорошего исторического объяснения его синхронной нерегулярности

направления $o \rightarrow e$ позволяет представить чередование как стандартное, не прибегая к введению дополнительных символов в глубинную запись" [3, с. 18]. Мы, однако, полагаем, что ситуация вполне симметрична: выбор направления $o \rightarrow e$ позволит исключить из рассмотрения многочисленные морфемы, где после мягкого согласного под ударением выступает только *e*: *креп-* (*крепкий, крепь, крепость*), *вед-* (*поведать, сведения*), *стрел-* (*стрелка, застрельщик*) и т.д., — но, вопреки мнению А.К. Поливановой, поставит нас перед аналогичной проблемой в отношении тех (также отнюдь не малочисленных) морфем, где в той же позиции всегда сохраняется *o*: таковы корни *лёт-* (*полёт, лётчик, слёток*) и *тёт-* (*тётя, тётушка*), *щёк-* (*щёчка, пощёчина*) и мн. др., суф. *-ёж* (*кутёж, молодёжь*)². Поэтому мы, как это обычно и делается, будем рассматривать данную альтернативу как направленную от {e} к {o}.

Такое решение, действительно, предполагает различие морфемем {e₁}, не чередующейся с {o}, и {e₂} — чередующейся. Как {e₁}, так и {e₂} могут быть беглыми и небеглыми (*в отместку — мстит, хребет — хребта* и неск. др., но *темень — тёмный — тьма, седельщик — седёлка — седло* и т.д.). Таким образом, класс *e*-морфемем содержит следующие единицы:

Морфонема	Наличие чередования с 'o	Наличие чередования с нулем
e ₁	-	-
e ₂	+	-
e ₁ '	-	+
e ₂ '	+	+

Слова с {e₁} — это, как правило, образования с *ѣ, старославянизмы и заимствования, {e₂} — обычное *e, {e₁'} из *ъ в старославянизмах и некоторых других словах, {e₂'} содержат все прочие слова с *ъ и слово *лёд*, где этимологическое *e развило вторичную беглость. При этом {e₂} чередуется с обычным {'o'}, а {e₂'} — с беглым (морфонема {'o'}). В случаях, когда различие между {e₁'} и {e₂'} несущественно, мы записываем беглые *o* и *e* как [*] и [*'] соответственно, а сокращенная запись [*e*~*o*] далее обозначает переход {e₂}→{'o'} и {e₂'}→{'o'}. под ударением.

Перейдем теперь к анализу основного правила Т.М. Лайтнера. Согласно ему, *e* переходит в *o* не перед мягким ("диезным") согласным, что представляет собой небольшое, но существенное видоизменение исторического процесса, заключавшегося в переходе *e* в *o* перед твердым ("недиезным") согласным [5, с. 65, 68]. Согласные *ж* и *ш* рассматриваются при этом как твердые, а *ц* — как мягкий.

Эмпирическая неадекватность этого правила очевидна. Мало того, что *e* регулярно выступает перед цепочкой согласных, из которых мягким является только самый правый: *твердь, мертвенный, шерсть, пестрядь* и др., число случаев появления *o* между мягкими также очень велико и явно составляет открытый список (*весёленький, котёльчик, пулемётник, тёмн, бёдер, отёки, об упрёке, к растрёпе*...). Для объяснения первого из этих явлений пришлось бы постулировать смягчение *r* перед мягкими зубными и *st* перед *r*, что вкупе с правилом их последующего отвердения лишено смысла; второе Т.М. Лайтнер объясняет, вводя для таких словоформ НС-структуры типа (запись здесь и далее графическая) ((пулемёт)+ик), ((тём)+ен) и т.д. с "отсечением" смягчающего гласного. К сожалению, ценность этого остроумного приема сведена на нет получающимся логическим кругом: не задав априори принципы построения НС-структур, а устанавливая их отдельно для каждого класса словоформ, американский лингвист

² Маргинальный суф. *-еж* (*рубезж, мятеж, падеж*) — другая морфема, неизменно сохраняющая *e*

выбирает среди возможных структур такую, применение к которой правила "даст возможность деривации правильной гласной во всех случаях" [5, с. 73]³. Так, разницу между прилагательными на *-ный*, многие из которых допускают переход *e* в *o* (*тёмный*, *звёздный* и т.п.), и прилагательными на *-ский* (*женский*, *земский*, *сельский*), которые его не допускают, Т.М. Лайтнер относит за счет того, что первые из них производны от существительных, а вторые — нет: «Если бы *жёнский* и *сёлский* были отыменными образованиями, связанными с основами, исходными для *жена*, *село*, они означали бы соответственно "подобный жене" и "относящийся к селу"; кроме этого, они имели бы ударение на окончании: **женско́й*, **сельско́й*» [5, с. 73]. Это рассуждение неубедительно сразу по нескольким причинам. Во-первых, слово *сёлский* действительно означает "относящийся к селу", но *село* значит здесь "сельская местность". Во-вторых, исходное значение корня *жен-* именно "взрослый человек женского пола", что видно по словам вроде *женоненавистник*, а сужение этого значения в лексеме *жена* не обязательно распространяется на производные от нее. В-третьих, прилагательное *мужско́й*, ничем не отличаясь ст прилагательного *жёнский*, имеет тем не менее ударение на окончании. Наконец, с тем же успехом можно доказать, что многие образования на *-ный* также непроизводны. Например, явно отыменное прилагательное *речно́й* означает "относящийся к реке" и имеет ударение на окончании, тогда как то же самое прилагательное *тёмный* не значит ни "относящийся к тьме", ни "подобный тьме" и к тому же имеет ударение на основе; получается, что оснований для признания его непроизводным вполне достаточно.

Кроме того, НС-анализ не позволяет объяснить появление *o* между мягкими в неоднозначных корнях с беглым *e* (*бёдер*, *вёсел*, *чёрен*, *вёсен*, *ремёсел* и др.), а предложение объяснять дублиеты вроде *решетчатый* — *решётчатый* наличием у таких словоформ вариантных структур [5, с. 76] вообще подрывает саму идею морфологического анализа по НС, потому что нельзя будет найти разумных оснований для приписывания той или иной возможной структуры любой словоформе того же строения, не содержащей *e* (например, *лапчатый*).

Таким образом, единственным, на наш взгляд, способом НС-анализа русских словоформ, позволяющим получать обоснованные результаты, является такой, при котором каждая следующая составляющая получается из предыдущей добавлением одной морфемы, причем выбор в пользу одной из двух конкурирующих морфем (приставки и суффикса) осуществляется в соответствии с деривационной историей данного слова, например: (((ветш)+а)+ть) — ((об+((ветш)+а))+ть) — (((об+((ветш)+а))+л)+ый). Объяснить чередование [*e* ~ *o*] через различие в НС-структурах при таком подходе к их приписыванию, разумеется, невозможно, и мы больше не затрагиваем эту проблематику.

Что же касается предположения о твердости *ж* и *ш*, то в этом случае число исключений, приведенных, кстати, почти полностью самим Лайтнером (*грежу* — ср. *грёза*, *чешет* — ср. *зачёс*, *тешет* — ср. *тёс*, *брешет* — ср. *пустобрёх*, *лежень* — ср. *лёг*), превышает число правильно построенных форм (*дёшево*, *молодёжь*, *лёжа*).

В то же время сама мысль о связи [*e* ~ *o*] с твердостью—мягкостью интуитивно кажется правильной. Можно заметить, что если в некоторой морфеме вообще допускается [*e* ~ *o*], то в позициях, где ее правым соседом не является морфема, содержащая смягчающие морфонемы, практически всегда выступает ступень {'*o*'} (о немногих отступлениях от этой закономерности см. ниже). Дадим на этой основе первую формулировку рассматриваемого чередования:

³ Ср. у А.К. Поливановой: "Хотя структура словообразовательных составляющих в данной основе может быть формально маркирована..., сама эта маркированность не является основанием для признания различия морфологических НС-структур: ведь в этих случаях у нас нет иных оснований, кроме различий в оформлении основ. Иначе возникла бы ситуация порочного круга" [3, с. 10].

(I) а) Чередование [e~o] имеет место в случае, когда за морфемой, содержащей ударное {e₂} ({e₂'}), не следует непосредственно морфема, содержащая смягчающую морфону;

б) в противном случае чередование отсутствует.

Правило (I) позволяет объяснить очень значительное число наиболее многочисленных и регулярных случаев сохранения *e* под ударением в одних формах и его перехода в *o* в других. В частности, ступень *e* всегда выступает в парадигмах глаголов, основы которых подвергаются в ряде форм так называемому переходному смягчению (сокращенно — ПС): это глаголы II спряжения на *-ить* (*грести* — *греду*, ср. *грэза*; *перечить* — *перечу*, ср. *поперёк*) и *-еть* (*вертеть* — *вертит*, ср. *свёрток*) и I спряжения на *-ать* (*трепать* — *треплет*, ср. *трёпка*; *метать* — *мечет*, ср. *пулемёт*; *дремать* — *дремлет*, ср. *дрёма*). Поскольку ПС присуще не всем глаголам (ср. *мести* — *метёт*, *сорвать* — *сорвёт*), а лишь определенным их классам, то естественно считать, что вызывается оно особыми аффиксами (ПС-морфемами), выступающими в подпарадигме настоящего времени у глаголов этих классов. Морфонологическая интерпретация ПС-морфем может быть различной⁴, но несомненна их представленность именно смягчающей морфемой. Корни, от которых образованы глаголы вроде *корёжить* или приводимого Т.М. Лайтнером *стрёмить*, записываются, как предполагалось выше, в виде {кор'ож}, {стр'ом}. Полностью отсутствует *o* в падежных формах существительных, склоняющихся по мягкой разновидности I и II и по III склонению (*тетеря* — ср. *тетёрка*, *кошель* — ср. *кошёлка*, *пень* — ср. *опёнок*, *чернь* — ср. *чёрный*, *зернь* — ср. *зёрна*, *ель* — ср. *ёлка*). Особенно примечательны здесь два примера: *чёрт* с {o} при отсутствии {ф} в единственном числе — *черти* с {e} при его аномальном появлении во множественном, и *день* с *e* перед {ф} — просторечное *дён* (род. мн.) с характерным отвердением конечного *n* (ср. *песня* — *песен*, *излишний* — *излишен*). Еще две словоизменительные морфемы, перед которыми *o* недопустимо, — это {*j(a)} (*перо* — *перья* при *кистепёрый*) и окончание инфинитива, морфонологически представляемое как {т'и} (*учесть* при *учёт*, *течь* при *наутёк*, *сберечь* при *сберёгший*).

Многие словообразовательные суффиксы также запрещают [e~o]. В приводимом ниже списке действие каждого из них проиллюстрировано для краткости лишь одним-двумя примерами:

- ени**: *ремесленный* при *ремесла*, *набедренный* при *бёдра*;
- ень**: *темень* при *тёмный*, *перстень* при *напёрсток*;
- ин**: *женин* при *жёнка*, *сестрин* при *сёстры*;
- иця**: *поземица* при *позёмка*, *околесица*⁵ при *околёсная*;
- иня**: *поперечина* при *поперёк*, *расщелина* при *щёлка*;
- ье(-ие)**: *ущелье* при *щелка*, *терние* при *тёрн*;
- ядь**: *пестрядь* при *пёстрый*;
- ск** ({еск}, ср. *дружеский*): *земский* при *чернозём*, *Козельск* при *козёл*;
- ля** ({*л'(а)}): *гребля* при *огрёбок*;
- бище** ({*б+ищ(о)}): *сельбище* при *сёла*, *лежбище* при *лёжка*;
- ня** ({*н+ф(а)}): *пчельня* при *пчёлы*;
- ний** ({*н+ф(ый)}): *передний* при *вперёд*;
- ник** ({*н+ик}): *колесник* при *колёса*, *лёдник* при *лёд*.

⁴ Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой переходное смягчение вызывается морфемой {j}, а обычное — передними гласными и особой морфемой "нуль-смягчающий" (обозначается {ф}). Например, *свеча* получается из {свет+j+a} (ср. *свет*) а *тетя* — из {т'от+ф+a} (ср. *тетка*)

⁵ Произношение *околесица* является сейчас едва ли не единственно возможным. Тем удивительнее, что до самого последнего времени все известные нам словари приводили форму *околесица*, иногда даже с безнадежной пометой "не *околесица*". В "Орфоэпическом словаре" 1989 г. оба варианта даны как равноправные [6, с. 326].

Напротив, в ряде случаев допустимой оказывается только ступень 'о. Более 40 слов этой группы оформлено суф. -к ({*к})⁶: *решётка* (ср. *решетник*), *посёлок* (ср. *посёлит*), *сажёнки* (ср. *сажёнъ*), *жёрдочка* ({жерд+*к+*к+а}, ср. *жердь*), *лёгок* (ср. *легче*) и мн. др. После *к, г, х, ц* этот суффикс выступает в виде {*к} (в существительных, но не в прилагательных, ср.: *лёгкий, мягкий*), так что образования типа *пешка* (ср. прост. *пёхом*), *утечка* (ср. *отёк*) вполне правильны. Ступени 'о требуют простые прилагательные и производные от них существительные на -ость: *твёрдый, твёрдость* (ср. *твёрдь*), *весёлый, весёлость* (ср. *веселье*), *кистепёрый* (ср. *перья*), *жерёбая* (ср. *жеребчик*) и т.п.; глаголы с суф. -ыва-: *нахлёстывать* (ср. *хлещет*), *вытёсывать* (ср. *тешет*), *задрёмывать* (ср. *дремлет*). Если -ыва- предшествует ПС-морфема, то, в полном соответствии с правилом, переход отсутствует: *скрещивать* (ср. *крёстный*), *раскошелиться* (ср. *кошёлка*), *зарешечивать* (ср. *решётка*). Интересно сопоставить однокоренные пары: *вывёртывать — заверчивать, подчёркивать — расчерчивать*. Еще можно упомянуть суф. -ов (*чёртов, можжевёловый*) и диминутивы -ушк, -ышк (*жёнущка, чёртушка, пёрышко, зёрнышко*).

Однако количество фактов, не вписывающихся в правило (I), достаточно велико. Обращают на себя внимание случаи типа *честь* (ср. *четвёртка* с тем же суф. -т-) или *мёртвый — мертвенный*: видно, что суффиксы, состоящие из одних согласных, проницаемы для воздействия на корень своих правых соседей.

Значительное число аффиксов со смягчающими морфонемами допускает в той или иной мере появление ступени 'о [иначе говоря, по сравнению с правилом (I) — и, заметим, с правилом, реально действовавшим в истории, — в современном русском языке "слишком много 'о'].

Так, смягчающая именная флексия -е (флексия -и в именном словоизменении несамостоятельна: она либо следует за {'} — *кони, но слоны; на цепи, но на тропе*, либо является вариантом -ы после *к, г, х* — *кроки, но коты*), и глагольные флексии -те (2 л. мн.ч. непроч. вр.) и -и (мн.ч. прош. вр.) никогда не запрещают появления ступени 'о (*дрёма — к дрёме, упрёк — об упрёке, рвёт — рвёте, стережёт — стережёте, подпёр — подпёрли, простёр — простёрли*), но, разумеется, и не требуют его (*плеск — о плеске*). Это побуждает выделить среди морфем со смягчающими морфонемами группу "индифферентных", т.е. оставляющих выбор ступени за моговирующей основой.

Кроме вышеперечисленных флексий, сюда относятся все диминутивы: -ик (*чёртик, колёсико, но крестик* — появление ступени 'о аномально запрещено самой основой — см. ниже), -чик ({*ц+ик}, *котельчик*), -еньк (*тёпленький, дешёвенький*), -ец₁ ({*ц₁}, *решётце, веретёнце*). Интересно, что суф. -ец₂ ({*ц₂}), не являющийся диминутивом, не является и "индифферентным", — ср. *туземец, иноземец, жеребец — жеребчик, многоженец, двоеженец*⁷.

Такое свойство этих групп аффиксов выглядит вполне естественным, переключаясь у окончаний с морфонологической (не требуют перехода *к, г, х, ц* в шипящие — ср. *о тюке, роге, духе, отце*), а у диминутивов — с синтаксической (не определяют, в отличие от других суффиксов, системы флексий — ср. *дом — домик, но колесо — колёсико; суп — супец, но окно — оконце и грязь — грязца* и т.д.) "неполноценностью".

Надежное отнесение к одному из классов суф. -ств(о) ({ств(о)}) и -цин(а) ({еск+ин(а)}) затруднительно. Все же на основании слов *земство, равноденствие, женственный, главенство* (от *главный*; ср. с тем же суффиксом *умный — умён*) и

⁶ См. о нем более подробно ниже.

⁷ В настоящее время образования на -женец, как кажется, вытесняются образованиями на -женец. В "Орфоэпическом словаре" имеются курьезные расхождения между нормативными пометами у соответствующих слов: "двоеженец, -нца! неправ двоеженец" [6, с. 113] и "многоженец, -нца! не рек. многоженец" [6, с. 256] (существование людей, произносящих эти слова разнотипно, представляется невероятным).

под. на *-енство* мы причисляем *-ство* к запретительным морфемам, а слова на *-жёнство* и *-плётство* (*многожёнство*, *стихоплётство* и др.) — к исключениям. Суф. *-щина* (*женский* — *женщина*, *земский* — *земщина*, но *подённый* — *подёнщина*), как видно, близок к "индифферентным".

Среди аффиксов, не содержащих смягчающих морфем, отдельного разговора заслуживает *{*к(а)}*. В русском языке, несомненно, имеется несколько омонимичных морфем такого вида. Две из них — суффикс женского рода (*{*к(а)}₁*) и формант, свертывающий словосочетания (*{*к(а)}₂*), — мы относим к "индифферентным" (ср. *лишённый* — *лишенец* — *лишенка*, *упрощённый* — *упрощенец* — *упроценка*; *подземная дорога* > *подземка*, *учебная часть* > *учебка*, но по *дешёвой цене* > по *дешёвке*), все прочие (не решая сейчас вопроса об их точном количестве) — к требующим ступени *о* (примеры см. выше).

Поведение трех очень продуктивных суффиксов — *-щик/-чик* (*{еск+ик}*), *-щица/-чица* (*{еск+иц(а)}*) и *-ный* (*{*н(ый)}*) — резко выделяет их в ряду смягчающих. Биномы с двумя передними гласными, первые два из них парадоксальным образом требуют ступени *о* для всех основ, кроме оканчивающихся на *{л'}* (*{л'}* получается из *{л}* по правилу морфонологического смягчения перед морфемной границей, за которой следует согласный, ср. *колоть* — *кольнуть*, *генерал* — *генеральша* и др.): *заклёпщик*, *-ца*, *пулемётчик*, *-ца*, *щёбённый*, *-ца*, но *котельщик*, *-ца*, *седельщик*, *-ца* и т.д. Суф. *-ный*, по-видимому, просто аномален: по отношению к большинству основ он ведет себя аналогично суф. *-щик* (ср. *поочерёдный*, *тёмный*, *приозёрный*, *двухколёсный* и т.д., но *седельный*, *пчельный*), но в ряде образований обнаруживает свойства "индифферентных" (*протечка* — *протечный* при *отёк* — *отёчный*; *чернозём* — *чернозёмный* при *туземец* — *туземный*) и даже запретительных (*поперёк* — *поперечный*) аффиксов. Не подчиняется никаким правилам выбор ступени *е* или *о* в словах с суф. *-ист-* (число их невелико): *перистый*, *приземистый*, но *утёсистый*, *кремнезёмистый* и неск. др. Перед суффиксом компаратива *{е}* *о* аномально отсутствует в *легче* (*{лег+*к+е}*), ср. правильные *жёстче*, *чётче*, *вёртче* с тем же суф. *-к-*, и аномально же присутствует в *твёрже* (*{тверд+е}*), ср. правильные *дешевле* и устаревшее *тяжелее*.

Имеется, конечно, и некоторое число исключений, не связанных с теми или иными аффиксами. Переход *[e~o]* отсутствует в группе производных существительных, куда входят *блеск* (ср. *блётка*), *плеск* (ср. *выплёскивать*), *черта* (род. мн. *черт* — ср. *чёрточка*) и уже упоминавшееся слово *крест* (ср. *перекрёсток*). Мнимым исключением является *среда*: между неполногласным и полногласным вариантами одного корня возможно как соотношение *{re₁}~{e₁re₂}*, так и соотношение *{re₂}~{e₁re₂}*: *срэды* — *серёдка*, *предок* — *вперёд*, но *упрёк* — *поперёк*. Два корня на заднеязычные едва ли не половину форм образуют неправильно: *опека* (*/|опёка*), *пекло*, *пекарь* при *припёк*, *запёкшийся* и *лёжа*, *лёжка*, *полёживать* при *лечь*, *лежень*, *прилежный*. Корень *зев-* подвержен нерегулярным чередованиям *e~и* и *в~j~ф* (ср. *зевать* — *ротозей* — *зиять* — *разинуть*), и отсутствие перехода *е* в *о* в существительном II склонения *зев* — лишь одно из проявлений его общей аномальности (ср. *зёва* — I склонение). Неправильно также слово *четверг* с унификсом *-г* (ср. *четвёртый*). Загадочно существительное *тёща* (*{тест+j+a}*, ср. правильное *тесть*), образованное с помощью суффикса *{j}* (вероятно, запретительного; можно указать на слово *предтеча* и на пару *клёст~клещи* — неясно, однако, в какой мере ее члены осознаются как родственные). Не менее интересно слово *седло* (род. мн. *сёдел*), где наблюдается дважды невозможный переход *{e₁}* (ср. *сел*, *наседка*) в *{o}* перед суффиксом со смягчающей морфемой!

Прежде чем перейти к явлениям, примыкающим к *[e~o]*, но имеющим иное распределение ступеней, дадим новую формулировку условий чередования, гораздо более сложную, но представляющуюся нам и более адекватной.

(11) Пусть в словоформе S ударение падает на морфону {e₂} ({e₂'}), относящуюся к морфеме А.

а) Если за морфемой А следует морфема В, содержащая смягчающую морфону (т.е. одну из морфем {и, е, 'а, 'о, 'у, 'j, 'ф}, и между правой границей А и этой морфемой нет ни одной из передних гласных {а, о, у, ы}), то имеются две возможности 1) В — "индифферентная" морфема (диминутив или одна из вышеперечисленных флексий), в S выбирается та же ступень [e~o], что и в мотивирующей ее основе; 2) В — запретительная морфема; в этом случае чередование отсутствует;

б) во всех прочих случаях чередование имеет место

Естественно, и эта формулировка идеализирует реальное положение дел, так как в ней не отражены ни отдельные исключения, ни индивидуальные особенности морфем {*к₁}, {*к₂}, {еск+ик}, {еск+иц}; {еск+ин}; {*н}, {ист}.

У ряда глаголов, в корнях которых явно не содержится {e₂} ({e₂'}), в форме муж. рода прош. вр. выступает тем не менее ступень 'о. *цвет, расцветка — цвел; дровосек, лесосека — сэк; свет, подсветка — окказ, рассвел; шествовать — шел*. Возникающему в этой связи предположению, что e₁ и e₁' переходят в 'о в претерите, противоречит, казалось бы, огромное число глаголов с сохраняющимся e. Оказывается, однако, что все они имеют другую акцентную парадигму (характеристическая форма — мн.ч. прош. вр.): *эли, сели, терпели, пели, грели, слепли, но брели, вели, обрели секли, цвели, *рассвели, шли*.

Заметим, что при изучении [e~o] с исторической точки зрения "незаконное" претеритное 'о всегда рассматривалось как характерный пример аналогического воздействия. Между тем в данном случае, как и в очень многих других, расплывчатое и не имеющее, по нашему убеждению, никакой объяснительной силы понятие грамматической аналогии может быть заменено вполне строгими правилами чередований. Вероятно, уже после перехода e в 'о начал действовать закон, по которому в форме муж. рода прош. вр. ъ переходил в 'о при наличии акцентной парадигмы b. На протяжении столетий число противоречивших ему форм неуклонно уменьшалось и в настоящий момент равно нулю: последними, уже в 60—70-е годы XX в. "сдались" глаголы с корнем *сек-*

Еще более сложной была перестройка первоначальной системы в причастиях и деепричастиях на -ш-, когда-то допускавших только ступень e. Постепенно воздействие личных претеритных форм привело к установлению в большинстве таких причастий и деепричастий, даже содержащих ъ, ступени 'о⁸. При этом одни формы с e исчезли из языка, другие — *пренебрегший, засекавший, истекший* — сохранились, но воспринимаются как архаичные и клишированные (ср. *за истекший период, но истёкший кровью солдат*). Однако этот процесс практически не затронул формы с исходом на d и t, ср. *ведший, бредший, обретший, расцветший, шедший*. Причастия на -плётший, составляющие в этом плане единственное исключение, похоже, избегаются носителями языка. Причастия на -мётший мы исключениями не считаем: их возникновение явно связано с полной утратой в этом корне ударного e, что допускает его синхронное представление в виде {m'ot}.

Интересен также представленный в омонимичных суффиксах {ов}₁ (адекативный; ср. *отцов, дубовый*) и {ов}₂ (глагольный; ср. *бинтовать*) переход o в e после мягких согласных, ж и ш перед запретительными морфемами и аномальной морфемой -ный. Примеры таковы: *кочую, откочёвывать — кочевье, кочевник; дневать, днёвка — ежедневный, шестидневная (неделя); царев — царевна, царевич; король — королевский, королевство, королевич, королева и аномальное королева; кожа — кожевник, кожевенький; холщовый — холщевник; бахчевник, лапшевник;*

⁸ Если бы замена e на 'о происходила здесь независимо от особенностей словоформы муж. рода прош. вр., то, например, аномальная форма *умёрший* стремилась бы превратиться в **умерший*. В действительности же конкурирующая форма выглядит как *умерший* (ср. *умер*).

харчевня, душевный, плачевный. Это чередование почти не знает исключений: ср. только два слова с *ж* — *чаёвничать* и малоизвестное *роёвня* (//*роевня*).

В предложенных здесь правилах чередования [*e~o*] мы вынуждены были многократно прибегать к оговоркам и уточнениям, охватывающим небольшие группы словоформ. В ходе развития русского языка условия [*e~o*], первоначально четкие, становились все более и более размытыми. Процесс возникновения новых исключений продолжается и сейчас. Скажем, в идиопекте автора этой статьи присутствуют отвергаемые словарями *многоженец* и *двоежёнец*, не включаемый в них *очередник* и т.д. Вполне возможно поэтому, что наше далёкое от идеала описание сделано уже в самом конце того периода, когда хотя бы в большей части морфем, где представлено [*e~o*], распределение его ступеней подчинялось единым, лингвистически содержательным закономерностям*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Трубецкой Н С Морфонологическая система русского языка / Трубецкой Н С Избр тр по филологии М, 1987 С 97—99
- 2 Обнорский С П Переход *e* в *o* в современном русском языке / Обнорский С П Избр раб. по русскому языку М, 1960
- 3 Пошиванова А К Морфонология русского субстантивного основообразования Автореф дис канд филол наук М, 1976
- 4 Vlatna R Přečhod 'e>'o ve skupení *er-* v současné ruštině // Československá rusistika 1985 №3
- 5 Лаитнер Т М Об альтернации *e~o* в современном русском литературном языке / ВЯ 1966 № 5
- 6 Орфоэпический словарь русского языка Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред Аванесова Р И М, 1989

* Автор выражает искреннюю благодарность А Н Барулину, С А Бурлак, Н А Еськовой, Л Л Касаткину и В А Плунгяну за ценные советы и доброжелательную критику в процессе работы над статьей

© 1994 г. ВЕРЕТЕННИКОВ А.А.

**ОБ ОДНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ИННОВАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ**

(некодифицированная функция послелогога *-ра*)

В начале 80-х годов в статьях, публикуемых на страницах иранской прессы, получил распространение особый тип грамматической конструкции с послелогогом *-ра*, который сразу же обратил на себя внимание благодаря явному нарушению норм традиционной грамматики персидского языка. Отличительная особенность данной конструкции заключалась в следующем: если к субстантиву, выступающему в роли прямого дополнения и управляемому переходным глаголом, относится придаточное определительное предложение, то синтаксический показатель послелог *-ра* ставится не после субстантива-антецедента, а непосредственно за придаточным определительным, т.е. оформляет сказуемое придаточного, выраженное глаголом в финитной форме.

Например

(1) *Авамзл-е нэзами-йе шаһ ба хошунāt вā золм-э бэсийар тāванэстэ буданд һār нāва-и-ке мохалеф-э шаһ буд-ра дār голу хāфэ конāнд* (Джомһури-йе эслами, № 1334)¹ "Шахские военные органы, используя насилие и притеснение, смогли заставить замолчать любой голос, который раздавался против шаха".

(2) *Омидвар-им āмвал-е фāрһāнги-йе кешвār-ке бэ тоур-э гāйр-э гāнуни āз мāмлāкāt хярэдж шодэ-āст-ра баз нāс бэзирим* (Эттэлаат, № 18688) "Мы надеемся вернуть культурные ценности страны, которые незаконно были вывезены за пределы государства".

Это грамматическое явление не было отмечено ни в известных нам грамматиках иранских авторов, ни в работах отечественных исследователей персидского языка, в частности, И.К. Овчинниковой, посвященных изучению функций послелогога *-ра* в классическом и современном персидском языке [1, 2], и Ю.А. Рубинчика, всесторонне рассмотренного особенностями построения и функционирования персидских сложноподчиненных предложений с придаточными определительными [3]².

В публикациях последних лет, посвященных языковым проблемам современного Ирана, среди причин возникновения многих новообразований в персидском языке

¹ Иллюстративные примеры взяты из газет "Кейһан", "Эттэлаат", "Джомһури-йе эслами", журнала "Эттэлаат-е һафтэги"

² В классическом персидском языке послелог *-ра* имел довольно широкие функции и мог обозначать прямой объект действия переходного глагола, различные виды косвенных объектов, обстоятельства цели, причины и времени. В современном персидском языке основной сферой его употребления является использование при переходном глаголе для указания на объект действия. Остальные же функции послелогога *-ра* встречаются лишь в высоком стиле речи с оттенком архаичности, просторечной и диалектной речи, а также в устойчивых оборотах и выражениях типа *хода-ра шокр* "слава богу", *то-ра бэ хода* "прошу тебя, ради бога" и т.д. Интересующихся более глубоко проблемой функционирования послелогога *-ра* мы отсылаем к фундаментальным работам по иранским языкам, имеющим обширную библиографию по данному вопросу [4—10].

Задачей же настоящей статьи является рассмотрение особого грамматического построения с переходными глаголами, прямое дополнение которых имеет при себе придаточное определительное предложение.

указывается влияние исламской революции, повышение роли средств массовой информации в общественно-политической жизни страны.

По нашим наблюдениям, время появления данного грамматического неологизма можно отнести к концу 70-х — нач. 80-х годов. Этот период характеризуется огромным количеством ораторских выступлений на митингах и собраниях, тексты которых оперативно передавались через средства массовой информации в устной и письменной форме. В письменных отчетах и репортажах о митингах и собраниях, публиковавшихся в иранской печати, приводились высказывания ораторов в той форме, в которой они были произнесены. Нередко речи ораторов изобиловали длиннотами, излишне усложненными предложениями с несколькими придаточными и многочисленными распространенными второстепенными членами. При этом прямое дополнение, к которому относилось придаточное определительное предложение, нередко располагалось на значительном удалении от сказуемого, что ослабляло четкость синтаксического членения предложения.

Новая грамматическая конструкция позволила поставить послелог *-ra* в непосредственной близости от сказуемого, управляющего прямым дополнением. Это построение дало возможность сementировать прямое дополнение и относящееся к нему определительное придаточное предложение как единое целое. Как отмечала еще И.К. Овчинникова, «будучи поставлен в самом конце атрибутивного сочетания, особенно в случае сложной синтаксической конфигурации последнего, послелог "ра" наряду с интонационными средствами подчеркивает синтаксическое единство атрибутивного сочетания, тем самым способствуя большей четкости синтаксического членения предложения» [1, с. 391]³.

Данный грамматический неологизм вначале стал появляться в таких публицистических газетных формах, как передовая статья, колонка комментатора и т.п., выражающих авторскую позицию и соответственно отражающих индивидуальный стиль, а затем — в статьях и репортажах чисто информационного характера. Таким образом, к середине 80-х годов эта синтаксическая конструкция стала довольно регулярно встречаться в текстах массовой информации, в том числе радио и телевидения, и превратилась в одну из специфических черт газетно-публицистического стиля.

К сфере общественной деятельности, обслуживаемой газетно-публицистическим стилем, относится сфера политико-идеологических отношений. В этом стиле выдерживаются ораторские выступления на митингах и собраниях, а также различные жанры газетных материалов. Специфической чертой газетно-публицистических текстов является сочетание информационно-содержательной функции с функцией убеждения, эмоционального воздействия, см. [11]. Примером такого текста публицистического жанра может послужить приведенный ниже отрывок из статьи, где в пределах одного предложения дважды использована новая грамматическая конструкция которая благодаря своей необычности и новизне способствовала усилению эмоционально-экспрессивной окраски авторской речи.

(3) *Агар дар джостоджу-йе элал-и ҳасти-ке баз шодэ-анд... ин джомҳури дар тул-е доуран-э кутаҳ-и-ке аз омр-йш мигозйрад раҳ-и-ке дигаран дар тул-е даһъа ва сэдъа тэй кярдэ-анд-ра пошт-э сар бзгозарад ва пишрафт-и-йе шеgef-тангиз-и-ке эмруз шаһэд-э ан ҳасти-ра дацитэ баиёд, байад-ке аз нағш-е омдэ-йе ваһдат... һаргез чешмпуши нанэмайим* (Джомҳури-йе эслами, № 718) "Если мы ищем причины, которые сделали возможным то, что ... эта республика за короткий

³ Кстати, следует заметить, что оформление послелогом *-ra* целого предложения возможно и в соответствии с нормативными правилами литературного персидского языка, если оно выступает как единое целое в функции прямого дополнения. Например *Нэгаһбан дар-ра баз кард ва табло-и-ке ру-йаш нэвэштэ шод:* "Һичкэс хяне нист"-ра бз анһа нэшан дад (Эттэлаат-э һафтэги, № 2817) «Сторож открыл дверь и показал им табличку, на которой было написано: "Дома никого нет"», *раһбар-э Чин нэйзйриш-йе "бзгозар джянг-е джйһани-йе сэвном рох дэйд"-ра дар моабэл-е шоурави зраие кардэ буд* (Кейһан, № 11785) «руководитель Китая выдвинул перед СССР тезис "Пусть произойдет третья мировая война"»

период, переживаемый ею, смогла пройти путь, который другие прошли за десятки и сотни лет, и иметь поразительные успехи, свидетелями которых мы сегодня являемся, мы не должны никогда упускать из вида основную роль единства...”.

Особенностью данного стиля является, с одной стороны, обилие газетных штампов, а с другой — стремление избежать их путем создания новых средств из стилистических ресурсов лексики, фразеологии, словообразования, морфологии и синтаксиса.

Следует отметить, что рассматриваемая грамматическая конструкция не вытеснила другие, а начала функционировать параллельно с ними. При этом вследствие своей новизны и необычности она носит в определенной степени индивидуально-авторский характер: одни авторы избегают ее, другие же используют очень выборочно, лишь в отдельных случаях⁴.

Появление грамматического неологизма не прошло мимо внимания иранских языковедов.

В частности, М. Дарахшан в статье “Новоявленная проза” [12], опубликованной в газете “Кейхан”, рассматривает его с традиционно пуристических позиций как неправильность, ошибку, “портящую чистоту и красоту персидского языка”. В статье приводятся примеры нового синтаксического построения с послелогом *-ра*, однако ее пафос сводится к тому, что с этой языковой безграмотностью в персидском языке должно быть решительно покончено. Это новое грамматическое явление рассматривается им с точки зрения нормативного персидского языка, “языка-эталона” (*зэбан-э мэ’йар*), под которым, с одной стороны, он понимает живой персидский язык, “язык базара и улицы”, современные носители которого не находятся под негативным влиянием средств массовой информации. С другой стороны, пишет автор, нормативный язык неразрывно связан с лучшими образцами классической персидской литературы. Приводя многочисленные примеры отклонения от нормы, взятые со страниц иранской прессы, он считает, что “в настоящее время язык радио, телевидения и официальных средств массовой информации ни в коей мере не может стать нормативным и официальным языком страны до тех пор, пока из него не будут устранены разнообразные погрешности и недостатки” [13].

Следует отметить, что в середине 80-х годов в иранской прессе велось оживленное обсуждение актуальных проблем персидского языкознания, в том числе терминотворчества, влияния западных языков, преподавания персидского языка в школе и высших учебных заведениях, качества переводов с иностранных языков на персидский, роли и места средств массовой информации в становлении норм персидского языка и т.д. В частности, в 1986 г. газетой “Эттелаат” была организована дискуссия ведущих иранских языковедов по этим вопросам. В связи с обсуждаемой темой нас особенно интересовало их отношение к языку средств массовой информации и того, что понимается под “нормативным персидским языком” (*зэбан-э мэ’йар*). В ходе данной дискуссии высказывались и точки зрения, прямо противоположные той, что была приведена выше. Например, Б. Хоррамшахи считает, что “нормативный язык — это язык, на котором пишут газеты, передаются сообщения радио и телевидения, потому что это язык практически большинства говорящих, пишущих, слушающих и читающих. ... Другими словами, нормативный язык средств массовой информации в ее устной, зрительной и печатной формах” [14]. В то же время автор справедливо отмечает, что это не дает права закрывать глаза на явные ошибки, встречающиеся в текстах средств массовой информации.

Нам не известно отношение сторонников данной позиции к обсуждаемой грамматической инновации, однако считаем, что если в течение более чем

⁴ Нам не встретилось ни одного случая, когда бы новая конструкция регулярно употреблялась вместо привычной нормативной на протяжении всего текста статьи или устного выступления, что свидетельствует об избирательном характере ее использования.

десятилетнего периода центральные иранские газеты, радио и телевидение довольно широко использовали ее, то, видимо, делали это сознательно. Поэтому мы имеем право попытаться выявить закономерности ее структуры и функционирования, определить место в ряду других грамматических средств в арсенале современного персидского языка.

Хотя рассматриваемое синтаксическое построение как языковое средство и отклоняется от "универсального эталона" кодифицированного литературного языка, тем не менее с функционально-стилистических позиций оно не может расцениваться как языковая "неправильность", "ошибка" или "окказионализм".

Мы солидарны с мнением А.А. Садеги, которое было высказано им в статье "Нищета и богатство персидского языка" [15] относительно возникающих в современном персидском языке новых лексико-грамматических явлений. Он пишет: "Позиция лингвистов по отношению к языку в принципе отличается от позиции традиционалистов (*соннätgära*) и литераторов. Литераторы большей частью являются ревнителями языка (*армангäра*), а лингвисты в большинстве своем являются реалистами, т.е. смотрят на язык таким, каким он есть, а не таким, каким он должен быть...".

Он справедливо полагает, что не следует считать ошибкой и отвергать новые языковые явления, появляющиеся в современном персидском языке, только потому, что такого не было в классическом персидском. "Если бы дело обстояло таким образом, то мы бы сейчас говорили на древнеперсидском языке, как в эпоху Ахеменидов" [15]⁵.

Хотя данные языковые факты и не соответствуют "идеальной", кодифицированной норме литературного языка, но регулярно, в течение десятилетия встречаются в персидском языке в текстах газетно-публицистического характера, по контрасту с "идеальной", кодифицированной нормой литературного персидского языка эту синтаксическую конструкцию можно соотнести с определенной некодифицированной нормой. То, что до настоящего времени было отступлением от идеальной литературной нормы, может стать объективной грамматической нормой для жанра газетной информации. Об этом говорят факты ее регулярного использования, что выводит это явление за рамки окказионального.

Рассмотрим некоторые особенности использования послелога *-ра* в новой функции на конкретных примерах, взятых из иранской прессы.

1. В качестве антецедента, к которому относится придаточное определительное предложение, выступает отдельный субстантив.

(4) *...bäрайе määhgög-э ин häдäф эстратэжи-йе энзэвагäрайи-ра эттэхаз кäрдäнд та джäm'иййät-э бистмэйуни-и-ке нäväd-о-häшт дäрсäд-э ян мосäлман häстäнд-рә äз джähан-э харэдж дäр бихäбäри-йе камэл гäрар дähäнд* (Эттэлаат-э häфтэги, № 2236) "... для осуществления этой цели они стали проводить политику изоляционизма с тем, чтобы держать в полном неведении о внешнем мире двадцатимиллионное население, 98% которого являются мусульманами [см. также пример (1)].

2. В качестве антецедента, к которому относится придаточное определительное предложение, выступает субстантив, являющийся определяемым словом — первым членом атрибутивного сочетания, в состав которого входит несколько определений, выражаемых именами существительными.

(5) *"Hämченин Ирзвани вäзир-э омур-э эттсади вä дарайи-йе кешвär-эман... тärh-э häмкаринä-йе зитсади, базäргани, сән'äти вä элми та сал-е до һэзар-ке бйангär-э äзм-э Джомбури-йе Эслами-йе Иран вä шоурäви бäрайе häмкаринä-йе дэразмоддät мибашäd-ра эрайе нэмуд* (Эттэлаат, № 18783) "Министр экономики и

⁵ В связи с обсуждаемой темой считаем уместным привести определение "грамматической нормы", данное О.С. Ахмановой. "Грамматическая норма — совокупность грамматических правил, выводимых из языковой практики (разрядка наша. — В.А.), имеющая цель направлять и упорядочивать речевую деятельность говорящих на данном языке" [16].

финансов Ирана Иревани также представил проект экономического, торгового, промышленного и научного сотрудничества до 2000 г., который является выражением стремления ИРИ и СССР к долгосрочному сотрудничеству" [см. также пример (2)].

3. В качестве antecedента, к которому относится придаточное определительное предложение, выступает одно из определений, входящих в состав атрибутивного сочетания и выраженных именами существительными.

(6) *Ma āsami-ye nzmāyāndēgan vā karmāndan-i-ke dār sār-ē kar nzmāyāyānd īn ziyād-ē āz hādd gāyābt dārānd-rah zfshā khāhim kārd* (Эттэлаат-э һѳтѳги, № 2066) "Мы обнаружим имена представителей и служащих, которые не приходят на работу или больше положенного отсутствуют".

(7) ...*Tāhmlīgāran-ē "СНА" āz gābl vobjūd-ē hāvapzīmahā-ye dǰāngānd-ē MIГ-21 dār daхzāl-ē kāštī-ye barbāri-ye rusī-i-ke bē su-ye Nīkārāguz dār hārāyāt bud-rah montāfi dānzatē budānd...* (Кейһан, 1984 12.11) "Аналитики ЦРУ раньше считали невозможным наличие боевых самолетов МИГ-21 на борту русского транспортного судна, которое направлялось в Никарагуа...".

4. В качестве прямого дополнения могут выступать несколько однородных субстантивов, к одному из которых относится придаточное определительное предложение.

(8) *Шома ба ма zāyр-э монсэфанэ рāфтар миконид. Дǰāmbzāhā-ye mosbāt-э энzālab-э ма вā zdāmat-э ziyād-i-ke bārāye bazsazī-ye īn māmāyāt mīkeshīm-rah nzmīnzēvisīd, hātta īek kālāmz* (Эттэлаат, № 15976) "Вы с нами несправедливо обращаетесь. Не пишете, даже одного слова, о положительных аспектах нашей революции и больших усилиях, которые мы прилагаем для преобразования нашей страны".

Определительное придаточное предложение может относиться и ко всем однородным субстантивам.

(9) *Nzīy'thā-ye bazdīd-э харzбǰи. ...dār vārāz-ye toūzīhāt-э гомроки байād марк-е карханэ-йе дурбин-э āksbārdari vā īa zhtzmalān māshīn-э rāхtshūyī-i-ke bē hīmrah dārānd-rah bznzēvisānd* (Кейһан, № 11545). "Иностранные туристические делегации... должны написать в таможенной декларации марку завода-изготовителя фотоаппарата или, возможно, стиральной машины, которые они везут с собой".

5. Нами отмечены интересные случаи, когда определительное придаточное предложение относится к вставочному компоненту многокомпонентного глагольного фразеологизма и соответственно оформляется послелогом *-rah*.

(10). *Hāmz āsābani āz dāst-э māс'ulan-ке чера dǰжелов-э кар-э таксīhā-i-ке байād dār shāyр kāр конānd-rah nzmīgīrānd* (Кейһан, № 10572) "Все негодуют на ответственных лиц, почему они не запретят работу такси, которые должны работать в городе".

(11) *Фзлваzг' ātā-ye хāddāmat-э дāрмани вā bārnamzāhā-ye rāfāhī-i-ке zāhzrān bār ān motāyārtzēb āst-rah байād bē lezā-īāsh bāхшīd vā dāftārchē-ye хāddāmat-э дāрмани-rah ... байād bē дур āндахт* (Кейһан, № 10207) "На самом же деле необходимо воздать должное медицинскому обслуживанию и программам повышения благосостояния, якобы обеспечивающимся благодаря им, и ... выбросить книжку социального медицинского обслуживания подальше".

6. Данная грамматическая инновация распространяется также и на определительно-изъяснительные придаточные как особую разновидность собственно-определительных придаточных персидского языка. Как отмечает Ю.А. Рубинчик, "свособразие этого типа придаточных предложений состоит в том, что они, с одной стороны, определяют имена существительные, поясняют их значения, с другой — выступают как развернутые дополнения..." [3, с. 146].

Если в собственно-определительных придаточных предложениях определяемое имя характеризуется с точки зрения одного или нескольких признаков, то в определительно-изъяснительных их содержание раскрывается целиком.

(12) *Сохангу-йе ках-э сэфид ин мйтлаб-ке сокут-э хибйри аз су-йе нар до тйрф моурэд-э тйявоф гйрар герэфтэ-йст-ра тйкид кйрд* (Эттэлаат, 12.11.86) "Пресс-секретарь Белого дома подчеркнул, что отказ дать информацию для прессы явился следствием соглашения между обеими сторонами".

Встречаются, хотя и достаточно редко, случаи оформления послелогом *-ра* придаточных дополнительных предложений, раскрывающих значение дополнения, выраженного в главном предложении указательным местоимением; см. [10, с. 125—126].

(13) *Индк бийаид ан-че-ке дируз нэвэштим-ра бэбусим вй кенар бэгозарим* (Джомхури-йе эслами, № 797) "Итак, давайте то, что мы вчера написали, поцелуем и отложим в сторону".

Наблюдение за функционированием данного грамматического неологизма велось нами со времени его появления в текстах иранских средств массовой информации. Однако с начала 90-х годов новая конструкция с послелогом *-ра* стала использоваться все реже и реже, возможно, под влиянием субъективных причин, в том числе в результате критики со стороны иранских литераторов, редакционной политики и корректорской правки в рамках самих печатных органов, а возможно, и под влиянием объективных причин, вследствие утраты ею необычности и новизны. Следует отметить также и то, что она не закрепилась ни в бытовом речевом общении, ни в языке художественной литературы. В частности, эта грамматическая конструкция ни разу не встретилась нам в рассказах и повестях, публикуемых на страницах иранских газет и журналов. В этот же период мы следили и за афганской периодикой на языке дари, однако обсуждаемая в данной статье грамматическая конструкция с послелогом *-ра* не появилась в текстах средств массовой информации Афганистана, хотя сферы функционирования послелога *-ра* в этом близкородственном языке во многом совпадают с персидским языком.

Факты реального существования и характер функционирования данного неологизма в современном персидском языке позволяют признать его некодифицированной грамматической нормой, используемой в газетно-публицистическом стиле речи. Будет ли он кодифицирован, признан соответствующим языковой норме и войдет в грамматику персидского языка или будет отторгнут языком, покажет только время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Овчинникова И.К. Функция послелога "ра" в современном персидском языке // Тр. ин-та языкознания АН СССР. 1956. Т. 6.
2. Овчинникова И.К. Использование послелога "ра" в произведениях таджикских и персидских классических авторов XI—XV вв. // Тр. ин-та языкознания АН СССР. 1956. Т. 6.
3. Рубинчик Ю.А. Сложные предложения с придаточными определительными в современном персидском языке. М., 1959.
4. Lazard G. La langue des plus anciens monuments de la prose persane. P., 1963.
5. Lazard G. Grammaire du Persan contemporain. P., 1957.
6. Lambton A.K.S. Persian grammar. Cambridge, 1953.
7. Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.
8. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Западная группа, Прикаспийские языки. М., 1982.
9. Расторгуева В.С. Среднеперсидский язык. М., 1966.
10. Рубинчик Ю.А. Современный персидский язык. М., 1960.
11. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982. С. 109—110.
12. Дйрхшан М. Нйср-э ноузохур // Рузнамэ-йе Кейхан. № 12091. 27 бйһмйаһ, 1362.
13. Дйрхшан М. Зйбан-э мэ'йар, зйбан-э мйрдом-э куче вй базар йст // Рузнамэ-йе Эттэлаат. № 17932.24 тйрмаһ, 1365.
14. Хоррймшайи Б. Зйбан-э мэ'йар, зйбан-э рэсанзһа-йе горуһи йст // Рузнамэ-йе Эттэлаат. № 17932. 24 тйрмаһ, 1365.
15. Садзйи А.А. Фйтр вй гйна-йе зйбан-э фарси // Рузнамэ-йе Кейхан. № 13465. 19 абанмаһ, 1367.
16. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 271.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Handbuch der türkischen Sprachwissenschaft. Tl I / Hrsg. von Hazai G. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990. 493 S.

Книга — первый том коллективного труда, который будет состоять из нескольких частей и предназначен для широкого круга лиц, проявляющих интерес к изучению турецкого языка. Подготовленная усилиями тюркологов разных стран, она удачно совмещает простоту изложения с достаточно высоким теоретическим уровнем реализации частных задач программы, изложенной в аннотации и предисловии, и таким образом может рассматриваться и как учебное (обзорное) пособие ("компас для ориентации в расплывчатой литературе и в методическом многообразии турецкой языковедческой науки"), и как разностороннее исследование истории турецкого языка. Почти все статьи в ней содержат перечень и критический разбор существующих концепций по отдельным разделам турецкого языкознания и сопровождаются библиографическими справочниками. Естественно, они не могли быть написаны по единой схеме, в соответствии с заданной программой: неодинаковы глубина разработки различных тем предшественниками и теоретическая значимость решаемых задач, и поэтому нередко принципиально расходятся целевые установки авторов. Последнее обстоятельство существенно затрудняло рецензирование книги, делало неизбежным внесение в рецензию элементов аннотации.

В книге не все приемлемо "с ходу", есть высказывания, с которыми трудно согласиться, есть, пожалуй, ошибочные решения, но в целом она воспринимается как чрезвычайно полезное в познавательном отношении, весьма содержательное и высоконаучное издание. Своими несомненными достоинствами книга обязана хорошо подобранному коллективу авторов — ведущих специалистов в данной области и издателю, Д. Хазай, являющемуся крупнейшим исследователем турецкого языка.

Книга начинается статьей Г. Дёрфера "Место османского языка среди огузских

языков и его предыстория" (с. 13—34). В ней придается большое значение расширению круга огузских языков, осуществленному главным образом за счет открытий, которые были сделаны не так давно в Иране. Автор посетил Иран в 1973 г., обследовал северную часть его и собрал ценные материалы, позволившие ему дать новую классификацию огузских и, шире, тюркских языков. Особое внимание уделено халаджскому языку, в котором сохраняется первичная количественная оппозиция гласных, и хорасанскому, материалы которого собраны впервые. В халаджском языке Г. Дёрфер выделяет два пласта: новый, азербайджанский, точнее, азербайджанообразный ("aserbajdschaioide"), малоинтересный с точки зрения истории языка, и древний, важный для истории всех тюркских языков. Любопытны сведения о степени сохранения старых вокалических долгот в огузских языках, уточняющие наши представления о темпах и масштабах разрушения пратюркской количественной оппозиции гласных. Что касается хорасанского языка, отчасти примыкающего к туркменскому, то изучение его, по мнению автора, облегчает решение проблемы происхождения старого смешанного языка Анатолии, проблемы, получившей наименование *olga bolga dili*. В частности, отмечается факт переселения многих тюрков из Хорасана в Анатолию в период после сельджукского завоевания, что привело к смешению разнородных языковых элементов. Здесь же Г. Дёрфер воспроизводит ранее предложенную им классификацию тюркских языков, общее число которых у него — 7: чувашский, халаджский якутский, южносибирский, кыпчакский, уйгурский, огузский. Остальные тюркские языки — диалекты какого-либо одного из семи упомянутых выше. Так, татарский и казахский — диалекты кыпчакского языка. Нетрудно заметить, что она мало чем отличается от классификации А.Н. Самойловича, в которой при-

веденными только что наименованиями обозначены группы языков. Единственное заметное отличие — выделение в самостоятельную группу халаджского языка. Не отрицая вообще допустимости такой классификации, хочу все же выразить свое негативное отношение к новшествам, не вносящим ничего нового в решение самой проблемы. Точно так же, можно, например, утверждать, что существуют не три, а один восточнославянский язык, и что русский, украинский и белорусский — вовсе не языки, а диалекты восточнославянского языка. Убежден, что никаких серьезных научных оснований для такого утверждения нет. Оно возможно лишь как следствие недооценки совокупности обстоятельств, влияющих на проведение границы между языком и диалектом.

В статье В.Г. Гузева "Исследования тюркского языка Малой Азии периода от XIII до XVI века" (с. 35—62) перечислены главные работы, относящиеся к этому циклу, и изложены высказывания тюркологов о наиболее сложном и до сих пор недостаточно ясном периоде истории староанатолийского языка. Приводятся две основополагающие точки зрения по вопросу о месте и условиях его формирования: 1) староанатолийский язык образовался в Малой Азии и с самого начала имел свой, обособленный от языка Средней Азии, путь развития (Т. Бангуоглу и др.), 2) староанатолийский язык сельджукской эпохи (XI—XIII вв.) был смешанным языком (*olga bolga dili*) и в основе своей близок к литературному караханидскому языку Средней Азии. В более позднее время (XIII—XV вв.) в Анатолии стал развиваться местный письменный язык с явной тенденцией постепенного "очищения" от элементов старого смешанного языка Средней Азии (З. Коркмаз и др.). Именно этот язык получил наименование староосманского. Некоторые авторы предпочли назвать его староанатолийским тюркским (М. Мансуроглу и др.).

Д. Хазан в статье "Памятники османотюркского языка Турции не-арабского письма" (с. 63—73) указывает на важность текстов, написанных армянскими, грузинскими, греческими, древнееврейскими и сирийскими буквами, кириллицей и латиницей для историкофонетических исследований.

Статья Л. Юхансона "Историческая грамматика" (с. 74—103), в которой обстоятельно обсуждаются трудности создания полноценной исторической грамматики турецкого языка, содержит обзор трудов по староосманскому языку и языку более позднего времени.

А. Титце в двух статьях — "Иноязыч-

ные элементы в османотюркском языке Турции" (с. 104—118) и "Влияние турецкого языка на другие языки" (с. 119—145) — представил обширные списки литературы с эпизодическими комментариями.

Самая значительная по объему и охвату теоретических проблем — статья Л. Юхансона "Исследования турецкой грамматики" (с. 146—301). Упоминая о том, что главную роль в описании турецкой грамматики играли тюркологи Советского Союза, многие работы которых имели общетюркологическую направленность, Л. Юхансон отмечает влияние на их исследования теоретико-методологических положений русистики. В статье критически оцениваются различные типы грамматик и грамматических исследований, различные методы и исходные теоретические посылки. Последовательно рассматриваются: морфологическая структура слова, правомерность выделения тех или иных составляющих ее компонентов, например, префиксов и флексии, обоснованность разделения аффиксальных морфем на словообразовательные и формообразующие и многие другие вопросы. Один из разделов статьи посвящен синтаксису: структуре именного сочетания, так называемому тюркскому изафету, порядку слов в предложении, типам предложения и т.д. Л. Юхансон считает, что большинство опубликованных до настоящего времени работ представляет по сути дела лишь дограмматические рассуждения ("prägrammatische Spekulationen") и тривиальные собрания материалов (с. 154), в то время как новейшие направления современной европейской и североамериканской лингвистики остались чуждыми для тюркологии. Думаю, эта оценка — излишне строгая. Во все периоды существования научной тюркологии проявлялся живейший интерес к теоретическим вопросам. Так, долго был предметом дискуссий процесс поляризации глагольных форм, с которым связано образование *verbi finiti*, и обсуждение его не могло не способствовать обогащению грамматической теории. Кстати, тезис об исходной именной структуре тюркского предложения впервые четко сформулировал в грамматике турецкого языка Ж. Дени [1], противоположная же точка зрения нашла отражение в статьях П.И. Кузнецова [2, 3]. Другой пример — гипотеза о посессивной природе предикативных отношений в реконструируемой модели пратюркского именного предложения. Высказывания Г. Винклера, К. Брокельмана и К. Грёнбека послужили опорой для концепции посессивного строя предложения как особого этапа в развитии синтаксической структуры тюркских языков.

Постепенно интерес к указанной гипотезе почти полностью исчез и она утратила самостоятельное научное значение, став тем не менее в известной мере генератором полезных теоретических идей.

В центре внимания И. Крамского — работы по фонетике и фонологии (с. 302—334). Отмечая тесную связь двух дисциплин, автор не отрицает их относительной самостоятельности. Утвердившееся ныне различие фонемы и звука, фонемы и аллофона, ставшее обычным использование функционального подхода к анализу звуковых и просодических единиц и явлений рассматриваются И. Крамским как самые значительные достижения в изучении турецкого языка в послевоенный период.

Х. Штейн представляет очерк турецкой лексикографии, в котором упомянуты все типы словарей (с. 335—370).

Обзор, подготовленный Л. Гржебичеком (с. 371—387), охватывает исследования количественной стороны языка. Ориентация на применение статистических приемов, как он полагает, позволяет ставить по-новому старые проблемы или выдвигать новые, в частности такие, как отношение разговорного и письменного языков на лексическом и морфологическом уровнях. Назвав ряд авторов, использующих количественные приемы, Л. Гржебичек останавливается преимущественно на работах Д. Пирса, содержащих соотносительную характеристику списков частотности слов и грамматических морфем в разговорном турецком языке и в стиливых разновидностях письменного турецкого языка. В обзоре особо выделены также работы, методологической основой которых является теория информации (А. Tretiakoff).

Очерк истории изучения анаголийских диалектов написан З. Коркмаз (с. 388—413), опубликовавшей в разное время ряд диалектологических работ. К числу диалектов, помимо территориальных разновидностей языка, отнесены жаргоны этнических и профессиональных групп. В очерке с сожалением констатируется факт отсутствия лингвистического атласа Анатолии.

К статье З. Коркмаз примыкает очерк Э. Трыарского "Балканские диалекты" (с. 414—453). Отметив сложность этногенеза тюркоязычного населения Балканского п-ва, трудности использования понятия "диалект" в отношении турецких говоров (для некоторых тюркологов все тюркские языки — диалекты одного общетюркского языка), отсутствие строгого разграничения терминов "язык", "говор", "наречие", Э. Трыарский в конечном итоге ограничивает свою задачу

обзором описаний и исследований турецких говоров Болгарии, Румынии, Югославии, Греции и Албании. При этом подчеркивается неравномерность изучения говоров, отсутствие единообразия в приемах лингвистического описания, в транскрипции.

В завершающей сборник статье "Турецкая языковая реформа и языковая политика в Турции" (с. 454—492) Б. Брендемуен дает целостную картину ведущейся в Турции борьбы за сближение письменного языка с разговорным, за создание общедоступного турецкого языка, свободного от иноязычных элементов (*Öztürkçe*), начиная с реформаторской деятельности Ататюрка и кончая преобразовательными процессами нынешнего времени. Как известно, основная тенденция, связанная с этой борьбой, в практической деятельности турецких языковых обществ была откровенно пуристической и заключалась в замене слов и терминов иноязычного происхождения, главным образом арабских и персидских, подходящими турецкими (*resp.* тюркскими) соответствиями. В послевоенный период пуризм приобрел заметную политическую окраску и отношение к реформе стало важным элементом партийного противостояния: народно-республиканская партия (*Cumhuriyet Halk Partisi*), считая себя продолжателем дела Ататюрка, поддерживала реформу, тогда как партия справедливости (*Adalet Partisi*), по существу, настаивала на свертывании ее. Затем Б. Брендемуен кратко излагает содержание публикаций, касающихся данной темы, и, привлекая конкретный материал, описывает методы реформирования языка — пути и способы подбора турецких замен для иноязычных слов и терминов. Примечательны суждения о результатах реформы, которые могут вызвать повышенный интерес у тюркологов СНГ, занимающихся социолингвистическими исследованиями.

Возвращаясь к оценке сборника в целом, следует выразить большую благодарность коллективу авторов за подробный, тщательно подготовленный очерк изучения турецкого языка, надежно обеспечивающий возможность ориентации в огромном количестве специальных работ, в их тематической пестроте и многообразии уровней научно-теоретической глубины. В книге есть опечатки, неточности в наименованиях статей и монографии, случаи неодинаковой передачи географических названий (например, с. 34, 57), не соотношены между собой такие важные термины, как "османский", "староосманский", "османотюркский", "османотюркский язык Турции", "османотурецкий", "староанатолийский тюркский", одна-

ко в большинстве своем встречающиеся погрешности не существенны и несколько не умаляют отмеченных выше достоинств рецензируемого издания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Deny J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli)*. P., 1921. P. 144, 381—384.

Jacob A. Temps et langage: Essai sur les structures du sujet parlant. 2-me éd. P.: Armand Colin, 1992. XX + 411 p.

Рецензируемая книга представляет собой переиздание впервые вышедшего двадцать пять лет назад труда А. Жакоба, ученика Г. Гийома, ныне профессора-эмеритуса в университете Paris-X, руководителя издания "Универсальной философской энциклопедии", выпущенной недавно университетским издательством Франции (Париж), известного специалиста в области философии языка. Влияние мэтра сказывается практически во всех частях монографии: от общелингвистического подхода до языковых иллюстраций и стиля диаграмм. Можно сказать, что данная книга представляет развернутое философское обобщение лингвистических взглядов Г. Гийома, чем, между прочим, объясняется и стиль, не вполне привычный для русского читателя.

Книга состоит из Введения, трех частей (каждая из которых разбита на три главы) и Заключения. Библиография включает работы до 1967 г., что вызывает сожаление, поскольку поднятая проблема в последние два десятилетия исследовалась очень интенсивно. Несомненно ценным является глоссарий, охватывающий не только терминологию концепции Г. Гийома, но и некоторые общеполитические понятия, которым предлагается оригинальное истолкование.

В предисловии ко второму изданию указывается (с. X), что язык обязан времени живучестью и смыслом своего бытия, а время обязано языку своей структурированностью. Язык и время пересекаются в мире символизации (с. XV). Замысел работы, — кстати, основанной на диссертации автора, — заключается в том, чтобы на основе интерпретативного подхода развить теорию субъекта-человека, опираясь на синхронную организацию языка. На передний план выдвигается все, что связано с моментом "Я говорю", который рассматривается во временной перспективе, т.е. синхрония берется на фоне диахронии, которая тем самым "очеловечивается" (с. XVIII). Субъект же берется как "возможность сказать", обуславливающая "возможность сделать" (с. XX)

2. *Кузнецов П.И.* К обоснованию теории вербальности тюркского предложения // СТ 1980 № 3, 4.
3. *Кузнецов П.И.* Является ли строй тюркских языков изначально именным? // ВЯ. 1980 № 6.

Щербак А.М.

Во Введении выдвигается тезис о том, что история постижения времени выливается в колебания между естественным и "сверхестественным". Говорящий субъект — существо, преодолевающее простую зависимость от становления, это свидетель становления, вносящий от себя упорядоченность, достаточную для передачи сообщений. Так говорящий преодолевает свою сиюминутность, вырисовывается из настоящего. Говорящий субъект — и проект, и воспоминание. А язык, употребляемый субъектом, вполне соответствует этому. Так, знаки осмысляются в отсутствии обозначаемых ими предметов и являются в той или иной мере носителями времени (с. 11). Более того (с. 15), знаки эти являются средством избежать необходимости в непосредственном присутствии и исчезновении событий.

В части первой — "Подход синхронии" — отмечается, что для того, кто в нашем мире существует и мыслит, реальность обладает двумя различными плоскостями: эволюцией (со всеми перипетиями изменения) и абстракцией (в конкретный момент) от этой эволюции, но так, чтобы все, что выясняется о таком моменте, сохраняло свою силу для определенного этапа в становлении. Эти взаимодополнительные подходы никогда не бывают представлены в чистом виде. Языковая синхрония — язык сам по себе, взятый в качестве живой единицы там, где диахрония занята историей языка.

В первой главе — "Развитие структурной лингвистики" — идея структурализма характеризуется как представление о том, что каждому языку свойственны некоторые структуры, оправдывающие собственное лингвистическое автономное исследование: языки — объекты для лингвиста — представляют собой единства, в которых царит полная гармония. Однако (с. 47) рассматривать языковую синхронию в качестве конкретного модуса бытия — значит включить это бытие, возможно, даже в негативном смысле, в рамки человеческого становления, а тем самым приписать бытию значимость

во времени. Поиски в диахронии объяснения для форм, находимых в синхронии, хотя и неизбежны, но и недостаточны.

Во второй главе — "Языковое выражение времени" — отмечается, что самым замечательным в отношении между языком и временем является для человека возможность указывать время. Особенно внимание уделяется в этой связи исследованиям Г. Гийома. Есть своеобразная архитектура времени, особенно в рамках глагольных систем каждого языка. Причем время не является самодостаточным контекстом: для его выражения приходится пользоваться средствами, необходимыми для выражения пространства. "Хроногенез" в смысле Г. Гийома (т.е. продуктивная операция по приданию времени свойств пространства, полностью покрывающая систему спряжения) заставляет ревизовать взгляды на синхронию. Время должно рассматриваться как пульсирование синхронии. Синхрония — это структура в самом акте (с. 81).

В третьей главе — "Синхронная организация языкового поля" — подчеркивается, что синхрония находится в центре внимания при рассмотрении времени в современной лингвистике. Методологическая синхрония — стремление учитывать состояния языка в абстракции от реального становления. Синхрония не подчинена, а главенствует над диахронией (с. 84). Есть и другая разновидность синхронии — та которую находят в деяниях каждого говорящего субъекта в качестве обоснования бытия языка — динамическое следствие организации языка. Язык же — само бытование (*être-là*, *Dasein*) темпоральности (с. 85). Язык предстает как более или менее систематичный анализ становления. В соответствии со своими собственными законами он перекомпоновывает смену элементов реальности.

В результате автор приходит к выводу, что не следует смотреть на историю как на синхронные срезы, сосуществующие в определенном моменте, и обращаться к диахронии только в поисках объяснения. Синхрония должна определяться в терминах самих соотношений: систематизация таких соотношений позволяет установить типологическую организацию говорящего субъекта, располагающего неопределенно большим числом экземпляров языковых выражений, предназначенных для понимания и сообщения. Синхронная система конституируется не историей, а мышлением этого субъекта, разворачивающимся во времени (с. 117). Любая безусловная подчиненность настоящего прошлому покоится на ограниченной и недостаточной концепции истории и чело-

веческой темпоральности (с. 117). Чтобы быть объяснительной, лингвистика должна стать генетической, ухватывать механизмы, позволяющие формам конституироваться (с. 118). Заметим в скобках, что именно это положение было принято еще раньше на вооружение в некоторых концепциях генеративной лингвистики, когда правила и процедуры грамматики трактуются не как развертывающиеся в диахронии, а как то, что составляет синхронную систему. Углублять синхронный взгляд — значит, по Жакобу, вычленять операции, характерные для нашего лингвистического взгляда на мир (с. 118).

Во второй части — "Генезис языковой деятельности" — утверждается, что языковые структуры, помогающие составить мир, могут быть поняты только в связи с деятельностью говорящего человека. Именно эта связь позволяет выявить настоящей генезис языковой деятельности. Операциональной (у автора "оперативной" — *opérative*) лингвистикой называется подход, нацеленный на воссоздание системы своих операций. В рамках такой лингвистики, например, именные и глагольные категории противопоставляются в точности как пространство и время (с. 127). Каждый раз, когда имя объявляет некоторую идею, которая представляется имплицитующей процесс, у нее выделяется темпоральный характер, — однако эту категорию понимают в отношении к пространству.

В главе четвертой — "От лингвистических операций к их конструированию" — оперативное время определяется как неметрическая мера систематической организации, предназначенная для осуществления эффективных дискурсов (с. 142). В феноменологических терминах, это оперативное время связывается автором с языком ("ноэматично") в качестве того, что заложено в субъекте ("ноэтично"). Автор склоняется к мысли, что артикль есть дематериализованное имя (с. 162).

В пятой главе — "Оперативная интерпретация языковой эволюции" — постулируется следующее свойство (конструктивности и языковой телеологичности): пока индивид, погруженный в становление, не подвергается какому-либо революционному изменению, время протекает от будущего к прошлому. Именно это движение фундаментально. Но всякая попытка повлиять на становление, особенно с помощью действия, приводит к противоположному направлению. Эта мутация гарантируется именно свойствами языка (с. 165). Вслед за философами 1960-х годов, рассматривавшими человека через призму возможности бытия, развитие

языковых структур Жакоб представляет как смену возможностей сказать, составляющих основную часть человеческого бытия (с. 171). Такая аналогия приводит к очеловечению взглядов на язык, что в терминах "оперативной лингвистики" может быть охарактеризовано как "прояснение": язык — это прояснение, т.е. как раз совокупность средств, благодаря которым мир проясняется для нас (с. 172). Дискурс развертывается во времени, и это, как считает автор, есть расплата за потребность в структуре у языка (с. 176). В то же время, будучи инструментом придания времени свойств пространства, язык служит времени, хотя внешне кажется ему противоречащим (с. 189).

В шестой главе — "Язык как механика значений" — подчеркивается следующее феноменологическое положение: смысл существования языковой эволюции — в актах языка, оперативность которых соответствует генезису системы, совершенно не напоминающей исторический генезис (с. 190). Поэтому именно оперативная синхрония определяет "механику значений": ведь в каждом человеке существуют движения смысла (аналогичные движениям в природе), подчиняющиеся четкой организации, вписывающейся в механику взаимоотношений между миром и человеком по ходу символизации. Эта механика не представляет собой слепые силы, а скорее зависит от человеческого разума и от целенаправленности.

Таким образом, главным пространством изменений является не столько совокупность языковых форм, сколько субъекты, обладающие потребностью в речи. Язык в своей совокупности движений, бесконечно повторяющихся в рамках субъектов — носителей языка, каждый раз заново осваивает революционное изменение, преломляющее космическое пространство-время в смысл человеческого пространства-времени (с. 231).

Третья часть — "Временной подход и лингвистика человеческого субъекта" — завершает книгу в антропологическом ключе. Время, по мнению автора, является местом разрыва между актуальным и неактуальным (с. 237).

В седьмой главе — "Основания языкового опыта" — вводится понятие "темпорализация": движение, которым на основе космического становления конституируется собственно человеческое время и в котором структурирующую роль играют языковые механизмы. Репрезентирующая сила языка тем лучше служит целям темпорализации, чем больше темпорализация содержит жизнь смысла (с. 240). Между человеком и универсумом устанавливается отношение

интериоризации, которое вскрывается в результате не экстерииоризации нашей мысли, а углубления в нас самих и объясняет, чем человек является в универсуме. Чем меньше человек проникает в самого себя, тем больше в нем проявляется универсум. Язык, как и работа, есть раскрепощающее мастерство (с. 247) и потому не ограничивается пространством, а образует систему оппозиций, развиваемых во времени.

В главе восьмой — "Потенциальность и субъект" — власть говорящего субъекта (в ницшеанском смысле) приравнивается к генетическому, неотъемлемому характеру операциональности. Время так и могло бы остаться пустой и аморфной средой, если бы его не представляли одушевленным и структурированным языком (с. 298).

В девятой главе — "Мгновение и история" — развивается понятие стенономии (термин Г. Гийома) — свойства настоящего времени обладать возможностью мыслиться все уже и уже без способности расширяться в мысли бесконечно. Бесконечно большое настоящее, поглощающее прошлое и будущее, перестало бы быть настоящим. В этом состоит соотношение с мгновением акта некоторого субъекта, точки на фоне всеобъемлющего универсума. Структуралистское и генетическое исследования языкового времени показывают переход от широкого — "виртуального" — настоящего к узкому — "актуальному" (с. 303). Человек общается с себе подобными в сфере возможного, а не реального.

В Заклучении подводятся итоги. Человеческое время в наибольшей мере обязано языку в силу того, что само отрицает универсальное протекание, приобретая способность свидетельствовать об этом своей структурированностью в рамках конкретных субъектов (с. 367).

Рецензируемая книга является, несомненно, ценным исследованием. А учитывая то, что это переиздание в основном почти не измененного текста 1967 г., можно сказать, что мы имеем дело с памятником лингво-философской мысли. По всем признакам можно судить, насколько дорога самому автору эта работа. Исследование настолько перегружено общими рассуждениями, а лингвистические иллюстрации играют настолько малозначительную роль, что книгу можно назвать скорее откровениями, прямым изложением интуиции автора, чем изложением доказательства теории. Ну что же, каждый автор волен выбирать свой научный стиль. Просто не все отваживаются публиковать результаты лингвистического исследования именно в этом стиле, стремятся с

помощью (зачастую случайных) примеров уснастить текст языковыми иллюстрациями, не сказывающимися, впрочем, на том направлении, которое примет работа в ре-

зультате анализа конкретного языкового материала. Данная же монография лишена подобного камуфляжа.

Демьянков В.З.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Изд-во МГУ, 1992. 336 с.

Книга А.Е. Кибрика представляет собой сборник статей, в большинстве уже опубликованных в разное время, начиная с 1972 г.; некоторые из них, однако, существенно переработаны при подготовке к данному изданию или же впервые печатаются по-русски. Проблематика, затрагиваемая в книге, очень широка и неоднородна: теория языка, типология, социолингвистика, полевая лингвистика, прикладная лингвистика, кавказоведение и др. Однако, как указывает автор в предисловии, "эти внешне разрозненные лингвистические области знания в действительности самым тесным образом связаны друг с другом, дополняют и обогащают друг друга и, более того, имеют дело по существу с одним и тем же объектом, рассматривая его в различных проекциях. Таким объектом является **ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА ЯЗЫКА**" (с. 3).

Книга открывается статьей "Язык" из "Лингвистического энциклопедического словаря". Здесь автор в соответствии с жанром энциклопедической статьи суммирует накопленные теоретической лингвистикой представления о тех или иных языковых явлениях, давая в ряде случаев и свою собственную интерпретацию ряда спорных вопросов. В сжатой форме, по необходимости тезисно, но четко, изложены основные понятия современной лингвистики. Достаточно удачно определяются такие весьма неясные и спорные понятия, как "говор", "диалект" и "язык", "лексическое и грамматическое значение", "парадигматические, синтагматические и иерархические отношения" и др. Особенно хотелось бы выделить разделы о словаре и грамматике и о видах грамматических правил. Безусловно, рассматриваемая статья не может удовлетворить во всех отношениях каждого лингвиста. Отдельные формулировки, содержащиеся в ней, нередко спорны. Верно, что разграничение языка и диалекта связано не только с чисто языковыми факторами, но и с социальными параметрами, вполне точно перечисленными А.Е. Кибриком, но думается все же, что именно эти социальные параметры играют здесь решающую роль: с точки зрения чисто языковых факторов

вологодско-вятские диалекты скорее бы выделялись в особый язык сравнительно со среднерусскими, чем белорусские; хинди и урду считались бы одним языком, а китайские, арабские и некоторые японские диалекты — особыми языками и т.д. А.Е. Кибрик пишет: "При отсутствии специальной нормирующей деятельности, направленной на консервацию языкового состояния (ср. классический арабский язык), языки постоянно претерпевают изменения во всех звеньях своей структуры" (с. 11). Из этой фразы вытекает, что при наличии нормирующей деятельности языки не изменяются. Однако неизменяющийся язык, вероятно, вообще невозможен, а нормализаций языка, конечно, сильно замедляет его развитие, но не прекращает его. Не говоря уже о лексике, которая постоянно меняется со временем и, даже наиболее поддающаяся нормализации морфология не остается неизменной. Нормализаторы могут следить за тем, чтобы в "правильный" язык не проникали "испорченные" разговорные формы, но они часто не могут предотвратить исчезновения тех форм, которых уже нет в разговорном языке. В старописьменном японском языке XX в. глагольная морфология была сильно редуцирована [1], а в церковнославянском языке XVIII в. уже разрушалась система времен. Безусловно, верно, что системы письменности вторичны по отношению к звуковой материи (с. 12), но все же письменный язык далеко не однозначно соотносится со звуковым и нередко развивается по особым законам.

Весьма интересен второй раздел книги "Языковые постулаты", сжато, в тезисной форме перечисляющий "те коренные сдвиги в лингвистической идеологии, которые происходят в ней в последние годы и, как... думается, должны предопределить ее развитие в ближайшем будущем" (с. 17). По мнению А.Е. Кибрика, лингвистика переходит от метода "черного ящика" к построению моделей, объясняющих, как устроен язык на самом деле; объект лингвистики все более расширяется, включая в себя то, что ранее считалось "не лингвистикой". Признается примат семантики над синтаксисом;

расширяется понимание семантики, в частности, в нее включается и прагматика. Лингвистика все более обращается к проблемам языка и мышления. Исходными объектами лингвистического описания становятся значения, а не формы. Последнее утверждение, на наш взгляд, слишком категоричное. Впрочем, тут же уточняется: "Процесс познавательной деятельности лингвиста должен быть циклическим, чередующим индуктивный, таксономический метод восхождения от формы к ее значению, с дедуктивным, воссоздающим процесс перехода от постулированного значения к выражающей его форме" (с. 25). С этим уточнением с постулатами А.Е. Кибрика вполне можно согласиться. Ограничение объекта исследования "внутренней лингвистикой" и "антиментализм", свойственные передовой лингвистике первой половины XX в., были исторически неизбежны, поскольку дали возможность, сузив объект исследования, значительно продвинуться в разработке строгих лингвистических методов. Теперь же настало время вернуться к свойственному традиционному языкознанию подходу, принимающему во внимание максимально широкий круг явлений, но уже на более высоком уровне. Теми же причинами объяснялась и длительная недооценка семантики, которая является основополагающей не только для синтаксического, но и для других ярусов языка: семантика ввиду ее особой сложности требует особого подхода и лишь сейчас настало ее время.

Два последующих раздела посвящены типологии. Первый из них перекликается с предыдущим: А.Е. Кибрик подчеркивает, что если раньше типология была в основном, по его выражению, КАК-типологией, отвечавшей на вопрос: "Как языки отличаются друг от друга?", то теперь она все более поднимается на более высокий уровень, становясь объяснительной ПОЧЕМУ-типологией, отвечающей на вопрос: "Почему языки отличаются друг от друга?". Переход типологии на новый уровень А.Е. Кибрик связывает с рядом публикаций 80-х годов, в основном американских. Вероятно, можно было бы вспомнить о предвосхищавших такого рода исследования пионерских идеях Е.Д. Поливанова. В следующем разделе речь идет о связях между теорией языка и типологией, с одной стороны, и описанием конкретных языков, с другой. А.Е. Кибрик справедливо спорит с очень распространенной, особенно в нашей стране идеей о том, что исследователям конкретных языков не нужны слишком сложные и непонятные теории и доста-

точно руководствоваться "здоровым смыслом" (под которым обычно понимается сочетание языковой интуиции носителя, скажем, русского языка с идеями "школьного" языкознания, т.е. упрощенный вариант некоторой лингвистической концепции, выработанной для описания европейских языков). Верно сказано: «Это очень опасное заблуждение. Лингвистическая теория необходима не только и не столько для описания фактов, придания им соответствующего "товарного вида", сколько для обнаружения самих фактов. Исследователь, как правило, находит то, что ищет» (с. 41). А.Е. Кибрик рассматривает вопросы выбора лингвистической теории, аппарата описания конкретного языка, его структуры и т.д.

Следующий раздел носит название "Место полевой лингвистики в теоретическом и прикладном языкознании". По тематике сюда же примыкает и раздел "Методика полевой работы с информантом", отнесенный по формальным причинам в ту часть книги, где рассматриваются проблемы прикладной лингвистики. А.Е. Кибрик разделяет описательное языкознание «на две ветви: классическое описательное языкознание, т.е. исследование "изнутри", осуществляемое носителями языков, и полевое языкознание, т.е. исследование "извне", осуществляемое теми, для кого изучаемый язык не является родным и на начальной стадии может быть вообще неизвестным» (с. 39). Само разграничение является очень важным. Правда, вряд ли здесь что-либо определяет признак родного языка: классическое языкознание во многих лингвистических традициях как раз вырабатывалось на материале языков, ни для кого не бывших родными: классической латыни, санскрита, вэньяня, бунго, церковнославянского и т.д. Неясно также, куда при такой дихотомии отнести, скажем, описание английского языка, выполненное в США дескриптивистом: по методу сбора данных это вряд ли полевое языкознание, но при этом делалась сознательная попытка описать родной язык именно "извне" (хотя до конца выдержать такой подход оказывалось практически невозможным).

А.Е. Кибрик имеет богатый опыт полевой работы как руководитель многих лингвистических экспедиций МГУ, о которых особо идет речь в одном из разделов книги. Материал экспедиций послужил основой для теоретических обобщений в его книге [2], две главы которой в переработанном виде вошли в рецензируемую книгу. Здесь выявляется связь полевой лингвистики с

другими областями языкознания, подробно рассмотрена методика работы с информантом.

Экспедиционный опыт помог А.Е. Кибрику и в написании следующего раздела "Проблема исчезающих языков в бывшем СССР", появившегося совсем недавно [первая публикация в 1991 г.]. Его тематика крайне актуальна. Автор разграничивает языки по жизнеспособности на "здоровые" и "больные". «"Больные" языки находятся в той или иной степени деградации. В исторической перспективе наблюдается снижение их социального статуса, сокращение сфер действия, уменьшения числа носителей... Когда последствия "болезни" достигают критического уровня, возникает угроза существованию языка» (с. 67). Предлагается шкала языков по данному параметру: на одном ее конце "здоровые" языки, далее "больные", исчезающие и на другом конце — мертвые. Думается, что в отличие от уменьшения числа носителей снижение социального статуса и сокращение сфер действия все же не являются необходимыми признаками "болезни" языка. Большинство языков, упоминаемых А.Е. Кибриком как "больные", не меняло ни социальный статус, ни сферу действия: они всегда оставались и остаются языками бытового общения с соплеменниками. Просто раньше эта сфера была единственной сферой использования языка для данной народности, а в наши дни появились другие, что стало влиять и на данную сферу.

А.Е. Кибрик выделяет основные факторы, способствующие или препятствующие жизнеспособности языка: количество и возрастной состав носителей, этнический характер браков, степень компактности этноса, языковые контакты, уклад, национальное самосознание, государственная политика и др. Выделение этих факторов вполне продуманно и обоснованно. Приводятся данные о 17 "больных" или исчезающих языках России, сгруппированных по степени "болезни". Отметим, что реально из числа малых языков бывшего СССР в соответствии с классификацией А.Е. Кибрика попадают лишь языки Сибири и Дальнего Востока, а также Балтийского побережья, тогда как малые языки Кавказа и Средней Азии он признает более устойчивыми.

Кое с чем в данном очерке можно и поспорить. Вряд ли верна предлагаемая А.Е. Кибриком периодизация советской языковой политики в отношении малых языков: "20—40-е годы — период признания самобытности различных этносов, создание письменностей для большинства языков...

50—70-е годы ознаменовались линией на создание однородного советского общества, пренебрежением к малочисленным языкам, а иногда и явно проводившейся на местах политикой изживания этих языков" (с. 70). Переломным здесь был не переход от 40-х к 50-м годам, а еще вторая половина 30-х годов, когда началась активная русификация, в том числе в обучении [постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома от 13 марта 1938 г. об обязательном преподавании русского языка с 1-го класса всех национальных школ], тогда же и свернули создание новых письменностей. Неверно также и то, что в 30-е годы, скажем, ингушский язык спутали с немецким, а существование юкагирского языка не замечалось (с. 71): исследователи в то время выделяли и изучали эти языки, просто создать алфавиты и ввести их в процесс обучения к моменту свертывания такой работы для ряда языков еще не успели. Исчезновение многих перечисленных А.Е. Кибриком языков очень реально, однако предсказать, как это делается в книге, время этого, исходя из экстраполяции существующей ситуации, достаточно сложно, в том числе и из-за не упоминаемых у А.Е. Кибрика компенсирующих факторов (см. отмеченное Н.Б. Вахтиным "регрессивное восстановление", при котором "у старшего поколения на фоне всеобщего сдвига этноса к русскому (или иному) языку появляется... возврат к коммуникации на родном языке, который они, казалось бы, давно забыли" [3]). Наконец, следовало бы дополнить список и полностью исчезнувшими в бывшем СССР языками. Нам известен по крайней мере один из них — айнский. По данным экспедиции Института востоковедения АН СССР, последний достоверно известный его носитель на Сахалине умер в июле 1975 г. Почти исчез он и в Японии (группа 1 по классификации А.Е. Кибрика). Кстати, материал айнского языка интересен и в связи с некоторыми структурными проблемами, затрагиваемыми в данной книге: этот язык представляет собой пример редкой, согласно А.Е. Кибрику, контрастной стратегии кодирования актантов (с. 190); сходен он и с кавказскими языками с точки зрения неразличения стивных глаголов и прилагательных (с. 149—151).

Большая часть книги посвящена вопросам грамматической типологии, прежде всего на материале дагестанских языков, активно изучавшихся А.Е. Кибриком в экспедициях. В то же время один из разделов связан с более общими проблемами соотношения формы и значения в грамматиче-

ском описании. Исходя из указанного выше общего тезиса о примате семантики, автор выявляет семантическую основу тех или иных, казалось бы, чисто формальных явлений языка: порядка аффиксов в слове, частей речи, типологии предложения и т.д. В целом такой подход представляется правильным и плодотворным, хотя в некоторых случаях, пожалуй, следовало бы учитывать возможность определенной независимости формы от содержания, ведущей к весьма сложному соотношению между ними. Например, на с. 127 признается, что части речи семантически в своей основе, но «могут быть в разной степени оснащены кодирующими средствами и "догружены" вторичными функциями». Но эти функции, пусть исходно вторичные, могут быть весьма независимы от семантики: в большом числе языков традиционно и, по-видимому, вполне оправданно выделяемые части речи связаны с семантикой лишь в самых общих чертах: достаточно обычно наличие в языках существительных с предикатным значением, часто нет строгой семантической грани между прилагательными, наречиями и стивными глаголами (конечно, если такие классы есть) и т.д. Может быть, и верно, что попытки определить части речи в морфологических или синтаксических терминах "не отражают их универсальной природы" (с. 127), но все же не в одинаковой степени: синтаксические определения намного универсальнее.

Остальные разделы этой части книги посвящены более конкретным проблемам грамматической типологии или грамматического анализа: организации именной парадигмы, разграничения согласования, управления и примыкания, семантики категории числа, соотношения стивов и результативов; особенно подробно рассмотрены разнообразные вопросы, связанные с типологией эргативности. За исключением раздела о согласовании, управлении и примыкании, основанном в значительной степени на материале русского и других индоевропейских языков, данные проблемы изучены на дагестанском материале; к ним примыкает и несколько выпадающий из структуры книги, но интересный сам по себе раздел в сопоставительном изучении лексики дагестанских языков.

Не претендуя на профессиональный разбор кавказского материала, мы хотели бы отметить одно свойство данных исследований А.Е. Кибрика: последовательный отказ от европоцентризма, стремление описывать "экзотические" языки в их собственных категориях и, наоборот, строить теорию,

основываясь на особенностях этих языков. В частности, убедительно показана неприемлемость к эргативным языкам традиционного понятия подлежащего и предложена иная, более универсальная система терминов; хорошо показана необходимость для арчинского языка выделения особого класса стивных глаголов, включающего в себя и лексемы, традиционно именуемые прилагательными. В последнем случае, правда, возникает один вопрос: вполне правомерно отказывая арчинским прилагательным в статусе части речи, А.Е. Кибрик все же отделяет их от других стивных глаголов в связи с "статистическими различиями в предпочтении предикативных и атрибутивных форм" (с. 151). Однако такая статистика не дается, и возникает сомнение в том, насколько она здесь действенна. Наш опыт исследования, в частности, японского языка, показывает, что исследователю-европейцу всегда хочется считать, что слова, переводимые на эталонный (скажем, русский или английский) язык прилагательными, должны и в изучаемом языке употребляться преимущественно атрибутивно, что на деле может быть и не так.

Последние разделы книги посвящены прикладной лингвистике. Помимо упомянутого выше раздела "Методика полевой работы с информантом", здесь публикуется еще одна статья из "Лингвистического энциклопедического словаря": "Прикладная лингвистика", а также несколько разделов, описывающих разработанную под руководством автора на филологическом факультете МГУ интегральную модель Оператора (Эксперта) информационно-справочной службы 09. Такая модель, в частности, позволяет объяснить ряд особенностей вербального поведения в информационном диалоге и отразить связь языковой компетенции с мыслительной деятельностью.

Помимо высказанных выше, можно сделать еще ряд частных замечаний. Некоторые из них отражают определенную несогласованность между писавшимися в разные годы разделами книги. Так, на с. 12 сказано: "Объемы значений... практически любых соотносимых в двуязычных словарях пар слов не совпадают". Это утверждение само по себе слишком категорично хотя бы в связи с занимающей немалое место в словаре любого развитого языка международной терминологией. Но на с. 175 оно еще и опровергается упоминанием того, что в любой паре дагестанских языков существует не очень многочисленная, но важная группа слов, у которых как раз совпадают объемы значений. Другой пример. На с. 195

читаем, что эргативные языки тесно связаны с ролевой ориентацией, а аккумулятивные языки редко являются последовательно ролевыми. На с. 221 же говорится другое: к языкам с ролевой ориентацией относятся семантически эргативные и семантически аккумулятивные в отличие от синтаксически эргативных и аккумулятивных. Одно и то же языковое образование именуется то чирагским языком, то чирагским диалектом. Есть ненужные повторения, например, дважды дается одно и то же определение фактива, дважды (на с. 207 и 219) говорится о разграничении в дагестанских языках понятий типа "бить" — "ударить".

Из совсем уж мелких погрешностей отметим, что фамилия упоминаемого на с. 35 и 332 японского лингвиста передается в русском языке как Сибатани, а Шибатани — транслитерация кириллицей английского написания этой фамилии, и что конференция "Типология как раздел языкознания", упомянутая на с. 39, состоялась не в 1976 г., а в январе 1977 г.

В целом же книга А.Е. Кибрика представляет собой итог более чем двадцатилетней работы этого ученого, хорошо известного не только в нашей стране, но и за рубежом, содержит немало интересных идей, дает важный не только для кавказоведов, но и для лингвистов различного профиля анализ конкретного материала. Книга будет с благодарностью встречена читателями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Холодович А.А.* Синтаксис японского военного языка. М., 1937. С. 4—5.
2. *Кибрик А.Е.* Методика полевых исследований (К постановке проблемы). М., 1972.
3. *Вахтин Н.Б.* К типологии языковых ситуаций на Крайнем Севере (Предварительные результаты исследования) // ВЯ. 1992. № 4.

Алпатов В.М.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992 221 с.

В современном языкознании достаточно полно представлено описание словообразования как одного из участков языковой системы. Заметим, что это сделано в значительной степени на материале славянских языков. В книге Е.А. Земской рассматривается действие словообразовательного механизма русского языка по данкам новообразований последних десятилетий. При этом выявляется: 1) какие слова и разряды слов наиболее активно создаются в современном русском языке, 2) с какой целью они создаются, 3) какие способы и средства словообразования при этом используются, 4) какова ономаσιологическая структура новообразований.

На обширном языковом материале проанализированы различные аспекты динамического словообразования, выявлены закономерности действия механизма словообразовательной системы, охарактеризованы тенденции ее развития, противоборство этих тенденций, обрисованы центр и периферия в функционировании словообразовательных единиц.

Впервые так подробно исследована роль словообразования в построении текста с точки зрения речевых намерений говорящего и в аспекте актуализации разных явлений системы словообразования. Дана детальная

классификация разных типов неузуального словообразования и установлена различная степень их активности.

В книге рассмотрен ряд важных и актуальных словообразовательных проблем. Интересен сам отбор проблематики. Е.А. Земская исследует главные вопросы теории синхронного словообразования: роль словообразования в порождении единиц, выполняющих разные функции в системе языка, содержание понятий "словообразовательный тип", "словообразовательная категория", "словообразовательная парадигма", различие характера словообразовательного значения в разных подсистемах языка и др.

Остановилось лишь на некоторых теоретических вопросах, рассмотренных в книге.

Автор устанавливает, что словообразование слов выполняет в языке разные функции: 1) собственно номинативную, 2) конструктивную, 3) компрессивную, 4) экспрессивную, 5) стилистическую. При этом Е.А. Земская справедливо отмечает, что это деление носит в известной степени условный характер, так как и экспрессивные обозначения типа *книженция* — это все-таки номинации, кроме того — нередко наблюдается и совмещение функций при образовании нового слова.

Выделение разных функций словообразо-

вания отражает объективную картину жизни языка и представляет несомненный интерес. Замечу лишь, что эти функции неодинаково обнаруживаются у разных частей речи. Только существительные могут создаваться для наименования реалии, еще не носящей имя (ср., например, условные номинации — названия открываемых новых элементов системы Менделеева — *ломоносовий*, *курчатовий* и т.п.). Наименования неназванного встречаются не так часто и среди существительных, они тоже в первую очередь создаются для замещения номинаций типа "тот, кто...", "то, чем...", "то, где..." и т.д. В сфере же признаковых частей речи — глаголов, прилагательных, наречий — образование слова — всегда замена уже существующего обозначения. Показательно, например, что глагол *прилуниться*, хотя и обозначает явление, которое стало реалией лишь во второй половине XX в. (как и открытые элементы или найденные минералы типа *кубанит*, *гагаринит*), представляет собой не более как заместитель словосочетания *опуститься на Луну*.

В книге убедительно показана важность понятий "словообразовательная категория" и "словообразовательная парадигма" для изучения системы словообразования и ее динамики. Исследование деятельного характера словообразования в рамках словообразовательных категорий, а не словообразовательных типов позволяет увидеть роль словообразования в представлении картины мира, отраженной в общественном языковом сознании.

Весьма продуктивно предложенное Е.А. Земской уточнение понятия "словообразовательный тип": включение в один словообразовательный тип производных, мотивированных разными частями речи, если это слова, из которых одно является синтаксическим дериватом другого: существительное — относительное прилагательное, глагол — отлагательное существительное, называющее действие, и др. Таким образом, производные, образованные от относительных прилагательных, выводятся из сферы отадъективного словообразования. Такой подход вполне объясним: качественные прилагательные имеют силу самостоятельной смысловой мотивации производных, в то время как относительные прилагательные уступают смысловую мотивацию существительным, синтаксическими дериватами которых являются, оставляя за собой лишь мотивацию формальную. Поэтому объединение в один словообразовательный тип слов *старик*, с одной стороны, и *фронтоник*, *плановик* — с другой, нецелесообразно,

поскольку первые выражают значение носителя признака, а вторые — отношение к предмету. Все эти и другие вопросы рассматриваются Е.А. Земской в первой главе книги. Предложенные автором решения имеют, на мой взгляд, несомненное значение для развития теории словообразования и принципов описания словообразовательных процессов.

В главе второй анализ материала по данным лексикографии обнаруживает значительно возросшую активность порождения сложных слов в русском языке, хотя активности суффиксации разные способы образования сложных слов все-таки не достигли.

Аффиксальная система обогащается новыми элементами

В качестве нового способа словообразования существительных начинает действовать контаминация (образования типа *Евросима* — "Хиросима в Европе").

Вызывает некоторое сомнение выделение такого способа образования, как усечение. Имеется в виду образование разговорных номинаций типа *маг* (магнитофон) и т.п., которые отличаются от своих мотивирующих только стилистической окраской. Думаю, что усечение еще не выражает стилистической окраски и не оформляет слово как часть речи. На мой взгляд, здесь целесообразно видеть нулевой суффикс аналогично словам того же "ранга", включающим материально выраженные суффиксы — типа *телевик* от *телевизор*, *шизик* от *шизофреник* и т.п.

В этой главе подробно рассмотрены все активные словообразовательные процессы в сфере разных частей речи. Приводятся количественные соотношения, характеризующие современное словопроизводство: соотношение способов словообразования; соотношение новообразований различных частей речи; действие различных способов словообразования в производстве различных частей речи.

Третья глава является центральной в книге. Она посвящена собственно номинативному словообразованию. Исследование проведено на материале имен существительных как самой номинативной части речи и наиболее богатой словообразовательными средствами.

В центре внимания автора находятся словообразовательные категории, которые объединяются в три обширных словообразовательных поля (поле Человека, поле Предмета, поле Признака — процессуального и не процессуального). В рамках этих полей Е.А. Земская и рассматривает мате-

риал в аспектах номинативном, ономазиологическом и функциональном.

Выделяются три класса семантически и категориально противопоставленных наименований: 1) имена лиц, 2) имена предметов, 3) имена действий и состояний. Автор выявляет в каждом классе те категории смыслов, которые наиболее активно облакаются в форму производного существительного, например, женщина, механизм, помещение, наука и — отрицание, противопоставленность, совместность, повторность, подчиненность и др. При этом установлена интересная зависимость: денотативное пространство обслуживается суффиксацией, понятийные категории — преимущественно сфера действия префиксации. Избранный Е.А. Земской угол зрения обуславливает нетривиальное осмысление материала. В данной главе автор рассматривает целый комплекс важных вопросов: принципы номинации новообразований, референтное поле наименований, обусловленность тех или иных образований, их соперничество с другими в рамках данного поля и сферу функционирования. Эта часть книги дает полную картину того, за счет каких основ и каких словообразовательных средств реально пополняются различные словообразовательные категории существительных, например, категория собирательности, категория лица, категория единичности и др. При этом последовательно отмечается, в какой сфере языка активно работают те или иные форманты, порождаются те или иные номинации. Так, в частности, отмечено функциональное разграничение образований на *-ик*, *-овик* и *-ник*: слова на *-ик* часто представлены жаргонными образованиями, область действия суф. *-овик* — профессиональная речь, названия лиц на *-ник* тяготеют к разговорной речи. Много тонких наблюдений в этой части книги относится к сфере семантических пристрастий суффиксов, порождающих названия лиц и другие виды производных слов.

Всесторонне проанализированы наименования видов механизмов, названных по основному и побочному действию, функционирующих в разговорной речи и в других сферах языка.

В поле зрения автора монографии находится и круг проблем, связанных с фразеологичностью семантики новообразований. Выявлено, в частности, при каких видах отношений между актантом, названным производящей основой, и невыраженным (приращенным) предикатом наиболее активно производятся отсубстантивные названия лиц с различными суффиксами.

Мы отметили лишь некоторую часть обширного круга вопросов, составляющих содержание третьей главы книги.

С проблематикой рецензируемого исследования связана работа Е.А. Земской, посвященная одному участку конструктивного словообразования — относительным прилагательным [1]. В ней содержится развитие концепции автора относительно природы отсубстантивных прилагательных с суф. *-н-*, *-ов-*, *-ск-*. Е.А. Земская отстаивает мысль, что относительные прилагательные не имеют вне контекста определенных лексических значений, которые можно было бы исчислить и представить в виде списка; на огромном материале проанализированы разные виды возможных отношений, активно выражаемых отсубстантивными прилагательными в разных сферах речи.

Обращение к этому вопросу со стороны Е.А. Земской, вероятно, вызвано появлением в последнее время ряда работ, в которых производится попытка исчисления значений относительных прилагательных (см. например [2]).

Большой интерес представляет та часть работы Е.А. Земской [1], в которой рассматривается рост категории относительных прилагательных в современных европейских языках (немецком, французском, английском). Подробное описание окачествления относительных прилагательных наглядно показывает читателю, чем компенсируется пассивность собственно адъективного словообразования, т.е. производство качественных прилагательных.

Четвертая глава книги посвящена в основном двум проблемам: деятельности характеру словообразования в тексте и речевым намерениям говорящего при реализации функций словообразования в речи.

Наиболее интересным представляется первый раздел, где показаны все или почти все виды актуализации семантических связей внутри словообразовательной системы языка в процессе порождения новых слов: актуализация связей членов словообразовательной пары, словообразовательной категории, словообразовательной парадигмы и мн. др. При этом, как и во всей книге, из массы словообразовательных средств, выполняющих аналогичную функцию (например, функцию номинализации), выделяются активно действующие в настоящее время форманты.

Некоторые положения этой главы вызывают замечания.

Представляется спорным утверждение автора книги, что "общее свойство текстовых образований — усиление членности

слова" (с. 178). Думается, что все производные слова, пока они остаются таковыми (т.е. не утрачивают мотивированности), находятся на одной ступени членности, и индивидуально *доложитель* членится не лучше, чем узуальное *читатель*.

В этой главе, на наш взгляд, недостаточно определено эклицированы разные аспекты изучения текстовых образований. Некоторые типы производных рассматриваются здесь дважды с разных точек зрения: с точки зрения обнаружения деятельностного характера словообразования, с одной стороны, и речевого намерения говорящего, с другой. Поэтому читателю не вполне ясно, почему повторение в тексте ряда одноприставочных глаголов в одном случае квалифицируется как актуализация словообразовательной структуры (*пробежали, проходили, проплывали*, с. 168), а в другом — как порождение интенсифицирующих номинаций (*заорали, засвистели*, с. 177). Да и само разграничение явлений, с точки зрения функций словообразования и намерений говорящего, не всегда бесспорно. Так, каламбурное столкновение производных слов в тексте, на мой взгляд, скорее свидетельствует о склонности говорящего к языковой игре, чем о проявлении деятельностного характера словообразования.

В последней — пятой — главе книги деятельностный характер словообразования рассматривается на материале неузуальных слов. Эта глава содержит многоаспектный анализ окказиональных и потенциальных слов, отмеченных в языке современной периодики, в разговорной речи и в языке художественной литературы. Автор дает также систематизацию способов и приемов порождения разных типов неузуальных слов.

Автор показывает, что "в языковую компетенцию говорящего входит владение механизмом построения новых слов, причем не только по моделям общезыкового новообразования, но и по моделям словообразования окказионального, экзотичного" (с. 203).

Обширный свежий материал, интересный сам по себе, дает возможность автору книги по-новому взглянуть на некоторые теоретические вопросы словообразования. Касаясь проблемы разграничения потенциальных и окказиональных слов, Е.А. Земская раскрывает неоднозначность трактовки этих типов неузуальных образований в тех случаях, когда они создаются с помощью высокопродуктивных аффиксов (характерная черта потенциальных слов), но с нарушением законов действия словообразовательного

типа (свойство окказионализмов). Таковы, по наблюдениям Е.А. Земской, образования на *-изм* типа *усложнизмы, путчизмы* и на *-ость* типа *женскость, русскость*. Тем самым обнаруживается, что потенциальные и окказиональные слова могут сближаться. Резко противостоят друг другу лишь их крайние представители.

Одно замечание по содержанию этой главы касается приемов порождения окказионализмов. Думаю, что образования по конкретному образцу не составляют специфической особенности окказионализмов. Очевидно, что так образуются и узуальные слова (ср., например, глагол *прилуниться*, в свое время образованный по образцу *приземлиться*).

Все мои замечания носят лишь характер размышлений, вызванных этой интересной книгой.

В заключение хочу подчеркнуть следующее. Несмотря на большие достижения современного словообразования (см., например [3—6]), в мировой науке дериватологии еще не стала полноправным разделом языкознания. В ряде стран, прежде всего в США, область лингвистики составляют грамматика и лексика, тогда как за дериватологией не признают права на самостоятельное существование, растворяя ее между двумя названными дисциплинами. Отчасти это объясняется влиянием идей Хомского в американском языкознании. Не меньшую роль, однако, играет и специфика английского языка — слабая развитость в нем аффиксального словообразования по сравнению с русским и другими славянскими языками.

Монография Е.А. Земской представляет еще одно убедительное свидетельство того, что дериватология — это самостоятельная лингвистическая дисциплина, имеющая свою проблематику, свой набор теоретических понятий, свой объект изучения. Особую ценность для теории словообразования представляет первая глава книги. Подчеркну новаторский характер разрабатываемого автором понятия "словообразовательная парадигма" (впервые об этом понятии Е.А. Земская писала в 1973 г.), к изучению которого несколько позже подошли и лингвисты других стран [7].

В трудах по словообразованию обычно производится разграничение продуктивных и непродуктивных явлений, однако это разграничение, как правило, не кладется в основу отбора и осмысления материала. В рецензируемой работе выявляется деятельностный характер механизма словообразования. Разграничение активного/неактивного

в системе современного словообразования составляет главное содержание книги. Именно этот принципиально новый подход к рассмотрению синхронного словообразования придает работе Е.А. Земской особый интерес и ценность.

Важно отметить также, что в книге последовательно проводится системный подход; показана динамика системы словообразования.

Название книги удачно отражает этот основной аспект исследования, подтверждая, что словообразование — один из важнейших действующих механизмов системы языка.

В работе Е.А. Земской удачно сочетается глубокое рассмотрение многих актуальных теоретических проблем с анализом богатого материала. Монография Е.А. Земской, на мой взгляд, интересна не только всем, кто изучает общее и русское словообразование, но и тем, кто занимается проблемами лексикологии, лексикографии и общего языкознания. Думаю, что выход в свет книги Е.А. Земской — значительное событие в мире лингвистики.

1. Земская Е.А. Относительные прилагательные как конструктивный элемент номинативной системы современного языка // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Морфология. Словообразование. Синтаксис. М., 1991.
2. Немченко В.Н. Словообразовательная структура имен прилагательных в современном русском языке. Горький. 1973.
3. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Виноградов В.В. Изобр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975.
4. Dolžil M. Tvoření slov v češtině. Teorie odvození slov. Praha, 1963.
5. Русская грамматика. М., 1980.
6. Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Warszawa, 1984.
7. Guilbert L. La création des mots. P., 1975.

Ермакова О.П.

In honour of Professor Victor Levin. Russian philology and history / Editor-in-Chief: Moskovich W. Editorial board: Frankel J., Serman I., Shvarzband S. The Hebrew University of Jerusalem. The department of Russian and Slavic studies. Jerusalem. 1992. 410 p. (на русск. и англ. яз.).

Работы Виктора Давидовича Левина, посвященные истории русского литературного языка, языку русской литературы и русской стилистике, широко известны филологам среднего и старшего поколения. В 1974 г. В.Д. Левин эмигрировал в Израиль, и его имя исчезло с горизонта отечественной науки. С 1976 г. В.Д. Левин — профессор отделения русских и славянских исследований Еврейского Университета в Иерусалиме. Рецензируемый сборник выпущен к 55-летию его научной деятельности.

Сборник открывается кратким очерком жизни и творчества юбиляра, за которым следует "Библиография избранных трудов В.Д. Левина", содержащая, насколько мы можем судить, все наиболее существенное

из опубликованного им. Состав сборника, по крайней мере внешне, отражает круг научных интересов самого Виктора Давидовича. Основные разделы, занимающие три четверти объема книги — "Русский литературный язык", "Язык русской литературы", "Язык, литература и история", — точно повторяют разделы библиографии избранных трудов юбиляра. Но фактически диапазон представленных в сборнике тем существенно шире: наряду с собственно лингвистическими статьями здесь имеются работы по стилистике художественной литературы, чисто литературоведческие статьи, материалы по истории русско-еврейских литературных связей (они вынесены в особый раздел) и даже одна постмодернистская новелла,

написанная А.К. Жолковским. По составу авторов сборник интернационален: в нем представлены ученые восьми стран, среди которых преобладают наши соотечественники и израильтяне (в большинстве своем тоже недавние соотечественники). Из 32 статей 28 написаны по-русски. В настоящем обзоре мы попытаемся дать представление о собственно лингвистической части книги — 10 статьях, сконцентрированных главным образом в разделе "Русский литературный язык". Из этих десяти статей шесть непосредственно посвящены истории и современному состоянию русского литературного языка, три — стилистике художественной речи и одна — семантике. Но расположены они в ином, по видимости, произвольном порядке.

Первая из собственно лингвистических статей представляет собой стенограмму доклада Г.О. Винокура "Язык писателя и норма", прочитанного в октябре 1939 г. на курсах повышения квалификации писателей (с. 19—33). Как отмечает в кратком предисловии к тексту стенограммы ее публикатор Т.Г. Винокур, основная мысль доклада сегодня может показаться самоочевидной. Она заключается в том, что литература не имеет права отказываться от ответственности за общую судьбу языка. Потенциальный конфликт между литературной нормой и установкой на социальную типизацию речи в реалистической литературе во времена Тургенева и Толстого успешно разрешался по принципу "что позволено персонажу, не позволено автору"; однако после 1917 г., когда литературный язык начал, по выражению Г.О. Винокура, "расползаться" в социальном пространстве, стихия диалектной речи хлынула в литературу, захлестывая не только речь персонажей, но и авторское повествование. Г.О. Винокур призывает писателей к "скромности и даже самоотречению" (с. 32) во имя сохранения национальной литературной нормы и национальной культуры в целом.

Действительно, основные положения доклада давно вошли в тезаурус отечественной филологии, и публикация представляла бы лишь исторический интерес, если бы сегодня ситуация, о которой говорит Г.О. Винокур, не повторилась — русский литературный язык снова оказался под ударом просторечной стихии. В литературу, освобожденную от цензурных рогаток, неудержимым потоком вливается язык улицы — не только московской или петербургской, но также ньюйоркской и иерусалимской, поскольку сама русская литература "расползлась" уже не только в социальном,

но и в географическом пространстве. Хорошо это, плохо или просто неизбежно, — здесь не место затевать дискуссию по этому поводу; неоспоримое, однако, что мысли Г.О. Винокура об ответственности литературы за судьбу языка сейчас как нельзя более актуальны для писателей, издателей, лингвистов и просто "ревнителей" русской речи, как у нас, так и за рубежом.

Об актуальности и обоснованности тревоги Г.О. Винокура за судьбы литературного языка в периоды социальных потрясений наглядно свидетельствуют статья Л.П. Крысина «Социолингвистический взгляд на понятие "современный русский литературный язык"» и статья В.А. Москвича "Заметки о языке литературы русского зарубежья". В статье Л.П. Крысина (с. 117—125) современный русский литературный язык определяется как "подсистема русского национального языка, на которой говорят лица, обладающие тремя признаками: 1) русский язык является для них родным; 2) они родились и/или длительное время... живут в городе; 3) они имеют высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на русском языке" (с. 118) (см. также [1]). Естественно, возникает вопрос о достаточности этих критериев: можно ли считать, что речевая практика очерченного таким образом множества лиц — это и есть литературный язык в традиционном, собственно лингвистическом его понимании? Ссылаясь на данные массового обследования, предпринятого по инициативе М.В. Панова [2], автор отвечает на этот вопрос утвердительно: "это русский литературный язык" (или, во всяком случае, сильное приближение к нему)" (с. 121). Но подходит ли такое определение, например, к современному городскому молодежному сленгу, носители которого в подавляющем большинстве своем обладают указанными статусными признаками?

В соответствии со своим, так сказать, экстенциональным толкованием литературного языка автор приписывает последнему свойства гетерогенности и вариативности. Однако эта вариативность не должна все-таки выходить за определенные рамки — иначе понятие литературного языка теряет всякий смысл. Вообще не следует забывать, что это понятие, как и многие другие лингвистические концепты, есть конструкт, а не эмпирическая данность; поэтому спор о том, что такое литературный язык, строго говоря, некорректен. На наш взгляд, литературный язык разумнее толковать "интенционально" — как некую идеальную норму,

которой не обязательно соответствует вся речевая практика даже действительных членов Академии наук по отделению языка и литературы. Но в любом случае экстенсивный подход, отстаиваемый Л.П. Крысиным, выводит нас на другое понятие, которое и называться должно иначе. Приписывая статус литературного языка речевой практике указанного множества лиц, не оправдываем ли мы тем самым речевой беспредел, против которого предостерегал Г.О. Винокур?

Статья В.А. Москвича "Заметки о языке литературы русского зарубежья" (с. 126—135) наглядно демонстрирует языковые последствия упомянутого выше "расползания" русской литературы в географическом пространстве. Основная тема статьи — избираемые писателями русского зарубежья (в частности, Израиля) стратегии "представления материала, идущего от иностранного языка" (с. 128), т.е. в первую очередь реалий страны, где происходит действие и где, как правило, живет сам писатель. В.А. Москвич выделяет ряд факторов, определяющих подход писателя к такого рода материалу (аудитория, для которой предназначено произведение, оценочное отношение писателя к иностранному языку и иностранной действительности и др.), и постулирует 4 стратегии его представления: 1) восприятие и представление иностранного языка как чужеродного объекта, что выражается в буквальном переводе реалий и калькировании синтаксических конструкций; 2) полное принятие иностранного языка — включение в текст массы экзотизмов и варваризмов; 3) контролируемое введение заимствований, главным образом, в диалогах; 4) "органическое вплетение заимствований и калек... при полной открытости к иностранному материалу" (с. 129). Эта классификация иллюстрируется большим числом интересных и убедительных примеров из произведений современных русских писателей Израиля. Думается, однако, что предлагаемая автором типологическая схема могла бы быть уточнена путем последовательного разграничения авторской речи и речи персонажей.

В статье А.А. Алексева "Место П.А. Вяземского в истории русского литературного языка" (с. 145—155) исследуются те черты стиля эпистолярного наследия Вяземского, в которых отчетливо проявились новые нормы русской литературной речи, связываемые с творчеством Пушкина. К числу таких черт автор относит вульгаризацию церковнославянской стихии, повышенную и разнообразную метафоричность, широкое введение

простонародной лексики и фразеологии, а также словообразовательную импровизацию. Эти свойства стилистики писем Вяземского показаны убедительно, впечатляюще, на прекрасно подобранных примерах, которые позволяют автору сделать закономерный вывод: "письма Вяземского... дают ранние и яркие свидетельства о лингвостилистических процессах, обеспечивших сложение литературного языка с новым стилистическим обликом" (с. 152—153). И тем неожиданнее кажется следующее утверждение А.А. Алексева: "Как один из главных идеологов новой стилистики Вяземский оказывал влияние на направление и скорость этих процессов" (с. 153). Чем? Личными письмами? Это возможно, учитывая круг его корреспондентов. Но сам же автор исходит из того, что "место писателя в истории языка определяется его литературным творчеством" (с. 145), т.е. опубликованными текстами. Вяземский же как литератор не был влиятелен и оригинален, что с самого же начала признает А.А. Алексева. Следовательно, или исходный тезис статьи требует ревизии, или цитированное утверждение продиктовано увлеченностью исследователя.

Особого внимания заслуживает теоретическое положение, высказываемое автором в конце статьи. Указав на то, что частные письма от всех других жанров отличаются "особо тесной связью с устной речью" (с. 153), и подчеркнув, что по меньшей мере две из названных черт писем П.А. Вяземского "могут быть оценены как элементы устноречевого функционирования", автор довольно резко формулирует: "Таким образом, после Карамзина судьбы новой стилистики решаются в устной речи образованного общества. Новизну ситуации следует со всею настойчивостью подчеркнуть, ибо во все предшествующие столетия дело ограничивалось письменными текстами" (с. 154). Мысль А.А. Алексева вызывает симпатию, но думается, что новизну ситуации требуется еще со всею настойчивостью обследовать; возможно, что в начале XIX в. решение судеб новой стилистики действительно стало делом преимущественно устной речи (хотя и это еще нужно доказать), но сопровождать данное утверждение столь упрощенным решением той же дилеммы по отношению к предшествующим векам вряд ли целесообразно. По сути дела, А.А. Алексевым здесь поставлена сложная проблема о соотношении влияний устной и письменной форм речи на развитие литературного языка — проблема, еще далекая от окончательного решения.

Н.И. Толстой, реконструируя в своей

статье "Взгляды А.Н. Пыпина на историю русского литературного языка (Страничка из истории русской лингвистики)" (с. 156—169) систему взглядов А.Н. Пыпина на историю русского литературного языка на основе первой книги его четырехтомной "Истории русской этнографии" (СПб., 1890—1892), убедительно доказывает, что известный русский ученый "заложил один из первых камней в фундамент науки об истории русского литературного языка" (с. 167). По справедливому мнению автора, "это не следует предавать забвению", ибо история этой дисциплины еще не написана. Отдельный акцент Н.И. Толстой делает на мысли А.Н. Пыпина "об известном параллелизме и некоторой взаимозависимости развития русского общественного сознания и общественной мысли, русской литературы и русского литературного языка (там же). Действительно, эта обширная и "благодарная", как говорит Н.И. Толстой, проблема еще ждет своего исследователя — непредвзятого и не отягощенного идеологическими ризами.

В статье «К истории деепричастия "будучи"» (с. 170—179) Г. Хюттль-Фолтер (Вена) рассматривает обороты с этим деепричастием в переводе "Разговоров о множестве миров" Фонтенеля, выполненном А. Кантемиром (1730 г.). Работа удачна по выбору материала: сопоставление переводного текста с французским оригиналом позволяет автору бесспорно отделить случаи калькирования оригинального синтаксиса от "естественного" употребления оборотов с *будучи*. По данным автора, из примерно полусотни таких оборотов в тексте перевода лишь 13 соответствуют аналогичным оборотам с *étant/ayant* в оригинале. В статье дана классификация конструкций с *будучи* в тексте А. Кантемира, отдельные примеры подробно проанализированы.

Работе, однако, недостает последовательности в реализации замысла: информация о времени распространения оборота с *будучи*, обрамляющая статью, выглядит лишь рамкой и никак не обеспечена ее содержанием. В то же время интересные наблюдения, которые читатель найдет в статье, автором не обобщены. Размышляя об "экспансии" *будучи* в литературном языке XVIII в., Г. Хюттль-Фолтер указывает на такие причины этого явления, как 1) "длина и комплексность французских периодов", 2) "дефектность глагола *être* в настоящем времени, потому что *будучи* передает 15 раз личные формы глагола *être* в настоящем времени, чтобы избежать нулевой связки" (с. 171—172). Между тем можно предположить, что эта "экспансия" представляет

собой возвращение деепричастию функции "аппозитивного" причастия (А.А. Потебня). Развившееся, как известно, из формы им. пад. ед.ч. именного ("краткого") действительного причастия, деепричастие утрачивает атрибутивную функцию: уже в "Повести временных лет" отмечаются случаи расхождения деепричастия с подлежащим [3]. Оборот с *будучи* выступает в роли нового дуплексива с гибридной атрибутивно-обстоятельственной функцией, как бы восполняя утраченные причастные формы и сближаясь с "аппозитивными" причастиями. Отметим, кстати, что эта двойственная функция позволяет обороту с *будучи* сохранять определенное положение и в современном литературном языке.

В статье М.В. Панова "Позиционные отношения в стилистике" (с. 136—144) высказывается мысль о возможности применения некоторых понятий фонологии к исследованию художественной речи. По мнению автора, и в этой области полезно разграничивать свободно избираемое и обусловленное контекстом. В частности, в художественной речи обнаруживаются явления, позиционно оправдывающие отступление от норм данного текста и делающие их эстетически значимыми. В некоторых текстах такая компенсация отклонений от нормы получает определенную мотивировку в виде апелляции к иной стилевой или диалектной системе, к иной поэтической традиции. Высказывается также осторожное предположение: может быть, особенность художественного текста и заключается в том, что "в ряду стилистических средств каждое из них является компенсатором для другого?" (с. 142).

Думается, что эта последняя формулировка приложима не только к художественному, но и к любому другому стилистически однородному тексту: множественные проявления жанровых и индивидуальных норм, которым подчиняется текст, поддерживают друг друга, сигнализируя тем самым жанр и создавая образ субъекта речи.

Вторая из статей, посвященных стилистике художественной речи, написана Б.С. Шварцкопом и называется "О приеме антипарцелляции" (с. 180—184). Сущность этого приема, используемого для передачи внутреннего монолога, заключается в "стремлении к объединению нескольких предложений, составляющих абзац, в одно, стремление представить их как одну укрупненную единицу" (с. 182). Синтаксически самостоятельные предложения разделяются в этом случае не точкой, а точкой с запятой. Автор связывает этот прием с другими проявле-

ниями тенденции к "дроблению синтагматической цепочки" и формированием актуализирующего типа художественной прозы (по Н.Д. Арутюновой [4]). К этому можно было бы добавить, что антипарцелляция отражает недискретность потока сознания и давно используется в западной прозе соответствующих направлений (в частности, в творчестве Д. Джойса, Ф. Дюрренматта, К. Симона). Не случайно этот прием так распространен в прозе Юл. Семенова — писателя, творчество которого по сути своей вторично.

В статье Н.А. Кожевниковой "О соотношении прямого и метафорического словоупотребления в русской прозе начала XX века" (с. 185—196) развивается мысль о том, что увеличение роли тропов в русской прозе начала XX в. приводит к существенным изменениям в общем характере повествования: для структуры художественного текста этого периода "характерны колебания от прямых к косвенным обозначениям и обратно" (с. 186). На огромном количестве отлично подобранных примеров из произведений Белого, Чехова, Бунина, Замiatина, Ремизова, Андреева, Бабеля и др. автор показывает, как прямые и косвенные обозначения сочетаются в тексте, как они систематически употребляются совместно в аналогичных синтаксических позициях, хотя "конструкция однородных членов изначально предполагает семантическую однотипность объединяемых слов" (с. 187). Выделяются сочетания прямых обозначений с метафорами-сравнениями, метафорами-загадками разного происхождения и характера, метонимическими обозначениями, сочетания слов в прямом значении и адективных метафор в ряду однородных определений, сочетания прямых номинаций и метафор в сложных предложениях и развернутых фрагментах текста.

Обилие имен и примеров неопровержимо свидетельствует о том, что речь идет не о явлениях индивидуального стиля, а об общей тенденции языка русской прозы указанного периода. Теоретически рассуждая, сомнение могло бы вызвать лишь интуитивно кажущееся верным утверждение автора, что для литературы XIX в. такие явления в целом не характерны, — подкрепить его примерами, естественно, нельзя. Придать ему большую доказательность могли бы лишь данные статистического обследования.

Значительный интерес представляет статья К. ван Схоневельда (C. van Schooneveld, La Roche-Sur-Foron) "Towards a semantic classification of the Russian conjugations" (с. 89—116), букв.: "К семантической классифи-

кации русского спряжения". Однако автор понимает спряжение весьма широко: на самом деле статья посвящена семантике глагольных "тематических" суффиксов-гласных: *-а-*, *-и-*, *-е-* и др. Идея автора заключается в том, чтобы применить разработавшуюся им на протяжении четырех десятилетий систему описания "семантической структуры русского языка" к анализу глагольных суффиксов. Суть этой системы состоит в следующем: "семантическая структура русского языка, как лексическая, так и грамматическая, может анализироваться при помощи шести концептуальных (семантических) признаков": "множественность" (plurality), "отграниченность" (demarcatedness), "пред-идентичность" (preidentity), "верификация" (verification), "сокращение" (cancellation), "объективность" (objectiveness) (с. 91—92).

Итогом работы оказываются три утверждения: "1) глагольные суффиксы русского языка имеют каждый свое значение; 2) эти значения суть варианты общего набора инвариантов, который выявляется (повторяется) в различных морфологических категориях русского языка...; 3) *-ыва-* отмечен признаком множественности, *-а-* отмечен признаком отграниченности, *-и-* отмечен признаком пред-идентичности, *-е-* отмечен признаком верификации, *-ну-* отмечен признаком сокращения" (с. 112—113).

Попытка выявить глубинные операциональные значения "тематических гласных" — глагольных суффиксов не может не вызвать интереса, равно как и уважения к смелости автора. Представляется заслуживающей самого пристального внимания русистов и система описания семантики в целом, предлагаемая К. ван Схоневельдом. К сожалению, не все детали этой системы в одинаковой степени прояснены; особенно это касается "4-х уровней дейксиса", которые получили в статье лишь самую краткую и обобщенную характеристику на с. 95.

По целому ряду частных вопросов с автором можно спорить. Например, вызывает сомнение однозначное утверждение, что суф. *-е-* (*-еј-*) отмечен признаком верификации и что "здесь мы имеем дело с включением (insertion) процесса в отображаемую ситуацию" (с. 102). Допустим, что это верно для глаголов типа *белет*; но как быть с глаголами *довлеть*, *говеть*, *владеть*, *жалеть*?

Аналогичные сомнения возникают и по поводу всех других суффиксальных групп глаголов, внутри которых не проводится последовательных разграничений ни по виду, ни по способу действия, ни по признакам

производности/непроизводности, переходности/непереходности и т. д. (некоторые из этих разграничений используются лишь спорадически).

Глагольная семантика понимается К. ван Схоневельдом как словарная данность (при том, что многозначные слова чаще всего анализируются автором в совокупности их основных значений). Однако анализ глагольной семантики вне контекста, по-видимому, вообще невозможен, поскольку процессуальное значение полностью выявляется лишь в высказывании. Опора на экспликацию исключительно словарного типа в ряде случаев приводит автора к недостаточно убедительным результатам.

В этом можно усмотреть нечто большее, нежели просто неадекватный способ экспликации языковых значений. Речь идет о представлении языковой семантики (и языка в целом) в качестве строго заданной структуры, с четкими разбиениями множеств на подмножества, с однозначной функциональной специализацией элементов и т. п., в сознательном отвлечении как от фактов диахронии, так и от функционирования системы. Взгляд знакомый. Однако современное лингвистическое мышление, видимо, все же предполагает и представление о том, что исследование, выдержанное в подобных ориентирах, находится в отношениях дополнительности с исследованиями функционального плана, а в иде-

але — и с диахроническими. Именно этого представления (хотя бы в качестве фона) недостает, как кажется, работе К. ван Схоневельда.

Краткий обзор помещенных в лингвистическом разделе сборника материалов показывает их тематическое и методологическое разнообразие, что можно считать скорее достоинством, чем недостатком книги. Статьи различны и по своей научной ценности. Тем не менее сборник в целом представляет собой значительный вклад в науку о русском языке. Косвенное подтверждение этому мы видим в том, что живейший интерес специалистов к этой книге возник практически одновременно с ее выходом в свет и значительно опередил настоящую рецензию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русский язык по данным массового обелелования / Под. ред. Крысина Л. П. Кн. I—IV. М., 1974.
2. Русский язык и советское общество / Под. ред. Панова М. В.: В 4-х т. М., 1968.
3. Георгиева В. Л. История синтаксических явлений русского языка. М., 1968. С. 103 и сл.
4. Арутюнова Н. Д. О синтаксических типах художественной прозы // Общее и романское языкознание. М., 1972.

Долинин К. А., Дымарский М. Я.

Технический редактор *Н. И. Салюк*

Слано в набор 27.10.93	Подписано к печати 24.12.93	Формат бумаги 70×100 ¹ / ₁₆		
Офсетная печать	Усл. печ. л. 13,0	Усл. кр.-отт. 31,9 тыс.	Уч.-изд. л. 16,7	Бум. л. 5,0
Тираж 2407 экз.		Зак. 602		Цена 80 р.

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка, телефон 201-74-42

Московская типография № 2 ВО "Наука", 121099, Москва, Г-99 Шубинский пер., 6

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах; текст и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон.

2. Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках.

3. Библиография в журнале оформляется следующим образом:

а) список использованной литературы дается по порядку номеров в конце статьи;

б) ссылки на литературу в тексте приводятся в квадратных скобках: [1, с. 3], [2—4], [1, 3]; в случае одноразовой ссылки указание на страницу, если оно необходимо, дается в списке литературы; если же упоминаются разные страницы одного и того же источника, указание на страницы следует давать в тексте;

в) подстрочные примечания, которые сохраняются наряду со списком использованной литературы, имеют сквозную нумерацию.

4. Непринятые рукописи возвращаются по просьбе авторов.

5. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются.

6. Авторам публикуемых статей направляется копия наборного экземпляра, который является окончательным вариантом сдаваемого в набор материала; корректура авторам не высылается.